

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Interlinguistica Tartuensis

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIHK 644 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.g.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ЯЗЫКА

INTERLINGUISTICA TARTUENSIS

2

ТАРТУ 1983

Редакционная коллегия:

П. Аристэ (председатель), В.П. Григорьев, А.Д. Дуличенко,
С.Н. Кузнецов, М. Линнамяги, П. Нурмекунд, С.В. Смирнов

Ответственный редактор А.Д. Дуличенко

О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ЛИНГВОПРОЕКТИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРЛИНГВИСТИКЕ

А. Д. Дуличенко

Осознание человеком разноразличия мира одновременно выдвинуло, видимо, и мысль о необходимости его преодоления; последняя, можно думать, воплощалась в мечте о едином языке человечества. Когда в действительности человеческое сознание дошло до этого, мы не знаем. Известно только, что один из путей преодоления разноразличия еще на заре нашей эры видели в создании "нейтрального", а главное - легкого и простого в изучении языка. Возникновение мысли о возможности сознательного языкотворчества означало в то же время рождение первых интерлингвистических представлений, означало начальные, глубинные истоки самой науки интерлингвистики. Это дает право считать сознательное языкотворчество, лингвопроектирование хронологически наиболее ранним, а в содержательном плане - стержневым аспектом науки о межкультурном языке. До XII в. нам известны лишь общие упоминания о предлагавшихся проектах языковых (и шире - знаковых) систем, предназначенных прежде всего для общения между носителями разных языков. К XII в. относится первый продукт сознательного языкотворчества, о существовании которого мы имеем некоторые сведения, - априорная языковая система, составленная аббатисой Хильдегардой из Рупертсберга (Германия). Априорность проекта, известного в интерлингвистике под названием "незнакомый язык" - по-латыни *Ignota lingua*, состояла в сильно рационализированной грамматике, что видно на примере категории имен существительных, снабженных определенным константным показателем - постфиксом -z: *pariz* "отец", *aigonz* "бог". Что касается словаря, то он в "незнакомом языке" состоял из 900 корней, взятых преимущественно из европейских ("католических") языков, а также из некоторых восточных.

Теоретическое осмысление языкотворчества начинается лишь в первые десятилетия XVII в. и связано с именами двух крупнейших философов этого времени - Френсиса Бэкона и Рене Декарта. Первый обосновывал особую грамматику - философскую, которая специально должна была заниматься созданием всеобщего языка, свободного от недостатков естественных языков: "Это был бы вполне прекрасный язык", - писал Бэкон в сочинении "*De dignitate et augmentis scientiarum*" ("О достоинстве и усовершен-

ствовании наук", 1623). Декарт значительно развил эту идею, показав возможности построения грамматики на логических основах: грамматические аффиксы строго специализированы, а потому склонение и спряжение носит унифицированный характер и не знает исключений; создание словаря предполагает выделение исходных абстрактных понятий, которые логично членятся до бесконечности и тем самым дают возможность отражения в такой семантической классификации всех реалий мира. На таком языке, писал Декарт, "крестьяне смогут судить о сущности вещей лучше, чем это делают в настоящее время философы" ("les paysans pourroient mieux juger de la verité des choses, que ne font maintenant les philosophes") [цит. по: 15, 13].

Идея построенного на строго логической основе философского языка Вэкона и Декарта была первым опытом теоретического осмысления некоторых сторон лингвопроектирования. Весь ХУП, а затем и ХУШ-ХІХ вв. прошли под знаком разработки теоретических вопросов лингвопроектирования и разработки самих проектов языковых систем различной структуры и предназначения. Потребовалось два с половиной столетия, чтобы сознательное языкотворчество вышло из теоретической сферы - в сферу использования социального: лишь в 1879 г. появляется лингвопроект - волапук Йоганна Мартина Шлейера, который впервые стал массово применяться как единое средство общения между носителями разных языков. Судьба этого языка хорошо известна. Однако с ним возникает принципиально новый этап в истории лингвопроектирования - этап практической реализации, практической проверки теоретических установок лингвопроектирования. Почти столетняя практика широкого функционирования эсперанто доказывает это.

Термин "лингвопроект" (и производный "лингвопроектирование") появляется, видимо, не ранее чем на рубеже двух веков и своим рождением обязан, как представляется, языку эсперанто. Сочетание *projekto de lingvo*, преобразованное в композиту *lingvoprojekto*, впоследствии стало обрывать новыми словообразовательными связями, в результате чего появились термины: *lingvoprojekti* "лингвопроектировать", *lingvoprojektado* "лингвопроектирование", *lingvoprojektisto* "тот, кто создает искусственный язык", *lingvoprojektismo* "явление лингвопроектирования". В 20-30-е гг. эти эсперантизмы активно используются на страницах русских изданий, посвященных вопросам международного языка, в формах: "лингвопроект", "лингвопроектист", "лингвопроектизм"; "лингвопроектирование" встречается очень редко (см., например, журнал "Международный язык" за 20-30-е гг.). Правда, тогда же делаются попытки заменить этот термин, однако безуспешно. Так, один из довоенных деятелей движения за международный язык Е. Спиридович в своих "Очерках теории вспомогательного международного языка" предлагает пользоваться терминами "лингвотехника" и "лингвотехнология" (последний фактически тут же забывается автором и по-

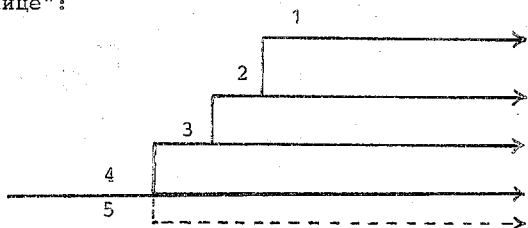
всеместно заменяется первым). Этими терминами он обозначал "основную языковедческую дисциплину", которая должна была заниматься "искусственным творчеством в языке", сознательным вмешательством в языковое развитие общества. При этом сознательное языкотворчество, по мысли автора, подразумевает прежде всего вопросы создания международного искусственного языка, а также "искусственное строительство национально-литературных языков". "Лингвотехник", в соответствии с этим, должен "производить упрощающие и обогащающие реформы в грамматиках национально-литературных языков", а конечной его целью является "создание рационального языка" [см. четвертую часть этой работы: 10, 301-306]. Термин "лингвотехника" ("современная лингвотехника" и т.д.) в значении "лингвопроектирование" присутствует и в программе курса "Теория и практика международного языка" для Московского педагогического института, опубликованной журналом "Международный язык" в 1930 г. [9, 244]. Однако он не прижился, вероятно, из-за семантической неопределенности и иной семантической соотношенности своего второго компонента ("техника", "технология"); к тому же в словообразовательном плане термин "лингвотехника" оказался ограниченным - от него невозможно было создать дериваты, соответствующие терминам "лингвопроектировать", "лингвопроектизм".

Под лингвопроектированием следует понимать, с одной стороны, разработку принципов создания искусственных (или плановых) языков, с другой - сам процесс создания таких языков, т.е. лингвопроектов. По данным автора настоящей статьи, основанным на изучении источников и литературы по вопросу всеобщего (универсального, всемирного) и международного вспомогательного языка, за период от П. в. н.э. и до 70-х гг. XX в. было создано различного уровня разработки более 900 лингвопроектов, в структурном плане укладывавшихся в рамки 1) априорных, 2) апостериорных и 3) смешанных ("микст") языковых систем. Этот огромный материал частью теоретически осмыслен, в большинстве своем, однако, ждет дальнейшего анализа. В предлагаемой работе ставится задача выявить основные направления в лингвопроектировании послевоенного времени.

В XX в. (до 1973 г. включительно) было создано 553 лингвопроекта, из них с 1951 по 1973 гг. появилось 143 (с 1961 по 1973 гг. - 80). Безусловно, такая масса новых проектов носит прежде всего теоретический характер и не представляет угрозы для реально функционирующих международных искусственных языков, особенно эсперанто. Дело не в количестве, а в тех положительных теоретических решениях, которые содержатся в отдельных лингвопроектах. О них прежде всего и пойдет речь.

В послевоенном лингвопроектировании лидирующим направлением остается апостериорный подход, разработанный еще в XIX в. и классически реализованный в наиболее успешном международном вспомогательном языке - эсперанто. Однако воплощение апостериорных принципов при-

нимает в настоящее время сложные и разнообразные формы. Если учитывать принцип наибольшей генетической апостериорности, то современные апостериорные лингвопроекты можно расположить на следующей схематической "лестнице":

- где 1 - это проекты усовершенствования естественных (живых или мертвых) языков;
 2 - проекты, созданные на материале одной генетически родственной группы естественных языков;
 3 - проекты, созданные синтезом материала двух генетически родственных групп языков;
 4 - проекты на основе материала групп языковой семьи (с преобладанием материала одной или нескольких групп);
 5 - проекты, основа которых выходит за рамки одной генетической семьи, - фактически в этом случае проект приобретает черты априорности и носит смешанный ("микст") характер.

Первая группа характеризуется наибольшей степенью апостериорности, поскольку в этом случае естественный язык только "подчищается", освобождается от объяснимых лишь исторически отклонений в грамматике и словообразовании, в то время как словарь остается в основе исконным либо иногда меняется в сторону большей интернационализации. Эта лингвообработка сопровождается, как правило, графическим и орфографическим усовершенствованием. Известны проекты усовершенствования итальянского языка, например, так наз. *Le italiane semplificate*, созданный в 1971 г. Х. Пеллегрини: изменению в нем подверглась лишь морфология (проект опубликован не был). В 1930-1961 гг. проект *Lingua universale* разрабатывал А. Фаччоли, опираясь на венецианский диалект, известный, как считал автор, в широком ареале Средиземного моря. Фаччоли произвел некоторые упрощения грамматического, словообразовательного и фонетико-графического плана. Текст на *Lingua universale* выглядит таким образом: *Lesioni lunqe. Lesioni quaribili in poci gorni. Rinpeto la hità. Un selto programa. A'un zio senza fili; срав. на литературном языке: Lezioni lunghe. Lezioni guaribili in pochi giorni. Rimpetto la città. Uno scelto programma. A'uno zio senza figli.* Известны также проекты совершенствования других языков, например, английского, среди которых выделяется проект американца В. Рассела Инга (Inga, 1964): специальных показателей множественного числа

В нем нет (оно выражается лексически и ситуативно), в количественные числительные внесены отдельные замены, повелительное наклонение унифицировано, порядок слов строгий - подлежащее, затем следуют сказуемое и второстепенные члены [22, 10] .

Следует подчеркнуть, что далеко не всегда попытки подобного рода носят эфемерный характер: в значительной мере они стимулируют появление таких проектов, которые предназначены для скорого и результативного усвоения языка как иностранного. В этом аспекте интерлингвистическое лингвопроектирование может содействовать успешному развитию лингводидактики, на что уже обращено внимание в ряде теоретических работ. Во Франции Центр исследований и изучений по распространению французского языка выработал проект упрощенного французского по типу широко известного бэйсик инглиш (1932) - Français élémentaire/fondamental. В изданном словаре толкового типа 3 тыс. слов французского языка объяснено с помощью 1374 слов этого искусственного языка. В целях пропаганды сторонники этого проекта занялись переводами на него произведений художественной литературы. В частности, в 50-е гг. осуществлен перевод и издано отдельной книгой произведение П. Мериме "Colomba" (Adaptation en Français fondamental par Louis Paoli) см. подробно: [17] . Не так давно О.С. Ахманова поставила "вопрос об 'искусственном' выделении из всего бесконечного разнообразия его [русского языка] 'регистров' или функциональных стилей 'основного варианта', своего рода 'Basic Russian', или 'Russe fondamental'. Отсутствие достаточно полно описанного и достаточно точно ограниченного 'искусственного' среза этого рода крайне затрудняет целесообразное и планомерное практическое владение русским языком как средством международного общения" [1, 21] .

Лингвопроекты второй степени апостериорности базируются на материале близкородственных языков, составляющих единую группу в лингвогенетической классификации. Здесь обращает на себя внимание тот факт, что далеко не всем авторам удается остаться в строгих рамках одной языковой группы. Обычно требуется в той или иной мере привлечение материала соседней родственной лингвогруппы. Таков, например, лингвопроект либеранто (Libéranto, [1965] словенца Э. Котара, в котором к романской основе примешиваются элементы германского происхождения, срав., например, количественный ряд числительных: un, de, tro, fer, fey, sey, sen, ey, naŭ, tin; инфинитив на -en и т.д. Широко известный интерлингва, разработанный в 1951 г. Ассоциацией международного вспомогательного языка, - проект натуралистического типа, т.е. сильно приближенный к естественным языкам - прежде всего романским; наличие в нем элементов других языков проявляется чаще всего в лексике, носящей, как правило, интернациональный характер.

Попытки создать лингвопроект только на основе близкородственных языков, языков одной генетической группы,

все же делаются. Примером может стать проект венгра М. Золтана романид (Romanid, 1956), само название которого строго очерчивает и его материал, и его предназначение. Автор этого проекта исходил из признания значительной роли латинского языка в прошлом и его ошутимого присутствия в современных европейских языках. Романид, однако, "осовременен" элементами живых романских языков, при этом заметно стремление к наибольшей вокализации структуры слова (особенно его конца), срав. небольшой текст: "Inkluzive Vu va trovare une egzemplare de mia 'Buletino de Romanid'. Mi rōga Ve studiare ed et fare mie sавere kome Vu komprended testo. Iste kurte publikaci-ones va esere publikate mensualemente", т.е. "Вместе с тем Вы найдете экземпляр моего "Романидского бюллетеня". Я прошу Вас изучить его и сообщить мне, как Вы поняли текст. Такие короткие публикации будут печататься ежемесячно". В романиде нет определенного артикля, зато неопределенный выражается с помощью ule; множ. ч. существительных - на -s; род. и дат. падежи выражаются соответственно предлогами de и a; прилагательные оканчиваются на -e, сравнительная степень образуется с помощью plu, а превосходная - plure; количественные числительные типа ule, due, tre, kvatre, kvinkve, sekse..., порядковые - prime, sekunde...; личные местоимения: mi, tu, il, el; nu, vu, li, притяжательные mia, tua...; инфинитив на -re; прошедшее время на -d, настоящее равно глагольному корню, а будущее - va...-ge и под. Романидированного типа и недавно опубликованный у нас лингвопроект аксиом-вариант Д. Г. Баева [2, 139 - 157; грамматический очерк и образцы текстов].

Особого внимания заслуживает экспериментальный проект межславянского вспомогательного языка - Mežduslavjanski jezik, созданный в 1954-1958 гг. группой чехословацких интерлингвистов под руководством проф. Л. Подмеле. Этот проект построен на учете того общего, что обнаруживают в настоящее время славянские литературные языки в своем грамматическом строе и словаре. Формирование словаря здесь ведется прежде всего за счет лексики общеславянского фонетического вида и семантики; при отсутствии такового принимается интернационализм либо создается новое слово славянскими словообразовательными средствами, т.е. искусственно. При создании межславянского языка учитывался опыт авторов, работавших в разное время над проектами единого всеславянского языка. О существовании этого интерлингвистического эксперимента можно судить по следующему отрывку: "V meždunarodnich jazykach dlužno stvorit taki cennosti, ktorí budu značit veliki prinos v oblasti nauk, izučenia jezikov, techniki, umenij itd. Jasno, že znanie jezika ne jest cel usilia ludi, že znanie jezika jest v praktike toliko posredek, da bi čitateľ mog poznať taki dela i soderžanie del, ktorí važni dle jeho raboti, da bi govorotel mog srazumivat se priamo s ludimi, ktorí vstretil..."

Из содержания отрывка видно, что проект межславян-

ского языка предназначается как вспомогательное средство прежде всего в области познания, т.е. наук, и культуры. По сообщению проф. Л. Подмеле, им составлены: "Osponvní slovar mežduslavjanského jezika", "Mežduslavjanski razgovori", "Učebnik mežduslavjanského jezika v 20 lekcijach", "Lektura v mežduslavjanském jeziku". Проект остается в рукописи. В свое время И.А. Бодуэн де Куртене проявлял особое внимание к проектам межславянского языка словенцев М. Маяра, О. Цафа, видя в них прежде всего воплощение некоторых теоретических идей, связанных, например, с определением содержания и объема "искусственного" и "естественного" в (литературном) языке. В таком же аспекте и высказывание современного интерлингвиста В. П. Григорьева о чехословацком проекте межславянского экспериментального языка [4, 58]. В то же время, если рассматривать этот проект в контексте современного лингвопроектирования, нельзя не заметить и другую, весьма существенную сторону: проекты типа межславянского возникают также как попытка противостоять монополии романского языкового материала, являющегося основой преимущественного большинства современных апостериорных лингвопроектов. Авторы проектов на нероманской основе стремятся не только к расширению лексико-грамматического диапазона конструируемого языка, но и показывают пригодность своего материала для решения интерлингвистических задач. Именно эти мотивы двигали англичанином А.Дж. Пильгримом, создателем лингвопроекта евронорд/эунорд (EuroNord, 1965), построенного на чисто германской (точнее - северогерманской) языковой основе, срав. наличие фонетических элементов типа ū, ei, au, oe; множ. ч. существительных на -en; род. пад. на -s; прилагательные с показателем -a; Сравнительная степень - -er(a), превосходная - -est(a); числительные типа: ein, tve, tri, fyre, fif...; личные местоимения: ekk, du, hann, zi; det, vi, u, di; инфинитив на -an, прошедшее время - на -ade (+ ряд других форм прошедшего времени), настоящее - на -ar, будущее - s-...-er + инфинитив; повелительное наклонение равно глагольному корню и под.

Лингвопроекты третьей степени апостериорности синтезируют в себе материал двух языковых групп: лингвогеография здесь расширяется, а концентрация апостериорности соответственно уменьшается. На таком принципе построен френдо (Frendo, 1965) испанца А.Чурруки: ударение в нем на предпоследнем слоге слова, что своеобразно уравнивает германскую тенденцию к началу слова, а романскую - к концу; определенный артикль выступает в виде a (перед словом на согласный) и an (перед словом на гласный); род. пад. оформляется "по-германски" - of, дательный - "по-романски" a или al (перед существительным на гласный) и т.д. Стремление к предельной четкости и логичности в выражении грамматических значений приводит автора к элементам априоризма, срав. личные местоимения: io, to, lo, но во множ. ч. s

с последовательным прибавлением к ним постфикса -s, т. е. ios, tos, los. Специфика лингвопроектов этой группы, таким образом, в отличие от двух предыдущих, состоит в осложнении априорными элементами, причем на этой (третьей) стадии апостериорности доля априорных элементов еще не значительна и затрагивает лишь отдельные грамматические категории или же словообразовательные типы. В целом априоризм здесь как бы "подглаживает", "подчищает" синтезированный материал двух языковых (родственных) систем.

Приблизительно таких же характеристик и широко рекламировавшийся в 60-е гг. проект американца Р. Монтеро с показательным названием англо-лат (Anglo-Lat, 1966), основой для которого послужили прежде всего единичные языки германской и романской групп - английский и испанский. Проект бельгийца итальянского происхождения А. Алфандари нео (Neo, 1961) разработан более детально, чем англо-лат. В нем преобладает романская основа, однако она в известной мере германизирована. Это проявляется, например, в системе личных местоимений множ. ч., срав.: nos, vu, zi, zel, где zi "они" (муж.р.) - из германских языков, а zel "они" (жен.р.) представляет собой результат медиализации германо-романского материала, т.е. zi + el > zel; в наличии строгих показателей форм времени - прошедшего -ir, настоящего -ar, будущего -er, притяжательных местоимений - с -а, т.е. ma "мой", ta "твой", la "его" и т.д. - все это, как и в случае с эсперанто, говорит об априорном налете в грамматическом оформлении. Нео достаточно активно пропагандировался в 60-е гг.: была создана специальная организация этого языка - Akademyo de Neo, переведены на нео произведения мировой поэтической и прозаической литературы, выходил "Neo-Bulten" (1961-1968), изданы многочисленные учебники и грамматические очерки нео на многих языках Европы см., например: [12; 13 и др.].

Лингвопроекты четвертой степени апостериорности предполагают наличие в своей структуре материала языков, распространенных в пределах одной лингвосемьи, т. е. генетически далеко родственных: апостериорность в них заметно слабеет и все четче выступают черты априорного характера - без них лингвопроект этого круга практически невозможен. Априорные черты особенно наглядны в грамматическом оформлении лингвопроекта, в то время как словарь (а иногда и словообразовательные средства) сохраняет следы апостериорности. Примером такого проекта может быть омнилингва (Omnilingua, 1957-1961) итальянца И. Калабреззи, пытавшегося соединить "естественное" деление понятий и "логические" способы их выражения (т.е. грамматические формы). Так, в омнилингве 5 родов: жен. -а (matra), муж. -о (patro), нейтральный в полсовом отношении -ø (Divø "бог"), нейтральный, если речь идет о вещах, -и (domu), нейтральный вообще: meñne "человек" (вообще); склонение: им. пад. pätro, род. - pätroš, дат. pätroi, вин. pätrom, предл. pätror, зват.

pârtrö и под. Стремление к грамматической "логичности" привело автора к весьма усложненной языковой системе, напоминающей в известной мере волапюк.

Пятая группа носит смешанный характер, поскольку выход за пределы одной языковой семьи всегда влечет за собой, с одной стороны, к весьма существенному ослаблению и "затемнению" апостериорных признаков, с другой - к открытым априорным чертам. Примером языка "микст" может быть логлан (Loglan < Logical language, 1955) американца Дж.К. Брауна. Словарь логлана базируется на материале 8 наиболее распространенных естественных языков. Грамматические формы строятся в соответствии с принципами символической логики. Сущность логлана заключается в том, чтобы грамматически не выражать различия, которые существуют в естественных языках, однако в которых необходимости в том или ином случае нет. Проект логлана преследовал и иную цель - он являлся своеобразным экспериментом по исследованию вопросов влияния языка на мышление. В области лексики здесь использован принцип медиализации (или усреднения), разработанный еще в 20-е гг. интерлингвистом Й. Вайсбартом (в его лингвопроекте Medial, 1922-1923). Сущность медиализации состоит в создании новых слов (и форм) на основе синтеза двух и более слов естественных языков: groda "большой" - материалом для него послужили немецкое groß и французское grand с тем же значением. Медиализации в логлане подвержена лексика всех знаменательных частей речи, срав. небольшой отрывок: to levi funna da corta ne leva mrenu, что соответствует английскому: Two of these women are shorter than one of those men [14, 83]. Проект языка ладеф (Ladef < Lang del Friden "язык мира", 1963) болгарина М.Н. Михайлова базируется на материале многих европейских и азиатских языков. В нем артикли различаются по роду и числу: il - муж., la - жен., li - множ. ч.; yeden - муж., yedna - жен., yedni - множ. ч. муж.р., yednei - множ. ч. жен.р.; падежные отношения выражаются с помощью предлогов, т.е. аналитически: род. - dela -dei, дат. - а; прилагательные муж.р. оканчиваются на согласный, женского - на -а, во множ.ч. сохраняется их различие по родам: -i (муж.) и -ei (жен.); количественные числительные типа yeden, dyo, tri, ned, feyv...; личные местоимения: ik, vi, il, ela; noi, voi, ili, eli; временные формы глагола для каждого лица имеют определенную флексию, например, для прошедшего: 1 л. -eh, 2 л. -ehs, 3 л. -ehе; 1 л. множ.ч. -ehme, 2 л. -ehте, 3 л. -ehа - это только для глаголов несовершенного вида. Примечательно, что в ладефе весьма заметны черты славянских языков - как грамматические (срав. элементы флексии множ.ч. -ehme, -ehте), так и лексические: "Ik steyvem morning occeñ atarđli from mie krevat, dreyses se velocli, emeyvem ši temizli el liyc end li dasti siyi, andem nei el menz...", т.е. "Я встаю утром очень рано со своей кровати, быстро одеваюсь, умываю начисто лицо и свои руки, иду к столу..."

[7, 93]. Наличие тюркизмов (турецкого происхождения) также ощутимо.

Следует сказать, что связь проектов типа логлан и ладеф с проектами априорного типа достаточно тесная, и лишь наличие апостериорного словаря, на котором они основываются, а также отдельные апостериорные грамматические признаки удерживают их на грани между двумя полярными лингвистическими структурами - апостериорной и априорной. Если критерии апостериорности и априорности в современной интерлингвистике достаточно хорошо разработаны и носят в той или иной мере объективный характер, то критерии создания смешанных лингвопроектов избираются, как правило, субъективно, а потому проекты такого рода часто производят впечатление механической мешанины. Впрочем, сам факт эксперимента, предусматривающего синтез апостериорного словаря и априорной грамматики, заслуживает внимания, хотя и требует особой четкости выполнения и строгих критериев подхода.

Производство априорных лингвопроектов в современной интерлингвистике заметно уступает апостериорному. Движение за международный язык, как известно, еще в XIX в. подтвердило практическую сложность использования априорного лингвопроекта в общении. В настоящее время проекты этого рода имеют прежде всего теоретический смысл. После войны одним из крупнейших в этом направлении был проект антибавеле, или антибабилон (Antibabele/Anti-Babilona, 1950) итальянца Г. (Дж.?) Мальи, базирующийся на 85 языках Европы, Азии и Африки. В 1962 г. появляется бабм (или боабому) "всеобщий язык" японца Фуишки Окамото (BABM: b3a:b3-mu) - априорно-философский язык, в котором сделана попытка представить грамматический и лексический материал в строго логической форме. Одной из основных идей автора было создание языка, в котором был бы воплощен принцип экономии фонетических усилий, понимаемый как краткость слова при четкости и полноте отражения в нем всех лексических, грамматических и словообразовательных значений. Образец текста: "Op codgoc jadt gbat baot, ci gbat vahayip ah cdobod dicn; od gbatvaon shat gian godjodc in jadt; lrid godjadfe kbesidco" (согласные всегда следует читать с последующим гласным) [21, 25]. Аналогичен и проект унилингва (Unilingua, 1965) Н. Агопоффа из Франции. Основной идеей унилингвы является достижение краткости слова, четкости его семантики и словообразовательных моделей. В алфавите 10 гласных, выражающихся латинскими и славянскими (кириллическими) буквами; 16 согласных, к которым присоединяются "вспомогательные согласные" и несколько дополнительных гласных; имеется определенный артикль, различающийся по числам (a и ai); показатель множ. ч. существительных -i, прилагательных -a; количественные числительные обозначаются гласными буквами, а порядковые образуются прибавлением к количественным постфикса -a; личные местоимения at, et, it, ot и т.д.

достаточно сложная система временных форм глагола и т.д. В монографии, посвященной лингвопроекту, автор поместил сравнительный текст на различных языках с целью показать, насколько "экономичен" проект унилингва по сравнению с другими международными искусственными языками и естественными языками: на унилингве текст состоит из 70 букв, на французском - из 104, на эсперанто - из 101, на идо - из 94, на интерлингве-окинденталь - из 105, на интерлингве - из 100, на немецком - из 115, на английском - из 103, на армянском - из 99, на испанском - из 103, на итальянском - из 98, на португальском - из 97, на русском - из 112. Автор называет свой язык также "всеобщим кибернетическим языком", предполагая, видимо, что идеи, заложенные в нем, могут быть использованы в информационно-поисковых системах и машинных языках-посредниках [11]. Как бы то ни было, но в современном лингвопроектировании подобного рода работы следует рассматривать как попытки семиотического моделирования категориальных элементов естественных языков, что действительно практически уже воплощается в виде создания технических универсальных языков типа алгол и под. На этой стадии интерлингвистическое лингвопроектирование переходит в компетенцию так наз. инженерной лингвистики.

Среди направлений современного лингвопроектирования значительное место занимают так наз. компромиссные проекты, т.е. проекты, авторы которых пытаются синтезировать элементы уже функционирующих международных искусственных языков, а иногда и просто лингвопроектов, находящихся на стадии теоретической разработки. Компромиссные решения еще в XIX в., особенно в его последней трети, выражались в появлении многочисленных реформенных проектов, целью которых было либо "исправить/подправить" существующий международный искусственный язык, либо внести в него элементы других международных языков или лингвопроектов, претендующих на практическое применение. Классическим примером компромиссного решения является идо (1907), называемый также "реформированным эсперанто"; создан был Л. де Вофроном (при сотрудничестве Л. Кутюра). Практика показывает, что перспективы использования реформенных проектов международных искусственных языков невелики: идо, хотя и имел многочисленных сторонников в начале века, не смог в конечном счете заменить эсперанто, несмотря на ряд удачно примененных в нем теоретических решений. Судьба позднейших компромиссных проектов вовсе незавидна. В последние годы такого рода проекты продолжают появляться и в лучшем случае могут представлять теоретический интерес. В 1963 г. известный французский интерлингвист М. Монро-Домен создал проект ENI (< Esperanto-Neo-Ido), в котором пытался синтезировать прежде всего грамматические черты эсперанто, идо и нео [19, 8 - 10; 20, suppl. 3. Фактически, однако, получалась консервативная языковая система, о чем свидетельствуют формы "натуралистического" типа.

т.е. приближенные к естественным языкам, как тах "много, больше", kuar "четыре", kuin/kin "пять" и т.д. Проект нео-лингва (Neo-lingua, 1964) голландского интерлингвиста В.И. Фиссера преследовал цель синтезировать особенности интерлингве-окцидентала и интерлингвы (Международной ассоциации вспомогательного языка, 1951); в проекте инталь (Intal, 1956-1968 -) Э.Веферлинг объединил черты эсперанто, идо, новиаля О.Есперсена (1928) и интерлингве-окцидентала. Автор выпустил 28 изданий своей грамматики, каждый раз внося отдельные графико-орфографические и грамматические изменения в проект. В первом издании 1968 г. грамматика, опубликованная на интале, называлась: Standard-gramatik del International auxiliari linguo, в 28-м издании - Standard gramatike del International planlingue Intal (1978).

Предстоит задача специального исследования типологии компромиссных решений языкотворчества, которое носит весьма специфический характер, так как оно "третично", т.е. возникает уже на готовом, "вторичном" материале проектов международного искусственного языка.

В русле современного лингвопроектирования выделяется одно, весьма специфическое направление, развивающееся в основном в послевоенное время, - это создание проектов так наз. космических языков, т.е. таких языковых (знаковых) систем, с помощью которых можно было бы наладить контакты с представителями других предполагаемых миров. Это направление в лингвопроектировании и в интерлингвистике в целом следует называть космической лингвистикой, или космолингвистикой (вместо иногда встречающегося в популярной литературе неудачного термина "лингвистика космоса"). В настоящее время становится все очевиднее, что, например, искусственные математические языки-посредники, информационно-логические языки, вспомогательные коды для информационных машин и машинного перевода - все это объекты прежде всего широко понимаемой инженерной лингвистики и не входят, таким образом, в прямую компетенцию интерлингвистики, так как последняя изучает двустороннее общение между людьми. Связь здесь проявляется в том, что именно в недрах интерлингвистики впервые появились опыты семиотического моделирования естественных языков, которые затем оказали воздействие на развитие разработок формализованных и машинных языков и кодов. В этом плане показательными могут быть, например, пазиграфии, т.е. искусственные языковые системы, имеющие лишь графическое выражение, и пазилалии - обладающие как графической, так и звуковой формой выражения (срав., например, одну из последних по времени возникновения цифровых пазилалий секайго - Sekaigo, созданной в Японии в 1967 г.), а также некоторые типы априорных языков (о чем речь шла выше; см. также далее). Однако как только эти системы "поворачиваются" в сторону машины, превращаются в чисто формальный, кодовый объект для машины, они теряют связь с интерлингвистикой и полностью

переходят в компетенцию теории формализованных языков и инженерной лингвистики. Видимо, в случае с проектами космических языков ситуация может рассматриваться аналогичным образом.

Важно прежде всего подчеркнуть, что как сам термин, так и сама идея космического языка зародились в сфере интерлингвистики. Напомним несколько исторических штрихов, из которых видно, что это так.

В середине прошлого века, в 1858 г., Л. де Рюделль выступил с проектом пантос-диму-глосса, достаточно подробно разработанной апостериорной системой, позднее названной многозначительно "космоглосса" (Pantos-dimou-glossa - Cosmoglossa); в 1888 г. разработан апостериорный проект романизированного типа Э.А.Лауды, названный "космос" (Kosmos) [подробно о нем писали Л. Кутюра и Л. Ло, см.: 15, 373-379]. В 1893 г. испанец Х. Гвардиола издает в Париже лингвопроект орба (Orba), имеющий априорно-апостериорный тип, который он называет также "космическим языком" - Kosmal idioma. Это название стоит на титульном листе его книги: "Kosmal idioma. Gramátika uti nove prata kiamso orba. Da José Guardiola" - и далее то же название по-испански, где первому сочетанию соответствует Idioma Universal. Проект этот, однако, имел более скромное предназначение - для живущих на земле "коммерсантов, мореплавателей" и под. [18, 3]. Эти примеры показывают, что понятие "всеобщий", "универсальный" (по отношению к "язык") красноречиво к тому времени семантически было расширено и в работах отдельных авторов воспринималось как синоним к "космический" (дифференциальный семантический признак глобальности, всеохватности присутствует в обоих случаях).

В первой трети XX в. наблюдается стремительная экспансия терминологического элемента космо- в интерлингвистические работы. Э. Дрезен в монографии "За всеобщим языком" писал, что "появилась целая наука 'космоглоттика', занятая изучением строения всеобщих мировых языков, определением их составных частей, форм и взаимоотношений" [5, 181]. Как показано в одной из наших работ [6, 74-75], термин "космоглоттика" (и производные) конкурировал в указанное время с другими терминами, в том числе и с термином "интерлингвистика". В то же время появляются и лингвопроекты, которые теперь уже логично рассматривать как продукты космоглотики: космиан, или космиани (Cosmian, Qbsmianî, 1922) американца У.М.Л. Битти, априорная система космолингвия (Cosmolingvia, 1927) С. Хоровица из Польши; к 1928 г. относится лингвопроект космолингво (Kosmolinguo) Т. Лоренца. В 1912 г. в Будапеште вышел номер журнала "Revue cosmoglottique"; в 1916 г. в Петрограде было организовано российское общество "Космоглотт" (возобновлено в Ревеле-Таллине в 1921 г.); с 1922 г. стал выходить окциденталистский журнал "Kosmoglott" (с 1927 г. и до недавнего времени с несколько измененным названием - "Cosmoglotta"). Во всех этих случаях со-

держанием терминов, имеющих компонент космо-, являлись теоретические и практические аспекты международных искусственных вспомогательных языков. Уже до войны выявилось несоответствие между формой термина, семантически связывающего наши представления с космосом, и практикой его использования. Как следствие этого, термин "космоглоттика" и производные постепенно забываются. Потому названия лингвопроектов, появившихся после войны, например, космо (Kosmo, 1949) голландца Т. Шредера или космолингво/космолингва [Kosmolinguo/Cosmolingua, 1956 (?)] В. Стерна из Испании, по существу представляющих собою апостериорные системы, близкие к эсперанто и идо, могут рассматриваться как претенциозные.

С 50-х гг., когда начинается активное освоение космического пространства, возникает реальная потребность в экспериментах по созданию "космических идиом". Чтобы не смешивать это направление с предвоенной космоглоттикой, синонимом плановой лингвистики, следует пользоваться здесь термином "космолингвистика", "космическая лингвистика".

Примечательно, что первые космические лингвопроекты были тесно связаны с интерлингвистическим движением.

Представляется, что родной космолингвистики была Россия, СССР, поскольку еще в 1926 г. в клубе Ассоциации изобретателей в Москве разрабатывался "космический язык" АО. Об этом сообщает, в частности, М.И. Попов в статье "К.Э. Циолковский об эсперанто", вышедшей в сборнике "К.Э. Циолковский в воспоминаниях современников" (Тула, 1971). Участники были связаны с интерлингвистикой и работали, находясь под воздействием космических идей К.Э. Циолковского. Априорно-философская система АО разрабатывалась в 1920-1924 гг. В.Л. Гординым. "Язык Человечества" АО как прообраз космического языка построен на логико-математических основах: "математизация-алгебраизация языка, напоминающая 'возведение в степень' и 'извлечение корня', - пишет автор, - проводится в АО, как в языке математическом (к математике стремимся)" [3, 17]. И далее: "Языкоизобретательный идеал АО - это чтобы, с одной стороны, каждый корень, т.е. каждое слово, раздетое от грамматических форм (окончаний), представляло бы собою опять-таки отдельно существующее слово: предлог, союз или, в худшем случае, междометие, а с другой, чтоб каждый предлог прошел бы через все грамматические построения (формы), строи, шкалы аффиксы и проч." [3, 21]. Для этих целей используется своеобразная цифровая пазилалия, достаточно подробно разработанная. В.Л. Гордин предлагает "классификацию мира" и включает при этом, что она "может быть оправдана лишь геоцентризмом...; земля... единственное пока изобретательство. Но мы не будем иметь ничего против, если специалистами-астрономами... будет предложен другой модерно-астрономический знак" (т.е. символы для классификации исходных понятий мира) [3, 26-27]. Этим

как бы подчеркнут выход "Языка Человечества" АО в космолингвистику.

За рубежом лишь после войны появляются первые эксперименты по созданию космического языка. Автором одного из них был англичанин Л. Хогбен, разработавший в 1943 г. проект априорно-апостериорного характера интергlossa (Interglossa), а десять лет спустя, в 1952 г., и космический проект астрагlossa (Astraglossa). В последнем были воплощены некоторые из тех идей, которые развивались Хогбеном в его интерлингвистических экспериментах. В 1956 г. появился новый проект - американца В. Дж. Вайльгарта под названием aUI, где a - пространство, U - мысль и I - звук, UI - язык, в конечном счете - "космический язык". Это априорно-философский проект. Его алфавит состоит из 30 символов особого начертания, которые можно также заменить буквами латинского алфавита (все строчные + несколько прописных). Каждый символ-фонема выражает общее значение: a - пространство, A - время, b - совместность, c - существование, бытие и под. Грамматические особенности сводятся к следующему: при необходимости обозначить множественное число существительных используется постфикс -n; числительные типа: 0 - j, 1 - a, 2 - e, 3 - i, 4 - u и т.д., 1492 - auUe; личные местоимения: fu - fnu (1 л. ед. и 1 л. множ.ч.), соответственно bu-bnu, vu (муж.р.), yvu (жен.р.), se (ср.р.) - nu; притяжательные с показателем -m : fum, bum...; прилагательные и наречия - с -m; инфинитив и настоящее время на -v (sev), прошедшее - serAv, будущее - setAv, повелительное наклонение - setv и т.д. Порядок слов строгий: подлежащее - сказуемое - прямое дополнение - другие второстепенные члены [24; см. также: 23, 2-4].

Эти примеры показательны тем, что возможности априорно-философских систем до конца еще не раскрыты. В определенной мере они питают не только теорию формализованных языков и машинных языков и кодов: делаются, как мы видим, попытки использовать их принципы для возможных контактов с возможными разумными мирами Вселенной. В этом следует видеть одно из проявлений связи между международным общением с одной стороны и космическим - с другой. Однако как только такие проекты лишаются признаков естественных языков либо строятся не на основе моделирования категориальных свойств естественного языка, они перестают быть объектом интерлингвистики и переходят в область инженерной лингвистики в широком смысле этого термина. Примером такого рода является привлечший широкое внимание научной общественности проект голландца Х. Фройденталь линкос (Lincos < Lingua cosmica, т.е. "космический язык", 1960) - язык радиосигналов для общения с инопланетными жителями. При передаче в первый контакт включаются все новые сигналы в надежде, что получающие смогут понять их на базе ранее принятых. Примечательно, однако, что и в этом случае Фройденталь ставит цель построить язык, близкий к естественному, т.е. принципиальным здесь является то,

что создатель космического языка отталкивается от универсальных, наиболее общих свойств человеческого языка, учитывая в то же время рецептивные возможности человека [16; см. также: 7, 106-115]. Космолингвистика, таким образом, предстает на этой стадии как связующее звено между интерлингвистикой, с одной стороны, и теорией формализованных языков и инженерной лингвистикой - с другой.

На основе сказанного следует сделать некоторые заключения. Прежде всего важно подчеркнуть, что современное лингвопроектирование ведется в самых различных направлениях, при этом апостериорный подход, апробированный еще в XIX в., является ведущим и в настоящее время. От степени (генетической) апостериорности лингвопроекта зависит его структурная однородность - высшей она наблюдается в проектах усовершенствования естественных (и мертвых) языков и наименьшей - в проектах, основанных на широком, гетерогенном по происхождению, материале. Весьма существенно также, что нынешний этап лингвопроектирования со всей очевидностью обнаружил свое теоретическое и прикладное значение для различных научных областей - от лингводидактики до принципов создания формализованных языков науки и различных аспектов инженерной лингвистики. В этой связи неапостериорное лингвопроектирование сохраняет свое теоретическое значение, на что указывает и случай с космолингвистикой, использующей для создания космических языков априорно-философские принципы, издавна разрабатывавшиеся в русле интерлингвистики.

Л и т е р а т у р а

1. Ахманова О.С. Естественные языки и проблема создания вспомогательного языка науки в эпоху научно-технической революции. - В кн.: Научно-техническая революция и функционирование языков мира. (Тезисы докладов). М., 1974.
2. Баев Д.Г. Вариант вспомогательного международного языка (аксом=вариант). - В кн.: Проблемы интерлингвистики. Типология и эволюция международных языков. М.: Наука, 1976.
3. [Гордин В.Л.] Грамматика логического языка АО. Издание авторское. - М.: +4х-о/Всеизобретальня, [1924] [год на основании записи на обложке: "5-й год по изобретении языка Человечества АО (7-й год по Октябрьской революции)"].
4. Григорьев В.Л. И.А. Бодуэн де Куртенэ и интерлингвистика. - В кн.: И.А. Бодуэн де Куртенэ (к 30-летию со дня смерти). М.: АН СССР, 1960.
5. Дрезен Э. За всеобщим языком. (Три века исканий). С предисловием акад. И.Я. Марра. - М.-Л.: Гос. изд-во, 1928.

6. Дуличенко А.Д. Интерлингвистика. - In: Interlinguistica Tartuensia 1. Актуальные проблемы современной интерлингвистики. (Ученые записки Тарту IV. Вып. 613). Тарту, 1982.
7. Калужнин Л.А. Язык для космических сообщений. - Вопросы философии, М., 1969, № 6.
8. Михайлов М.Н. Ладеф. (Международен език на мира). - Варна, 1963.
9. Программа семестрового курса "Теория и практика международного языка" (для Московского педагогического института). - Международный язык, М., 1930, № 4-5.
10. Спиридович Е. Очерки теории вспомогательного международного языка. 4. Пролетарская революция в языке и языкознании. (Исторический обзор). - Международный язык, М., 1930, № 6.
11. Agopoff N. Unilingua. Langue universelle auxiliaire. - Paris, [1965], 292 p.
12. Alfandari A. Cours pratique de Neo, deuxième langue. Dictionnaire français - neo et neo - français avec un Guide de conversation français-anglais-neo. - Bruxelles: ed. Brepols S.A., 1961, 1304 p.
13. Alfandari A. Methode rapide de Neo, deuxième langue. Grammaire, exercices, conversation, lectures. Vocabulaire français-neo et neo-français. - Bruxelles: ed. Brepols S.A., 1965, 319 p.
14. Brown J.C. Loglan: a logical language. - Gainesville: The Loglan Institute, 1966.
15. Couturat L., Leau L. Histoire de la langue universelle. 2. tirage. - Paris: Librairie Hachette et Cie, 1907.
16. Freudenthal H. Lincos. Design for a language for cosmic intercourse. Part I. - Amsterdam, 1960, 224 p.
17. Gougenheim G. etc. L'élaboration du français fondamental (1er degré). Étude sur l'établissement d'un vocabulaire et d'une grammaire de base. - Paris, 1967.
18. Guardiola J. Kosmal idioma. Gramátika uti nove prata kiamso orba. Da José Guardiola. - Idioma Universal. Gramática de una nueva lengua llamada Orba, por J.G. - Paris: libreria española..., 1893.
19. Monnerot-Dumaine M. Recherche d'un compromis Esperanto-Ido-Neo. - In: Neo-Bulten, Bruxelles, 1963, N 30.
20. Monnerot-Dumaine M. Précis d'interlinguistique générale et spéciale. - Paris: Librairie Maloine, 1960.
21. Okamoto F. The simplest universal auxiliary language BABM. First ed. - Tokyo, 1962.
22. Russel B. Inga, a new interlanguage proposal. - In: The International language review, vol. XI, Denver, 1964, N 38.
23. Vilborg E. Aperis la lingvo de la kosma epoko. - In: Fokuso, Göteborg, 1970, N 6.
24. Weilgart W.J. aUl, the language of space. - Decorah (Iowa) - New Delhi, 1968.

PRI KELKAJ ĈEFAJ TENDENCOJ DE LINGVOPROJEKTADO EN LA MODERNA INTERLINGVISTIKO

Aleksandr D. Duliĉenko

La artikolo pritraktas historian vojon de la lingvoprojektado, historion de la termino "lingvojekto" mem, enhavas aŭtoran difinon de la interlingvistika lingvoprojektado. La moderna lingvoprojektado estas analizita el vidpunkto de la genetika strukturo de la lingvaj projektoj. La aŭtoro detale evidentigas ĉefajn tendencojn kaj formojn de aposteriora (kiel plej aprobita kaj akceptita), miksita kaj apriora vidpunktoj kaj demonstras eliron de la moderna lingvoprojektado en sferon de lingvodidaktiko, teorio de formalizitaj lingvoj kaj "ingeniera lingvistiko" ĝenerale. Samtempe en la artikolo la leganto trovos materialon pri projektoj de la kosma lingvo kaj pri kosma lingvistiko (kosmolingvistiko), kiu kiel aparta disciplino estiĝas dum la 20-30-aj jaroj en Soveta Unio kaj nur postmilite - eksterlande. La aŭtoro detale analizas la kosmolingvajn projektojn AO (1920-1924) de V.L. Gordin, aŬI (1958) de W.J. Weilgart kaj pritraktas rilaton inter la kosmolingvistiko kaj la interlingvistiko.

АПОСТЕРИОРНЫЕ ЯЗЫКИ И ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОТВОРЧЕСТВА

В. А. Корнилов

В процессе общественной деятельности люди постоянно создают новые материальные и культурные ценности. Этот процесс создания нового и является творчеством. Конкретные проявления творчества столь же разнообразны, сколь разнолики виды деятельности человека. Люди конструируют новые машины и пишут новые стихотворения, совершают новые научные открытия и сочиняют новые музыкальные пьесы, изобретают новые технические приспособления и создают новые "искусственные" языки, рационализируют производство и придумывают новые игры и развлечения для детей и взрослых.

Психология творчества, по-видимому, имеет законы, общие для всех творческих актов, хотя в то же время неоднократно подчеркивались, например, существенные различия между художественным творчеством и творчеством научным. Изучение творческой деятельности человека, проводившееся в рамках логики, философии, психологии, социологии, теории информации и других наук*, приводит к формированию новой науки - эвристики [15], важнейшими проблемами которой признаются "задачи, связанные с моделями принятия решений (в условиях нестандартных проблемных ситуаций), поиска нового для субъекта или общества, структурирования описаний внешнего мира (на основе классификаций типа периодической системы или систематики К. Линнея)" [12, 559].

Особое место в жизни людей занимает творчество, связанное со словом, с языком, - языкотворчество. Условным относить к языкотворчеству любые проявления творчества, связанные как с повседневной практикой речевого общения, так и с художественной литературой, а также с созданием языков**. В настоящей статье в порядке

* В.М. Кедров пишет о складывании междисциплинарной отрасли, посвященной комплексному исследованию художественного творчества [9].

** Отдельные стороны языкотворчества (в широком смысле слова) изучаются в рамках различных лингвистических и литературоведческих дисциплин и их разделов (назовем без комментариев такие, как психолингвистика, словообразование, неология, стилистика - лингвистическая и литературоведческая, поэтика и т.д.). Существующий, по-видимому, последо-

постановки проблемы остановимся лишь на некоторых вопросах типологии языкотворчества, акцентируя те из них, которые непосредственно связаны с апостериорными "искусственными" вспомогательными международными языками" (в дальнейшем просто "аостериорными языками"). *

В истории лингвистики известны теории, связанные с требованием изучения языка как творчества (В. Гумбольдт, Б. Кроче, К. Фосслер). Творческий характер языка понимался при этом весьма различно. Наиболее решительно и настойчиво подобный подход пропагандировал К. Фосслер, во многих своих работах отстаивавший тезис о том, что лингвистика должна превратиться в инструмент исследования творческих аспектов человеческого языка, и страстно бичевавший "совокупность грамматических дисциплин - безграничное кладбище, устроенное неумолимыми позитивистами, где совместно или поодиночке в гробницах роскошно покоятся всякого рода мертвые куски языка, а гробницы снабжены надписями и пронумерованы" (цит. по [7, 292 - 293]). Отвергая идеалистические основы и крайний субъективизм концепции К. Фосслера, не следует забывать его заслуг перед историей языкознания в постановке проблем изучения творчества в языке.

С иных философских позиций приходят к изучению языкотворчества (речетворчества) советские лингвисты В.П. Григорьев [5], Е.А. Земская [8] и др. "Изучение языка как творчества представляется чрезвычайно важным", - утверждают авторы монографии "Русская разговорная речь" [8, 184]. Большое количество работ посвящено индивидуальному словотворчеству, окказиональному словообразованию. И лингвисты, и литературоведы уделяют большое внимание индивидуальному языкотворчеству писателей.

вательный изоморфизм различных видов языкотворчества может служить достаточным основанием для выделения исследований в области языкотворчества в особое направление. Если нужно найти для него подходящее название, то можно было бы остановиться на термине "креолингвистика" (предложен Д.В. Корниловым) - от латинского *creo* "творить, создавать, производить" (ср. в эсперанто *krei* с тем же значением).

* Деление искусственных международных языков на априорные и апостериорные, восходящее к трудам Л.Кутюра и Л. Ло, не исчерпывает всего многообразия создаваемых индивидами лингвопроектов (см. А.Д. Дуличенко [6а]). Поэтому говорят о промежуточных, смешанных языках, об апостериорных языках натуралистических и автономных и т.д. С.Н. Кузнецов [10] предложил интересную разветвленную типологическую классификацию международных искусственных языков. Однако для наших целей считаем достаточным традиционное противопоставление априорных и апостериорных МЯЯ, относя смешанные языки к апостериорным.

Однако традиционная лингвистика, за редким исключением, упорно игнорирует такие принципиально важные проявления языкотворчества, как создание априорных и апостериорных языков, как художественное творчество на апостериорных языках, как словотворчество в письменной и устной речи на апостериорных языках. Игнорирует поэтому, что занимается изучением лишь "естественных" языков и в силу непреодоленного "наивного романтизма" безразлично отвергает все "искусственное", забывая о том, что "противопоставление "естественного" "искусственному", строго говоря, неверно" [5, 10], поскольку практически любое проявление языковой деятельности человека, начиная от элементарного акта речевого общения и кончая созданием нового "искусственного" языка, представляет собой сложное диалектическое единство "естественного" и "искусственного", сознательного и бессознательного, индивидуального и коллективного, творчества и шаблона.

Очень удачно о переплетении элементов "естественного" и "искусственного" во всех человеческих языках - "естественных" и "искусственных" - сказал В.А. Аврорин: "В любом естественном человеческом языке на протяжении всей истории его существования элементы искусственного, элементы сознательного творчества обязательно присутствуют и по мере развития языка все более возрастают... Искусственные человеческие языки тоже не абсолютно искусственны. Все они строятся в большей или меньшей мере на базе, по образцу или с учетом достоинств и слабостей естественных языков. В наибольшей степени это касается искусственных вспомогательных языков, особенно так называемых "апостериорных", в отношении которых не всегда легко решить, чего в них больше - изобретений или заимствований из естественных языков" [1, 9-10]. Кратко сказал о том же Г. Шухардт: "Искусственные языки более или менее естественны, естественные языки более или менее искусственны" (цит. по [16, 219]). Э. Свандост предложил различать четыре степени искусственности языка, относя нормализованные национальные литературные языки ко второй степени, а апостериорные международные языки - к третьей степени искусственности [16, 219].

От недостаточного внимания к практике функционирования отдельных апостериорных языков (и прежде всего, конечно, эсперанто), к богатому опыту, накопленному практикой создания априорных и апостериорных лингвопроектов, в выигрыше остается лингвистика в целом.

Без серьезного изучения такого феномена, как существование сознательно созданных и имеющих автора языков, неполной будет картина современной языковой жизни человечества, такой же неполной, как, например, без изучения разговорной речи, без исследования речи детей. Без изучения языкотворчества на уровне творения языков типа волапюка или эсперанто малоперспективным представляется осмысление языкотворчества в более "нормальных" условиях на уровне родного или освоенного иностранного "естественного" языка.

При создании научной типологии языктворчества считаем необходимым последовательно разграничивать речетворчество и собственно языктворчество; творчество на родном и неродном "естественном" языке или диалекте и на языке "искусственном"; создание новых элементов языковой системы и создание (реформирование) языковых систем разных типов; языктворчество сознательное (осознанное) и бессознательное (неосознанное) и т.д.

Вступая в речевое общение и используя тот язык или его разновидность, которые наиболее приемлемы для данного конкретного акта коммуникации, человек использует объективно существующие (через сознание носителей) элементы языка, наполняя значение каждого из них "личностным смыслом" [11, 148]. "Не исчезает, да и не может исчезнуть постоянно воспроизводящее себя несовпадение личностных смыслов, несущих в себе интенциональность, пристрастность сознания субъекта и "равнодушных" к нему значений. Потому-то внутреннее движение развитой системы индивидуального сознания и полно драматизма" [11, 156]. В этой драматической борьбе* и происходит создание индивидуальных употреблений слов и других элементов языка, меньших или больших, чем слово. И когда К. Фосслер настаивал на том, что язык - это творчество индивидуумов и что с каждым творческим актом человек вкладывает в слово неповторимое содержание, он верно отмечал одну из сторон человеческого языка. Его историческая неправота заключается "лишь" в категорической абсолютизации этого момента, в отсутствии диалектико-материалистического подхода к рассматриваемому явлению во всей его полноте.

Итак, наиболее элементарным актом речетворчества является индивидуальное использование языкового элемента, насыщение его индивидуальной окраской, "личностным смыслом". Но уже в этом элементарном речетворческом акте можно увидеть моменты, свойственные любому проявлению языктворчества в широком смысле слова. И прежде всего - это диалектическое единство адресанта и адресата, а также единство индивидуального и коллективного (чтобы быть понятым, "речетворец" должен исходить из коллективного языкового опыта, которым в достаточной степени обладает адресат речетворческого акта). Говорящий не просто произносит звуки, слова, фразы. Он мгновенно создает речевой "микрокосм", включающий речевые интенции, их материальное выражение, "образ

* Ср. замечание Ш. Балли: "Всякий подлинный разговор - это схватка; это не борьба двух умов - соперниками выступают две личности в целом: одно "я" стремится восторжествовать над другим. Даже в самой невинной беседе всегда затрагиваются жизненные интересы собеседников, потому что каждый из них всегда вкладывает в нее что-то личное, будь то реальная заинтересованность, осознанное желание или чистый инстинкт, неосознанный импульс, неопределенное чувство..." [3, 330].

автора" [17, 156] и "авторское" представление о собеседнике, о его уровне владения языком, об их общем предшествующем языковом опыте. В каждом таком акте диалектически сочетается "жажда речетворчества" и "широкое использование всякого рода клише, трафаретов, готовых выражений" [8, 188]. Соотношение/творческого и шаблонного во многом определяется степенью языковой одаренности собеседников, степенью оригинальности конкретной ситуации, наличием или отсутствием установки на "языковую игру" и тому подобными факторами.

Словотворчество и, шире, создание любых новых элементов языка (новых для всего языкового коллектива или только для участников данного коммуникативного акта) - следующий, более сложный вид языктворчества. На материале различных языков ("естественных") сформулировано общее утверждение о том, что словотворчеством занимаются более других дети и поэты. К. Чуковский отмечал: "Начиная с двух лет всякий ребенок становится на короткое время гениальным лингвистом, а потом, к пяти-шести годам, эту "гениальность" утрачивает" [18, 24]. "Никто так часто не выдумывает новых слов, как дети", - писал Л.Н. Толстой (цит. по [18, 25]). С другой стороны, у ряда поэтов словотворчество (создание окказиональных слов) является характерной чертой их самовыражения.

Последние исследования разговорной речи заставляют, впрочем, более критически отнестись к привычным утверждениям о том, что постоянное словотворчество является исключительной привилегией детей "от двух до пяти" и поэтов. "Активность неузуального словообразования" признается авторами [8] характерной чертой разговорной речи. Что касается апостериорных языков (особенно на ранних этапах их функционирования), то без активного словотворчества их носители они не смогли бы существовать как средство общения.

Взаимоотношения автора нового слова и его реципиента в целом такие же, как и в других актах языктворчества: слово будет понято и оценено тем успешнее, чем обширнее общий языковый опыт участников этого акта и чем талантливее автор, чем удачнее это слово соответствует требованиям момента. И в данном случае не просто создается слово. Моделируется (осознанно или неосознанно) реакция на создаваемое слово со стороны того, кто его воспринимает.

Высшим проявлением речетворчества представляется художественное творчество на родном языке, создание различных художественных произведений мастерами родного слова. Проблемы взаимоотношений автора и читателя, в том числе сугубо языковые аспекты этих проблем, многократно ставились и исследовались специалистами разного профиля. Литература по этим проблемам поистине необозрима.

Очень своеобразна и специфична проблема художественного творчества на неродном языке. В связи с изучением двуязычия, многоязычия исследовались мотивы

выбора неродного языка, специфика результатов интерференции языков и т.п.

Особого внимания заслуживает при этом анализ творчества на искусственно созданных языках от басни А.Шлейхера "Avis akvasis ka" на "индоевропейском праязыке" [7, 104] до многих десятков тысяч произведений - оригинальных и переводных - на языке эсперанто. То обстоятельство, что А. Шлейхер, реконструируя индоевропейский праязык, верил, будто пишет на реально существовавшем "естественном" языке, отнюдь не отменяет того факта, что результаты его реконструкции удивительно сходны с результатами языкотворчества ряда авторов апостериорных языков (при, казалось бы, прямо противоположных целях языкотворчества).

Каждый автор, пишущий на сознательно созданном языке, объективно выступает в качестве одного из соавторов этого языка, внося определенный вклад в его оформление и развитие.

Создание априорных и апостериорных лингвопроектов является высшим проявлением индивидуального языкотворчества в узком смысле слова. Этот вид творчества никак не назовешь массовым, однако несколько сот лингвопроектов* за "три века исканий" [21] представляют собой богатый материал для "креолингвистики". Разнообразными могут быть цели и задачи анализа этих творений. В данной статье ограничимся лишь беглым, фрагментарным рассмотрением наиболее ярких особенностей личности авторов отдельных лингвопроектов в аспекте взаимоотношений их с реципиентами результатов их творчества.

Очень колоритна личность французского школьного учителя Жана Франсуа Сюдра, автора одного из наиболее любопытных и наименее естественных проектов всеобщего языка априорного типа, который назывался сольресоль (первый эскиз языка появился в 1817 г., полный словарь и учебник - уже после смерти автора - в 1866 г.). Сугубо интернациональны и крайне произвольны семь элементов, различные комбинации которых образуют словарь и грамматику этого языка. Эти элементы-слоги представляют собой названия нот (или сами музыкальные ноты). Более 40 лет своей жизни посвятил Сюдр кропотливой работе над своим языком, однако сольресоль был слишком чужд природе человеческого языка, чтобы добиться сколько-нибудь прочного успеха в соревновании проектов международных языков. Не помогло ему и то, что автор снабдил язык семью (!) различными формами выражения: слова и фразы можно было не только произносить, но и петь, а также играть на музыкальных инструментах, не только писать (буквами, цифрами, нотами), но и сигнализировать семью цветными флажками. Уникален синтез музыки и языка в этом оригинальном проекте! Судя по всему, автор

* А.Д. Дуличенко говорит о собранных им более 900 лингвопроектах, причем свыше 135 из них относятся к 1951 - 1971 гг. [6а, 81].

сольресолья очень рассчитывал на то, что лежащая в основе его языка музыка поможет переделать человека, сделать его более гармоничным.

Авторы других априорных языков, существенно отличаясь друг от друга в деталях своих лингвопроектов, удивительно сходны в своем настойчивом стремлении наиболее удобным способом классифицировать вселенную и достаточно логично обозначить каждый ее объект. Все авторы априорных языков стремились, подобно В.Г. Лейбницу, которому принадлежит незавершенный проект рационального языка, классифицировать и упорядочить все понятия, рационализировать и улучшить мир, дать ему логически стройный инструмент накопления знаний и эффективного общения. Это упорядочение осуществлялось то путем слияния языка с музыкой (Сюдр), то путем возведения математики к языку и языка к математике и логике (Лейбниц), то путем осуществления в лингвопроекте еще какой-нибудь априорной идеи. Но всегда на любой такой язык неизбежно накладывался определенный отпечаток личности автора и прежде всего его философских взглядов.

Отпечаток личности автора в апостериорном языке проявляется менее резко, менее отчетливо, чем в априорном, зато более разносторонне, более богато. Кроме общепhilosophических взглядов, в апостериорном языке более конкретно отражаются симпатии автора к тем или иным "естественным" языкам, их языковая одаренность, их конкретные социологические взгляды и т.д.

Ярко отразилась в языке волапюк, в судьбе этого языка личность его автора Йоганна Мартина Шлейера. Многое писали об этом интересном человеке, о его безусловной лингвистической одаренности, о его бесспорных заслугах перед историей развития идеи искусственного междunarодного языка; не меньше написано о его нетерпимости к чужим мнениям, о его стремлении самолично вершить судьбы "всемирного языка". Шлейер присвоил себе пышный титул *Datuval* (нечто вроде "Его создательство") и, по видимому, будучи экзальтированным человеком, искренне верил в то, что именно он избран богом для того, чтобы дать "единому человечеству единый язык". Стремление постоянно диктовать свою волю всем волапюкским организациям, которые аббату Шлейеру представлялись хорошо дисциплинированными секциями нового подобия религиозного ордена, в конечном счете явилось одной из причин развала волапюкского движения, - развала, столь же стремительного, как и его взлет в первое десятилетие после исторической ночи на 31 марта 1879 г., когда к Шлейеру пришло озарение и родилась идея волапюка.

Как правильно отметил в 1911 г. Л. Заменгоф, "волапюк погиб главным образом из-за одной важной ошибки, которая содержалась в нем, - абсолютного отсутствия естественных возможностей развития; в случае с каждым новым словом или формой язык должен был постоянно зависеть от решений одного лица или группы лиц, склонных к расприам друг с другом" (цит. в переводе с эсперанто по [21, 108]). Право на творчество Шлейер считал своей ис-

ключительной привилегией. Но подобная исключительность вступает в противоречие с природой человеческого языка.

Совсем иной предстает перед нами личность автора языка эсперанто Людовика Лазаря Заменгофа, который в первых же публикациях заявил, что его международный язык не является ничьей собственностью, что его автор отказывается от всех авторских прав, что эволюция языка — дело тех, кто будет им пользоваться. В отличие от Шлейера Заменгоф призывал всех будущих носителей своего языка к творчеству, к массовому демократическому соавторству. В то же время Заменгоф намечает четкие и конкретные пути творческой эволюции созданного им языка. Широкая эрудиция автора эсперанто, долгие годы работы над совершенствованием будущего лингвопроекта до его первой публикации, опыты творчества на этом языке в различных жанрах, постоянная готовность к диалогу по поводу любого предложения по дальнейшему совершенствованию языка, — все это, по-видимому, оказалось немаловажным фактором, способствовавшим победе эсперанто в соревновании с многочисленными лингвопроектами.

Для проблемы взаимоотношений автора и читателя (в случае с созданием лингвопроектов — автора и тех, кто принимает его лингвопроект в качестве средства общения) исключительный интерес представляют личности первых адеттов нового лингвопроекта. В истории эсперанто таковым оказался Антоний Грабовский (1857–1921). Это он в 1888 г., через несколько месяцев после выхода в свет первого учебника нового международного языка, разыскал его автора, скрывшегося за псевдонимом "Доктор Эсперанто". Именно с Грабовским у Заменгофа состоялась первая беседа на белгом эсперанто. Именно Грабовский явился первым крупным соратником Заменгофа в деле превращения его лингвопроекта в нормально функционирующий язык. И если Заменгоф, по словам К. Калочая, свой язык "сразу после его рождения обручил с поэзией" [25, 47], то Грабовский стал "отцом эсперантской поэзии" [23, 98].

А. Грабовский был безусловно творческой натурой. Инженер-химик, он активно работал над созданием польской химической терминологии [22, П]. Изучив волапюк, он разочаровался в нем прежде всего из-за того, что этот сложный язык предоставлял мало возможностей для творчества. Уже в первой беседе с Заменгофом, проникнувшись духом языка эсперанто, он предлагал автору ряд изменений в системе языка с целью его совершенствования. Затем он страстно отдался творчеству на эсперанто (вершиной его творчества считают перевод на эсперанто "Пана Тадеуша" А. Мицкевича). Около двухсот созданных им неологизмов вошло в "Plena vortaro".

В период повального увлечения среди эсперантистов проектами реформ в эсперанто А. Грабовский также опубликовал свой "Reformi projekto" (1896), по существу предлагавший не столько реформу эсперанто, сколько новый латинизированный лингвопроект [21, 159]. Однако это был лишь эпизод в биографии Грабовского, после которого более двух десятилетий он создавал шедевры эс-

перантской поэзии: именно в этом виде языкотворчества он нашел себя.

Необыкновенный интерес для общей типологии языкотворчества, для его психологии представляют такие фигуры, как Луи де Бюфрон, работавший над своим лингвопроектом аджуванто и отказавшийся от него в 1888 г. для творческой деятельности на эсперанто, а через 20 лет энергичной пропагандистской работы в поддержку эсперанто явившийся главной пружиной раскола в эсперантском движении, в драматической ситуации тайно выступивший с проектом языка идо [27, 12-20]; как всемирно известный лингвист Отто Эсперсен, неумоимо работавший над вопросами общего и английского языкознания и в то же время проявлявший интерес к волапюку и эсперанто, много лет сотрудничавший с идистами и в конце концов создавший свой лингвопроект новизаль (1927 г.; в переработанном виде - 1934 г.) [16, 114-115]; * как Артуро Альфандари, брюссельский промышленник, в 1961 г. (в 73-летнем возрасте) решивший облагодетельствовать человечество своим новым международным языком нео [19; 20], и многие другие. Анализ побудительных мотивов их языкотворчества, исследование проявлений творческой индивидуальности каждого в их лингвопроектах, уяснение общего механизма возникновения у индивида идеи создания нового языка и поисков путей осуществления этой идеи должно содействовать научному осмыслению всеобщей истории языкотворчества (на уровне создания лингвопроектов).

Создавая апостериорный лингвопроект, автор конструирует его словарь и грамматику, опираясь на опыт этнических языков (иногда на опыт уже созданных апостериорных языков). Он намечает принципы использования планируемого языка его будущими носителями (если не появятся носители языка, то лингвопроект языком не станет), в общих чертах предусматривает стилевую систему языка. Совершенно естественно, что авторы апостериорных лингвопроектов не планируют членения своего потенциального языка на территориальные или социальные диалекты, не создают архаических пластов лексики, поскольку язык, предназначенный для международного общения, казалось бы, не нуждается ни в диалектизмах, ни в архаизмах. Впрочем, все это может появиться в языке по мере его развития как нормально функционирующего литературного и разговорного языка в случае отсутствия необходимого сознательного регулирования.

Тем интереснее идея искусственного создания истории апостериорного языка, искусственного создания в нем пластов лексики, фонетических и грамматических элементов, соответствующих диалектным и архаическим элементам этнических языков. Идея может показаться абсурдной: зачем искусственному языку нужна еще и искусственная история?!

* Первый вариант новизалья О. Эсперсена следует датировать 1928 г. - Примечание ответств. редактора.

Но именно с такой "сумасшедшей" идеей мы сталкиваемся в шутиливом пародийно-гротескном очерке К. Калочая "Средневековый эсперанто", созданном более полувека назад. В этом очерке некий "умствующий С.Е.Р. BUMI" обнаруживает в древнем монастыре Утоп рукопись конца XII в. на "средневековом эсперанто" [26, 140 - 141]. Текст этой рукописи представляет собой блестящее решение лингвистической задачи: как должен был бы выглядеть эсперанто 8 веков тому назад, если бы он прошел естественный путь эволюции от латыни до современного эсперанто. Через 40 лет идея архаического эсперанто находит свое развитие в Бельгии, где Мануэль Гальвелик сетует на то, что различные причины помешали "нашему гениальному Калочаю полностью разработать свой проект "средневекового эсперанто" [24, 6], и предлагает свой вариант "архаического эсперанто" с четырьмя падежами, с показателями лица и числа в глаголе, с отсутствием определенного и наличием неопределенного артикля и т.д. [25]. Цель этого и других проектов Гальвелика (Popido, la verda dialekto; Gavaro, la verda slango) - создание вариаций языка эсперанто для полноценного перевода на него художественных произведений, содержащих соответственно а) архаические элементы; б) диалектную речь персонажей; в) жаргонные элементы.

Не вдаваясь в оценку целесообразности проектов М. Гальвелика, заметим, что они стоят особняком среди апостериорных лингвопроектов. В большинстве случаев авторы апостериорных языков, опираясь на опыт различных языков, пытались предложить один язык как средство интернационального общения. Лингвопроекты М. Гальвелика в своей совокупности отталкиваются от единого языка эсперанто и претендуют на создание в нем нескольких вариаций, каждая из которых решает определенные задачи и совместно с другими должна создать сложную "систему систем", соответствующую подобным системам высокоразвитых "естественных" литературных языков.

Дальнейшее изучение разнообразных типов языкотворчества даст возможность определить место каждого из них в будущей научной типологии актов языкотворчества прежде всего в зависимости от следующих параметров: а) отношение к языку или речи; б) степень "искусственности" языка, к которому относится акт творчества; в) отношение к художественной или нехудожественной речи; г) направление творческого акта на изменение системы (на создание системы) или ее части. Дальнейшее изучение языкотворчества позволит с большей очевидностью раскрыть наличие изоморфизма языкотворческих актов (от нового употребления слова до создания нового лингвопроекта) относительно мотивов творчества, относительно взаимоотношений автора языкового новшества любого масштаба и его реципиента и т.д.

Наука о языке нуждается в новой междисциплинарной теории творчества в различных языках, которая "находится еще в процессе становления и не обособилась от сопредельных дисциплин" [10, 60] и которую можно было бы назвать креолингвистикой.

Л и т е р а т у р а

1. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональных сторон языка (к вопросу о предмете социалингвистики). - Л.: Наука, 1975.
2. Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Ромдэственский Ю. В. Очерки по истории лингвистики. - М.: Наука - Главн. редакция вост. литературы, 1975.
3. Балли Ш. Французская стилистика. - М.: Изд-во иностр. лит., 1961.
4. Бонарев Е.А. Стихийное и сознательное в языке. - Русская речь, М., 1967, № 2.
5. Григорьев В.П. Поэтика слова. - М.: Наука, 1979.
6. Дуличенко А.Д. Из истории интерлингвистической мысли в России. - См.: [13, 114-130].
- 6а. Дуличенко А.Д. Интерлингвистика. - См.: [14, 68-92].
7. Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Часть 1. - М.: Учпедгиз, 1950.
8. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. - М.: Наука, 1981.
9. Кедров Б.М. Комплексный подход как звено в эволюции научных знаний. - В кн.: Художественное творчество. Вопросы комплексного изучения. Л.: Наука, 1982.
10. Кузнецов С.Н. К вопросу о типологической классификации международных искусственных языков. - См.: [13, 60-78].
11. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. - М.: Наука, 1975.
12. Поспелов Д.А. Эвристика. - В кн.: БСЭ, III изд., том 29. М., 1979.
13. Проблемы интерлингвистики. Типология и эволюция международных искусственных языков. - М.: Наука, 1976.
14. Interlinguistica Tartuensia I. Актуальные проблемы современной интерлингвистики. (Ученые записки Тарту ГУ. Вып. 613). Тарту, 1982.
15. Пудин В.Н. Эвристика - наука о творческом мышлении. - М.: Политиздат, 1967.
16. Садост Э. Как возникнет всеобщий язык? - М.: Наука, 1968.
17. Соколов А.Н. Теория стиля. - М.: Искусство, 1968.
18. Чуковский К. От двух до пяти. - М.: Детгиз, 1958.
19. Alfandari A. Cours pratique de Neo, deuxième langue... - Bruxelles: ed. Brepols S.A., 1961.
20. Alfandari A. Rapid method of Neo, international auxiliary language ... - Bruxelles: ed. Brepols S.A., [196?].
21. Brezen E. Historio de mondlingvo. Tri jarcentoj da serĉado. - Leipzig, 1931.
22. Grabowsky S. Rememoroj pri Antoni Grabowski. - In.: Nuntempa Bulgario, Sofio, 1961, N 9.

23. Gvidlibro por supera ekzameno. II. - Budapest: eld. Hungara Esperanto - Asocio, 1966.
24. Halvelik M. Popido. La verda dialekto. - Brugge, 1973.
25. Halvelik M. Arkaika Esperanto. Revizioj en la regulo. - Brugge, 1974.
26. Kalocsay K. Lingvo. Stilo. Formo. Studoj. - Budapest, 1931.
27. Kotzin B. Historiokaj teorio de Ido. - Moskvo: Librejo "Esperanto", 1913.

APOSTERIORAJ LINGVOJ KAJ TIPOLOGIO DE LINGVOKREADO

Vladimir A. Kornilov

En la artikolo estas rigardata la kreado de aposterioraj lingvoprojektoj samvice kun diversaj lingvaj kreaktoj. Homoj faras novajn uzojn de vortoj, kreas novajn vortojn, vendas novajn beletraĵojn "naturlingve" aŭ "artlingve", kreas novajn lingvosistemojn. En ĉiuj similaj kreaktoj oni povas trovi ne nur diversecon, sed ankaŭ komunecon (izomorfecon) relate al motivoj de verkado, al rilatoj inter aŭtoro kaj akceptanto de ĉiuranga lingvonovaĵo (komence de nova vortuzo kaj fine de nova lingvoprojekto). En la artikolo estas donitaj fragmentaj notoj pri agado de kelkaj lingvokreantoj (lingvoprojektantoj) vidpunkte de la strategio de ilia kreado. La aŭtoro opinias, ke la plua studo de lingvokreado devos klarigi la tipologion de lingvaj kreaktoj depende de: a) ilia rilato al la lingvo aŭ al la parolo; b) grado de arteco de la lingvo; c) rilato al la beletro; d) celo de la kreakto, rilate al la tuta sistemo aŭ ĝia elemento ktp. La aŭtoro opinias, ke la lingvistiko bezonas novan nur naskiĝantan teorion de lingvokreado eble nomotan "kredlingvistiko" (ruse "креолингвистика"). Aposterioraj planlingvoj devos fariĝi ĉefa objekto de tiu teorio.

ЯЗЫКОВЫЕ УНИВЕРСАЛИИ КАК ОСНОВА ПОСТРОЕНИЯ ПЛАНОВОГО ЯЗЫКА*

А.М. Лихтгейм

Об устойчивости синтетических и аналитических форм

После того, как определен набор необходимых грамматических категорий для планового языка (ПЯ), необходимо выбрать конкретные формы для выражения каждой из них. Но такие формы могут быть самыми различными — синтетическими и аналитическими, с употреблением определенных показателей препозиционно или постпозиционно и т.п.

Следует прежде всего выяснить, полностью ли безразличны некоторые из этих конкретных форм к своему содержанию, или некоторые из них более логичны, т. е. лучше выражают соответствующее понятие и следовательно, могут быть более устойчивы во времени. Действительно, в развитии разных языков мы наблюдаем взаимные переходы одних форм в другие (например, личные глагольные окончания отмирают, но заменяются при этом постоянно употребляющимися при глаголе личными местоимениями, которые далее могут превращаться в приглагольные личные показатели; некоторые формы времени переходят из синтетических форм в аналитические и обратно, как, например, будущее время западнороманских языков, система падежных окончаний уступает место конструкциям существительного с предлогом и т.п.). В определенных категориях наблюдается преимущественный переход к большему аналитизму (например, в категориях времени и лица глагола), хотя для ряда категорий более устойчивой является синтетическая форма (например, для категории числа). Мнение, что аналитизм развивается вслед за соответствующим развитием самого мышления человека, которое становится постепенно более "логически расчлененным", приводящее к выводу об универсальном развитии аналитизма, противоречит некоторым фактам (например, наличию преимущественно синтетических форм категорий рода и числа); кроме того, сама форма мысли частично зависит, как

* Окончание статьи; начало см.: *Interlinguistica Tartuensis* I. Актуальные проблемы современной интерлингвистики. (Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 613). Тарту, 1982, с. 50-67.

указывалось, от формы языка и, следовательно, если это соответствие и наблюдается, то подобная "большая логичность" мысли может быть не только причиной аналитизма языка, но и, наоборот, его следствием; сама же степень "логичности мысли" пока не поддается независимым определениям.

Тем не менее представляется совершенно необходимым установить какую-то логическую связь между такими, например, видами грамматических форм, как синтетические и аналитические формы, и их внутренним грамматическим содержанием - как для уяснения причин грамматических форм, так и для достаточно аргументированного отбора конкретных видов этих форм при конструировании ПЯ.

Можно было бы попытаться установить, например, связь между развитием аналитизма и подразделением грамматических категорий на словоизменительные и классифицирующие. В самом деле, можно было бы предположить, что разные формы одного и того же слова более логично выражаются аналитической конструкцией, где основной неизменяемый элемент соответствовал бы неизменяемому лексическому значению этого слова, а служебные элементы выражали бы соответствующие грамматические значения, так что каждое отдельное слово в таком случае было бы представлено в плане выражения всегда одной постоянной словоформой.

Напротив, для классифицирующих категорий, образующих новые лексические понятия, это требование было бы необязательным с точки зрения логики, и такие категории одинаково логично выражались бы как аналитически, так и синтетически. Так, например, классифицирующая категория грамматического рода более представлена в языках мира именно как синтетическая, так же как и классифицирующие категории первого порядка при своем образовании друг от друга (производные прилагательные, наречия, причастия и т.д.). Наоборот, в такой словоизменительной категории, как лицо глагола, наблюдается переход к аналитизму. Однако такие словоизменительные категории, как число и вид, отнюдь не подтверждают этой зависимости, ибо в большинстве случаев представлены синтетическими формами. Таким образом, в отношении ко всем грамматическим формам в целом вышеуказанной зависимости не наблюдается. Следует также отметить, что в подразделении грамматических категорий на словоизменительные и классифицирующие наблюдаются определенные колебания. Так, например, число и вид иногда не относят к словоизменительным категориям.

Наиболее интересной и обещающей является попытка установить зависимость между развитием аналитизма и подразделением грамматических категорий на шифтеры и не-шифтеры. В самом деле, если конкретная шифтерная категория придает слову относительное грамматическое значение, конкретно зависящее от конкретного речевого акта и, следовательно, частично меняющееся в зависимости от него, а частично представляющее свое постоянное об-

щее значение, то этому непостоянству нового грамматического значения будет определенным образом противоречить образование этой категории в виде синтетической формы и, наоборот, будет более соответствовать образованию этой категории аналитически, причем неизменный элемент конструкции будет при этом соответствовать неизменному лексическому значению слова, а также постоянный составляющей его грамматического значения, а служебный элемент будет выражать новое грамматическое значение.

Напротив, если конкретная нешифтерная категория придает слову постоянное фиксированное грамматическое значение, которое не зависит от случаев употребления этого слова, то этому постоянству нового грамматического значения не будет противоречить образование синтетической формы (равно как и аналитической конструкции) и, следовательно, нешифтерная категория одинаково логично выражается и синтетически, и аналитически.

Действительно, шифтерные категории в языках мира имеют преимущественное постепенное развитие в сторону аналитизма: развиваются аналитические формы выражения лица (личные окончания глагола постепенно отмирают, уступая свою роль личным местоимениям), аналитические формы наклонения (например, сослагательного - с помощью служебных слов: рус. бы, чешское by, болгарское би, бих, французское que, румынское să, молдавское сэ, английское should, would, датское skulde, ville, нидерландское zou, wou, китайское rǔ, ruò, вьетнамское già, đã mà, арабское ан, кай, ли и т.д.), аналитические формы времени (в прошедшем времени - многочисленные перфектные формы, в будущем времени - с помощью служебных слов: русские буду, будешь, ..., болгарское ще, немецкие werde, wirst, ..., английские shall, will, нидерландское zal, датские skal, vil, kommer, молдавские voi, va, пушту бѣ, непальские cha, ho, вьетнамское sẽ и т.д.), аналитические формы степеней сравнения (с помощью служебных слов: русские более, наиболее, самый, болгарское повече, сербско-хорватское више, польские więcej, bardziej, английские more, most, нидерландские meer, meest, датские mer(e), mest, французские plus, le (la) plus, испанские más, el (la) más, итальянские più, il (la) più, румынские mai, cel (cea) mai, хинди сэ, саб, сэ и т.д.), аналитические формы падежных отношений (появление предложных конструкций и отмирание падежных окончаний) и т.д.

Разумеется, поскольку развитие языковых форм сильно зависит и от других факторов, в частности, от конкретного языкового материала самой формы, наблюдаются и противоположные явления в развитии (как это, например, произошло с формами будущего времени глагола в западнороманских языках, где образовавшиеся аналитические конструкции, состоящие из инфинитива и форм латинского глагола habeo, постепенно стянулись в новые синтетические формы), но образование аналитических конструкций для шифтерных категорий является преимущест-

венным. (В частности, в ряде западнороманских языков будущее время может выражаться аналитической конструкцией, состоящей из форм глагола "идти" и инфинитива).

Наоборот, нешифтерные категории в языках мира не дают такой устойчивой картины и подчас проявляют как бы безразличие к форме: так, например, категория рода в большинстве языков мира устойчиво синтетическая, хотя и наблюдаются отдельные переходы в аналитические формы; синтетической по преимуществу является категория числа; наблюдаются как синтетические, так и аналитические формы категорий залога и вида; преимущественно аналитическую форму имеет категория временной отнесенности.

О принципах отбора конкретных грамматических форм

Переходя к отбору конкретных грамматических форм, необходимо прежде всего провести предварительный качественный анализ различных способов выражения грамматических значений в языках мира (аффиксация, чередование звуков, ударение, повторы, словосложение, супплетивизм, способ служебных слов, способ порядка слов, способ интонации (см., напр.: В.А. Кочергина. Введение в языковедение. Основы фонетики-фонологии. Грамматика. - М.: МГУ, 1979, с. 119-140).

Способ чередования звуков не может быть признан логичным как способ выражения грамматических значений, ибо при чередовании меняется звуковой состав корня слова и затрудняется узнавание самого слова.

Ударение как способ выражения грамматического значения также меняет звуковую оболочку слова, затрудняя его узнавание, облегчает возможные последующие звуковые изменения, т.е. снижает фонетическую "устойчивость" слова, требует специального обозначения или усложняет правила ударения, т.е. также не может быть признано логичным способом.

Способ повторов (редупликации) для выражения грамматического значения является достаточно неэкономным, громоздким и поэтому может быть допущен лишь как лексическое средство.

Супплетивизм также не может быть признан логичным способом выражения грамматических значений как метод, меняющий звуковую оболочку слова и затрудняющий его узнавание.

Порядок слов как способ выражения грамматических значений не может быть признан преобладающим способом в "идеальном" языке, так как для облегчения выражения мысли порядок слов должен быть относительно более свободным, а, кроме того, более свободный порядок слов необходим как способ выражения актуального членения

предложения и для выражения стилистических оттенков.

Интонация также не может быть приемлемой как способ выражения грамматических категорий морфологии, так как она необходима как способ выражения синтаксических грамматических значений, актуального членения предложения стилистических, художественных оттенков.

Словосложение, образующее новые слова сложением корней, играет прежде всего синтаксическую и словообразовательную роль и может быть признано как способ выражения деривационных грамматических значений только для наименее частотных категорий.

Поэтому основными способами выражения грамматических значений для ПЯ должны быть признаны способ аффиксации и способ служебных слов, конкретный отбор которых проводится при последующем анализе соответствующих категорий.

Так, грамматические категории первого порядка (части речи) должны быть достаточно легко опознаваемыми и действительно выделяются в большинстве языков мира определенным набором специальных показателей и синтаксических средств (окончания, аффиксальные показатели, артикли, порядок слов и т.д.). Для ПЯ логично было бы применить постоянные показатели частей речи. Но частей речи достаточно много. В то же время некоторые из них, как, например, числительные, местоимения, служебные классы слов (союзы, предлоги, частицы, связки) бывают обычно достаточно краткими, и наделение их специальными показателями сделало бы их значительно более громоздкими и сильно исказило бы любую национальную конкретную форму этих слов, т.е. затруднило бы их узнавание и пользование ими. В то же время эти классы слов, как правило, немногочисленны (количество разных слов в каждом классе не превышает нескольких десятков), но высокочастотны (частотность их всегда превышает частотность даже самых распространенных слов основных частей речи). Обе эти особенности (немногочисленность и высокочастотность) позволяют облегчить их запоминание, а следовательно, и употребление. Можно поэтому сделать вывод, что "немногочисленные" части речи не должны быть маркированы постоянными показателями.

В отличие от них основные знаменательные части речи (существительное, прилагательное, глагол, наречие) достаточно многочисленны (количество разных слов в этих классах - порядка десятков тысяч), частотность, большинства слов этих частей речи - малая, следовательно, запоминание большинства из них затруднено, и поэтому основные знаменательные части речи (т.е. существительное, прилагательное, глагол и наречие) обязательно должны быть маркированы определенными показателями. Вместе с тем слова этих частей речи, как правило, не являются краткими, так что наделение их специальными показателями не сильно исказит их форму.

Что касается местоименных слов, то, поскольку они являются абстрактными аналогами всех основных знаменательных частей речи, они и должны различаться друг от

друга таким же образом, т.е. каждая из групп местоименных слов (местоименные существительные, прилагательные и т.д.) должна иметь показатель, одинаковый с показателем соответствующей части речи. Сами же местоимения как отдельные абстрактные указательные классы вполне могут отличаться от соответствующих основных частей речи только лексически - как достаточно малочисленные, высокочастотные и, следовательно, легко запоминаемые. Так, например, в ПЯ эсперанто наличие у всех местоименных слов специального показателя "i" является безусловно избыточным: будучи "срединным" показателем, он вообще недостаточно хорошо распознается; далее, ввиду краткости местоименных слов, он делает их более громоздкими, затрудняя пользование ими; отсутствие же у некоторых групп местоименных слов показателей, совпадающих с показателями соответствующих частей речи (mi, vi, li, kial, kiam, kiel, kies, kiu, kiu и т.п.), затрудняет их узнавание. Напротив, отсутствие общестоименного показателя и образование местоименных слов с обязательными окончаниями соответствующих частей речи было бы более логичным и удобным.

Что же касается конкретного вида показателя (приставка, суффикс, окончание), то в соответствии с принципом экономии для наиболее частотных форм следует применять наиболее "краткие" показатели, т.е., в частности, показателями основных частей речи должны быть выбраны окончания, а для менее частотных категорий - другие показатели. При этом, как указывалось выше, для шифтерных категорий следует применять только аналитические конструкции, а для нешифтерных - как аналитические, так и синтетические (приставки, суффиксы) - в зависимости от распространенности той или иной формы для данной категории.

Отдельно следует рассмотреть вопрос многозначности или однозначности аффиксов, а также об их стандартности или нестандартности, т.е. о фузии и агглютинации. Безусловно, применение нестандартных аффиксов не должно допускаться в ПЯ как снижающее логичность языка, для чего выбираемые аффиксы должны быть такими, которые давали бы фонетически более устойчивые звуко сочетания. Что же касается многозначных, неагглютинативных аффиксов, то применение их в ПЯ в отдельных случаях вполне оправдано. Так, если при предварительном отборе грамматических категорий сделан вывод, например, об использовании категории числа только для существительных, то более разумным и экономным будет представление этой совокупности значений (существительное в определенном числе) одним слитным аффиксом - окончанием (как это и наблюдается в этнических языках). То же мы находим и в глагольных окончаниях языка эсперанто (-i, -as, -is, -os, -us, -u), которые не являются агглютинативными аффиксами (так, например, аффикс -as несет в себе значения глагола, изъяснительного наклонения и настоящего времени).

При выборе конкретного материального элемента для определенного показателя должны учитываться не только распространенность того или иного элемента, но также и их удобство, краткость, достаточная эффективность, избыточность и т.п.

Применим рассмотренные принципы к выбору конкретных элементов для аффиксов существительных. Практически почти ни один язык мира не имеет одного окончания, которое соответствовало бы лишь существительному; как правило, ему соответствует целый ряд окончаний, не говоря уже о других показателях (артикли, порядок слов и т.п.) или же вообще нет определенных окончаний. Однако несколько соображений позволяют сделать выбор в пользу окончания -а. В международной лексике существует большая группа слов, имеющих аффиксы -ия, -иа, -ика, -а, -номия, -логия, оканчивающиеся звуком "а". Это прежде всего названия наук, стран, учений и т.п.: Россия, Британия, Италия, Колумбия, Африка, Америка, астрономия, биология, физика, демократия и др. Конечно, есть и другие "окончания" в подобных словах (Перу, Чили), но такие "окончания" не являются распространенными. Все эти слова являются существительными. Этот слой лексики достаточно распространен и важен. Например, в ПЯ идо названия стран имеют аффикс -ia, хотя все остальные существительные оканчиваются на -о. Аффиксы эсперанто -io, -ujo искажают международную форму данного окончания. Кроме того, в целом ряде языков романских (итальянский, испанский, португальский), славянских, индийских - достаточно большие группы существительных оканчиваются на -а, т.е. это окончание имеет определенное распространение как окончание существительных. Наконец, существительное является наиболее частотной из знаменательных частей речи, поэтому логично, если оно будет иметь в качестве окончания звук -а, который является наиболее распространенным звуком в языках мира. Поэтому для окончания существительного в единственном числе следует выбрать -а.

Переходя к рассмотрению категории множественного числа существительного, отметим прежде всего, что в среднем около четверти всех существительных, встречающихся в текстах разных языков, выражают категорию множественности тем или иным способом. Языки с грамматической категорией числа существительного употребляет примерно 70% населения мира, около трети людей говорит на языках, выражающих категорию множественности как контекстом, так и разными грамматическими элементами (часто факультативными) и лишь около 1% людей говорит на языках, выражающих эту категорию чисто лексически. В подавляющем большинстве случаев показатель множественного числа постпозитивен. Среди наиболее "международных" аффиксов множественного числа мы находим -s (в английском, испанском, португальском и других языках), -i (в славянских языках, частично в итальянском, румынском, маратхи, новогреческом и др.), -e (в немецком, частично в хинди, урду, панджабском,

итальянском и др.), -лар/лер (в тюркских языках) и др. Из них аффикс -лар/-лер недостаточно краток для высокочастотной категории числа, окончание -s фонетически относительно неустойчиво: оно может в определенных случаях изменяться (например, озвончаться) или же вообще отмирать (что произошло во французском и отчасти наблюдается в испанском языке Латинской Америки), окончание -e по сравнению с -i гораздо менее "эффективно" (безударные окончания -a и -i различаются гораздо сильнее, чем безударные -a и -e, а это обстоятельство очень важно при различении двух форм одной части речи). Поэтому, поскольку ударение в ПЯ, как в большинстве языков мира, падает не на последний слог, и при образовании другой формы ударение в слове не должно перемещаться, в качестве единого слитного аффикса множественного числа существительного следует выбрать безударное окончание -i как достаточно "международное" и распространенное, обладающее большей "эффективностью" и фонетической устойчивостью.

Заключение

Таким образом, считая, что языки должны иметь определенный набор грамматических категорий, конкретный вид и форма которых должны быть частично также вполне определенными, а отнюдь не произвольными, мы должны прийти к выводу о том, что в своем развитии все языки мира, меняясь (подчас в противоположных направлениях) в зависимости от разных лингвистических и экстралингвистических факторов, постепенно приближаются в отношении вышеуказанных требований к определенному "устойчивому" состоянию, около которого они как бы совершают временные колебания, отклонения, обуславливаемые другими факторами.

Именно набор этих "устойчивых" состояний всех элементов языка и может быть выявлен с помощью языковых универсалий.

Выбор этих "устойчивых" состояний для соответствующих грамматических элементов ПЯ позволит получить ПЯ, наиболее устойчивый во времени, а также языка более логичный и "международный" в отношении его структуры по сравнению с этническими языками.

Примером такой попытки может служить разработанный автором на этой основе проект ПЯ "Солинга", на котором приводится аннотация. Приводим краткую грамматическую схему "Солинга": существительное единственного числа -a, множественного числа -i, падежи с помощью предлогов: родительный de, дательный a, винительный al (при обратном порядке слов), прилагательное -o, наречие -u, глагол: настоящее время -e, прошедшее время u -e, перфективность -en, будущее время va -e, сослагательное наклонение vu -e, инфинитив te -e, при-

частие: действительное -anto, страдательное -ato, дее-
причастие: действительное -antu, страдательное -atu,
страдательный залог: настоящее время -ate, прошедшее
время u -ate, будущее время va -ate; возвратный залог
si, глагол-связка "есть" e, союз "и" i, союз "что" ke,
местоимения: "что" ka, "то" ta, "это" sa, "кто" ki, "тот"
ti, "какой" ko, "такой" to, "этот" so, "как" ku, "так"
tu, "я" ma, "мой" mo, "мы" mi, "наш" mio; ударение -
на гласной перед последней неконечной согласной.

LINGO UNIVERSALII KU BAZA DE KONSTRUADA DE PLANO LINGA

Artur M. Lihtgeim

Proponate universalo-statistiko metoda de konst-
ruada de plano linga an baza de uzada de jeneralo ling-
gistiko legi - lingo universalii. Formulate prinsipi de
determinada de universalii, neseso por donato mira
(*"цель"*), in aplikada a nivela de gramatika (morfolog-
ia) de linga - per analiza, bazato an aplikada de "in-
tenalo" kategorii. Determinate jeneralo prinipa de
elekta de konkreto gramatiko formi i donate komparada
de so formi in dependansa de lio stabilansa in tempa.
Fate klasifikada de gramatiko kategorii i motivate di-
verso metodi de elekta i markada de konkreto gramatiko
formi por diverso grupi de so kategorii. An baza de
formulato prinsipi fate konkluda del relativu stabilo
sortimenta de bazo kategorii de linga i del pablansa
de lio aplikada por konstruata de plano linga.

ПРИНЦИПЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ПЛАНОВОГО ЯЗЫКА

С. Н. Кузнецов

1. Плановые языки

Под плановым языком понимается искусственно созданная знаковая система, предназначенная для международного общения [историю термина см. 7, 61-62]. Плановые языки (иначе: международные искусственные языки) противопоставляются международным естественным языкам (т.е. национальным, дополнительно получившим международное использование).

Системы плановых языков разрабатывались начиная с античности [6, 23-24]. По данным А.Д. Дуличенко, к середине 70-х гг. нынешнего века было предложено более 900 различных проектов плановых языков [15, 289]. Однако лишь немногие из этих проектов получили воплощение в реальной коммуникативной практике. Поэтому следует делать различие между потенциальными плановыми языками (не использовавшимися в человеческом общении) и реальными, или коммуникативно реализованными, системами плановых языков [6, 6; 5, 19].¹

Важнейшими коммуникативно реализованными системами являются: волапюк (созд. в 1879 г.), эсперанто (1887 г.), идиом-неутраль (1893-1898 гг.), латино-си-не-флексione (1903 г.), идо (1907-1908 гг.), оксиденталь (1921-1922 гг.), новиаль (1928 г.), бэйсик инглиш (1929-1932 гг.) и интерлингва (1951 г.) [подробнее о каждом из этих языков см. 7, 19-31].

Коммуникативно реализованные плановые языки заслуживают пристального внимания языкознания, так как наряду с естественными языками формируют объективно существующую языковую ситуацию современного мира. Однако статус коммуникативно реализованных систем не одинаков. Начиная с волапюка - первого планового языка, использовавшегося в человеческом общении, движение за международный искусственный язык действует как целостное сообщество, в рамках которого плановые языки стихийно распределяются по 1) степени распространенности, 2) стабильности и 3) полноте реализуемых языковых функций.

¹ А.Д. Дуличенко предлагает другую пару терминов: "нефункционирующие - функционирующие языки" [1, 88]. Однако понятие "нефункционирующего языка" может относиться не только к тому, что мы обозначаем термином "потенциальный язык" (язык, не реализовавшийся в общении), но и к языку, некогда коммуникативно реализованному, но вышедшему из употребления (волапюк).

В каждый отдельно взятый период доминирующим движением является какой-либо один плановый язык, вокруг которого группируется основная масса участников движения. С 1879 г. такое центральное место занимал волапюк. Однако вскоре после кульминации волапюкского движения (1889 г.) волапюк сходит на нет, и определяющую роль начинает играть эсперанто, сохраняющий свое доминирующее положение до настоящего времени. Все остальные коммуникативно реализованные системы оказываются вытесненными на периферию, что обуславливает столь характерную для них нестабильность. Последняя проявляется как в тех количественных колебаниях, которым подвержены коллективы сторонников периферийных плановых языков, так и в неустойчивой качественной ориентации их на ту или иную языковую систему. Действительно, на периферии движения отмечаются постоянные процессы "смены языков", сокращения одних языковых коллективов в пользу других. Окциденталь при своем возникновении получил основную часть приверженцев из среды идистов; другая часть идистов и некоторые окциденталисты позднее примкнули к новиялю; коллектив сторонников интерлингвы комплектовался преимущественно из бывших окциденталистов. Для некоторых плановых языков эта взаимная дестабилизация оказалась роковой: группы идиом-неутрала распались еще до I мировой войны, накануне II мировой войны растеряли своих приверженцев латино-сине-флексione, новияль и бэй-сик инглиш. В настоящее время на периферии движения сохраняются лишь три языка (идо, окциденталь и интерлингва), тогда как положение доминирующего языка (эсперанто) продолжает неуклонно укрепляться.

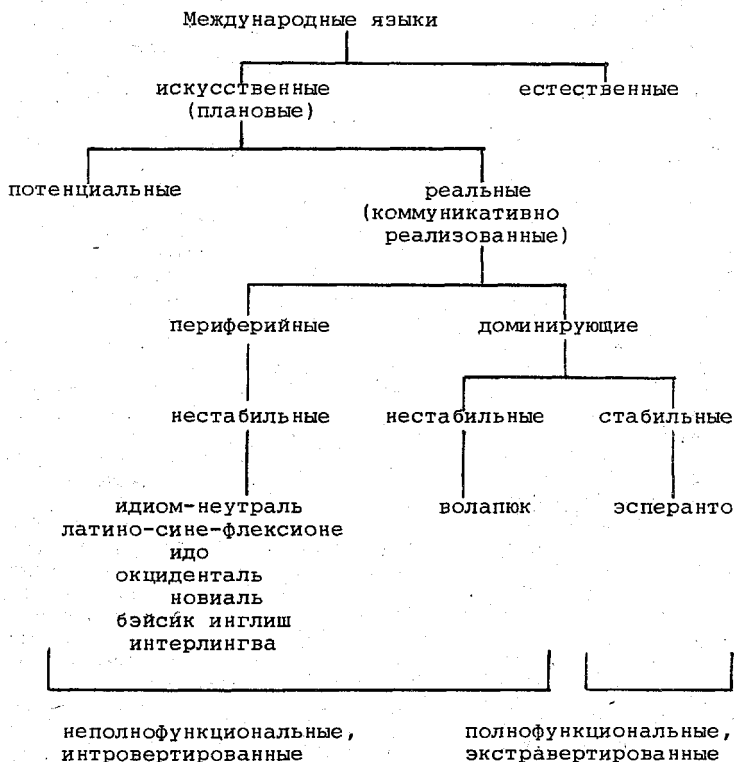
Таким образом, среди коммуникативно реализованных систем можно различать доминирующие и периферийные, стабильные и нестабильные.

Эти их особенности определяют большую или меньшую полноту функциональной реализации того или иного языка. Чем более язык нестабilen и чем более он тяготеет к периферии, тем менее велик его функциональный диапазон. Такие языки, как ido, окциденталь и интерлингва, реализуются преимущественно в письменной сфере, причем из различных областей применения языка (оригинальная и переводная художественная литература, научные публикации, публицистика и т.п.) на первое место выдвигается, как правило, та, где язык используется для опосредования собственных внутренних нужд (учебная литература и словари, теоретические разработки и полемические выступления, обосновывающие предпочтительность данной системы планового языка по сравнению с другими и пр.). Таким образом, для периферийных систем характерна, во-первых, неполнота функциональных реализаций, а во-вторых, функциональная интровертированность.

По сравнению с периферийными языками доминирующая система (в настоящее время - эсперанто) выступает как язык с полным набором функций, включающих использование его как в письменной, так и в устной сфере, как в художественной литературе (переводной или оригинальной),

так и литературе научного и прикладного характера, как в индивидуальном общении, так и в средствах массовой информации 5, 25-27. При этом количество публикаций, обслуживающих внутренние нужды эсперанто, значительно уступает объему всей другой печатной продукции, и, следовательно, эсперанто представляет собой функционально экстравертированный языковой тип.

Сказанное приводит нас к следующей классификации коммуникативно реализованных систем:

Для построения теории планового языка отнюдь не безразлично, какой именно функциональный тип языка берется ею за основу. Поскольку возможности, связываемые с плановыми языками, в наибольшей степени были реализованы языком эсперанто, в дальнейших рассуждениях мы ограничимся рассмотрением этого языка.

2. Теория планового языка

Как было показано нами в другой работе [5, 32], теория планового языка стоит в ином отношении к своему объекту, чем теория естественных языков. При исследовании естественных языков теория строится как отражение объекта (= языка), т.е. является по отношению к нему вторичной. Теория же планового языка может быть первичной, и вторичной: так как плановый язык создается на базе определенных теоретических предпосылок, то теория в этом случае предшествует языку; однако, получив коммуникативное использование, плановый язык может изучаться в самом процессе его функционирования и в этом случае будет предшествовать создаваемой на его базе теории.

Несколько изменяя ранее предложенные термины, будем именовать теорию первого типа проективной, а второго типа - коммуникативной.

Понятно, что потенциальные системы планового языка не могут иметь иной теории, кроме проективной, так как они не получили общественного функционирования. Коммуникативно же реализованные плановые языки могут иметь теорию обоих типов: проективная теория создается автором языка, она предписывает, каким должен быть язык в его последующей реализации; коммуникативная теория создается на основе наблюдений за реально функционирующим языком, поэтому она носит не предписывающий, о описывающий характер.

Между той и другой теорией имеется еще одно важное различие: проективная теория всегда конечна, она дана в виде закрытого списка правил, который после публикации языка может быть в принципе расширен (автором или академией планового языка), но не может потерять своего закрытого характера.

Коммуникативная теория, наоборот, бесконечна, так как она отражает неограниченную стихию языковой практики, которая в принципе не может быть сведена к закрытому списку правил.

Рассмотрим основные черты проективной и коммуникативной теории эсперанто.

3. Проективная теория эсперанто

Создателем проективной теории эсперанто является автор языка - Л.Л. Заменгоф. Как известно, в 1887 г. была опубликована так называемая "Первая книга" - учебник эсперанто, состоящий из четырех отдельных брошюр на русском [2], польском, французском и немецком языках. В 1888 г. вышел в свет английский перевод "Первой книги" И. Штейнхауса, оказавшийся неудачным и замененный в 1889 г. новым переводом Р. Гьяхагана (R. Geoghegan).

"Первая книга" состоит из трех частей: теоретического "Предисловия" (28 стр., из которых 4 стр. отведены образцовым текстам), "Полного учебника интерна-

ционального языка" на 6 стр. и "Интернационально-русского словаря" в виде вкладного листа. "Полный учебник" включает грамматику эсперанто, состоящую из трех разделов: А) азбука, В) части речи и С) общие правила (о чтении слов, ударении, образовании сложных слов, синтаксисе и интернациональных словах). В разделах В и С дано по 8 правил. С тех пор в эсперантской литературе прочно укореняется тезис, согласно которому вся грамматика этого языка сводится к 16 правилам. На самом деле предельная лаконичность грамматики и сжатость словаря (в "Первой книге" он включал около 920 корней и аффиксов) вытекали из стремления Заменгофа определить "лишь самые необходимые элементы" языка, предоставив "жизни или компетентной академии заботу довершить остальное" ². Поэтому Заменгоф ограничивается тем, что дает грамматический и лексический минимум языка, иллюстрируя его употребление образцовыми текстами.

Этот принцип теоретически обосновывается в последующих публикациях Заменгофа - "Второй книге" [23] и "Прибавлении ко второй книге" [24]. Во "Второй книге" Заменгоф прямо называет себя не "создателем" языка, а его "инициатором", признавая тем самым, что решающую роль в определении форм языка будет принадлежать самому языковому сообществу. В "Прибавлении ко второй книге" Заменгоф пишет: "Если какого-либо слова недостает в изданном мной словаре, и это слово невозможно построить по правилам словообразования или заменить другим выражением, - тогда всякий может создать его по собственному усмотрению; также если возникнет какой-либо вопрос по стилистике или грамматике, не разрешенный в моей первой брошюре, каждый может решить его по собственному суждению, и если вы хотите знать, хорошо ли вы решили этот вопрос, обращайтесь не ко мне, а к тому, как этот вопрос решило большинство". Единство языка должно было поддерживаться при этом наличием общей для всех эсперантистов основы (fundamento) - той формы языка, которая дана в "Первой книге".

Этими словами формулируется соотношение в эсперанто двух начал - авторского, фиксирующего общеобязательную, но минимальную основу языка, и коллективного, имеющего свободу безграничного досоздания и пополнения языка. Различие этих начал соответствует тому, что мы выше называли проективной и коммуникативной теорией планового языка.

Проективная теория эсперанто, изложенная в "Первой книге", не сразу приобретает канонический характер. Из трех основных компонентов этой теории (грамматика, словарь, образцовые тексты) в окончательный канон вошла только грамматика (правда, с небольшими изменениями), тогда как остальные два компонента были заменены другими.

² Из выступления Заменгофа на заседании "Лингвистического комитета" во время У1 Всеобщего конгресса эсперанто (1910 г.) [см. 28, 11].

В 1894 г. Заменгоф издает "Всеобщий словарь" [25], существенно дополненный по сравнению со словарем, приложенным к "Первой книге": сюда было дополнительно включено около 1710 корней, и все элементы корнеслова эсперанто были переведены на 5 национальных языков: французский, английский, немецкий, русский и польский. Следует обратить внимание на то, что сосредоточенный здесь словарный запас отнюдь не представлял собой полного собрания всех эсперантских слов и морфем: еще четырьмя годами ранее, в 1889 г., Заменгоф опубликовал "полный" русско-эсперантский словарь [3], где имеется около 500 корней, не вошедших позднее во "Всеобщий словарь" [28, 13]. Большинство этих корней принадлежит к числу интернационализмов: *afiŝo, akcio, analogio, apopleksio, apoteko, artilerio, asfalto, astrologio* [21, 291]. Именно этим и объясняется их отсутствие во "Всеобщем словаре": интернациональные слова причисляются к корнеслову эсперанто почти автоматически (по 15 правилу грамматики), "Всеобщий" же словарь призван был лексикографически зафиксировать менее бесспорные случаи и тем самым служить нормой для всех говорящих на эсперанто.

Те же цели преследует опубликованное в 1894 г. "Собрание упражнений" [26], которое явилось практической демонстрацией правил, установленных грамматикой эсперанто.

В 1905 г. "Грамматика", "Собрание упражнений" и "Всеобщий словарь" были объединены в единое целое под названием "Fundamento de Esperanto" ("Основы эсперанто"). Сюда же вошло теоретическое "Предисловие" на эсперанто, в котором мотивировалась необходимость сохранения "неприкосновенных основ" (*netuŝebla fundamento*) эсперанто до тех пор, пока эсперанто не станет официально признанным международным языком и межправительственная комиссия, специально назначенная для этой цели, не решит внести в эсперанто те или иные изменения - если (оговаривается Заменгоф) такие изменения окажутся необходимыми". Вместе с тем Заменгоф постулирует в "Предисловии" возможность постоянного совершенствования и обогащения языка на началах свободной эволюции. При этом те или иные фундаментальные элементы языка могут постепенно превращаться в архаизмы и заменяться новыми, но они сохраняют свою принадлежность к "Fundamento" как общеобязательной эсперантской норме (и, следовательно, даже выйдя из употребления, не выйдут из состава языка).

Четырехчастное "Fundamento de Esperanto" было санкционировано I Всеобщим конгрессом эсперантистов в Булони в качестве "основания всего языка эсперанто и всей эсперантской литературы" [4, 3]. Таким образом, проективная теория эсперанто, намеченная в "Первой книге" 1887 г., получила каноническую версию, покоящуюся на коллективном авторитете всего эсперантского движения.

Отметим важную особенность "Фундаменто", имеющую преемственную связь с "Первой книгой": нормализации подвергается здесь не только язык, но и речь. Действительно, грамматическая и словарная части "Фундаменто" ко-

дифицируют структуру языка; упражнения же, "признанные официальным образцом эсперантского стиля" [4, 3], дифицируют использование языковых элементов в речи. Таким образом, лексические и грамматические нормы задаются дважды: эксплицитно - в грамматике и словаре, и имплицитно - в виде примеров, содержащихся в упражнениях. О различии эксплицитных и имплицитных правил эсперанто будет сказано ниже.

4. Динамика развития проективной теории эсперанто

Как было показано выше, проективная теория эсперанто создается на протяжении периода 1887-1905 гг. Следует различать две ее версии: префундаментальную (до официального санкционирования "Фундаменто" в 1905 г.) и фундаментальную (изложенную в "Фундаменто"). Существует еще и постфундаментальная версия, формирующаяся после 1905 г. Рассмотрим различия этих версий.

"Первая книга", как уже говорилось, существует в виде пяти отдельных брошюр на национальных языках. Самая первая из этих "первых книг" - русская - имеет отличия как от других вариантов "Первой книги", так и от последующего фундаментального варианта. П.Е. Стоян отмечает, что "Первая книга", опубликованная на русском языке, содержит остатки предшествующих языковых экспериментов Заменгофа [21, 287]: наряду с корнем *esper-* "надеяться" (ср. *Esperanto*) в словаре указан *spér-*; *fal-* и *tomb-* одинаково приведены в значении "падать" (позднее *tomb-* стало означать "могила"), понятие "расти" передано двумя корнями *kresk-* и *vaks-* (последнее было позднее устранено) и т.п. В польском, французском, немецком и английском текстах "Первой книги" все эти "доэсперантские архаизмы" были устранены. Однако для всех вариантов "Первой книги" характерно сохранение наречий времени в форме на -*n*: *kian* "когда", *iam* "когда-нибудь" и т.п. В "Прибавлении ко второй книге" эти наречия были заменены на *kiam*, *iam*, так как прежняя форма совпала с винительным падежом местоимений *kia* "какой", *ia* "какой-нибудь".

Более интересны отличия первоначальной теории эсперанто от фундаментальной версии 1905 г. В грамматическом разделе находим только одно существенное изменение. Правило образования страдательного залога в формулировке 1887 г. звучит следующим образом: "Все формы страдательного залога образуются с помощью соответственной формы глагола *est-* (быть) и причастия настоящего времени страдательного залога данного глагола". В качестве примера приведено: *ŝi estas amata de ĉiuj* "она любима всеми". В дальнейшем Заменгоф дал иную редакцию этого правила, сняв указание на настоящее время причастия (что и вошло в русский вариант фундаментальной грамматики). В "Собрании упражнений" 1894 г., включенном позднее в "Фундаменто", находим уже полную парадигму страдательного залога, для которой характерно употребление причастия в любом из

трех времен независимо от времени глагола *esti* (см. § 25 упражнений):

Mi estas amata.	Vi estas lavita.	Li estas invitota.
Mi estis amata.	Vi estis lavita.	Li estis invitota.
Mi estos amata.	Vi estos lavita.	Li estos invitota.
Mi estus amata.	Vi estus lavita.	Li estus invitota.
Estu amata.	Estu lavita.	Estu invitota.
Esti amata.	Esti lavita.	Esti invitota.

Однако именно вопрос об образовании страдательного залога позднее возбудил известную теоретическую дискуссию, известную в эсперантологии под названием дискуссии по "проблеме -ata/-ita". Истоки этой дискуссии коренятся, как видим, в различии двух версий проективной грамматики эсперанто — первоначальной 1887 г. и фундаментальной 1905 г.

Обе названные версии различаются не только в грамматическом, но и лексическом отношении. Как было сказано, фундаментальный "Всеобщий словарь" почти в три раза расширяет список корней, подлежащих лексикографической регламентации. При этом некоторые корни приводятся в "Фундаменто" с уточненным значением по сравнению с первоначальной версией, например, *milit* — "воевать" (вм. "сражаться"); другие корни видоизменили свою форму: дублет *ŝtal* — *stal* — "сталь" превратился в *ŝtal* — (а *stal* получило значение "стойло, сарай"). Некоторые слова несколько раз меняли свой внешний облик, прежде чем утвердились в окончательном "фундаментальном" виде: в "Первой книге" дано слово *ŝagren* — "причинять досаду", которое преобразуется в *ŝagren* (второе, третье, четвертое и пятое издания "Всеобщего словаря" 1898–1904 гг.), но затем снова обретает первоначальную форму в "Фундаменто". Аналогично: *satur* — "насыщать" (первое издание "Всеобщего словаря" 1893 г.) → *ŝatur* (второе–пятое издания того же словаря) → *satur* ("Фундаменто"). Любопытно, что в "Фундаменто" получили окончательную санкцию даже такие слова, внешний вид которых сложился под влиянием ошибок (в том числе типографских): *virigo* "ехидна" в результате опечатки превратилось в *virigo* во втором издании "Всеобщего словаря", но, готовя окончательный текст "Фундаменто", Заменгоф не посчитал возможным исправить эту опечатку, так как форма *virigo* уже утвердилась в языке. Однако *virigo*, восходящее к префундаментальной версии эсперанто, продолжает использоваться в речи в качестве неофициальной параллели к *virigo*. Таким образом, ряд колебаний в лексикографической норме восходит к различию префундаментальной и фундаментальной версий эсперанто.

"Фундаменто" до настоящего времени сохраняет статус непреложного закона, лежащего в основании эсперантской нормы. Однако возникает немаловажный вопрос: в какой степени требования "Фундаменто" совпадают с реальным употреблением эсперанто?

В эсперантской лексикографии давно уже утвердился прагматический подход, в соответствии с которым основным источником нормы молчаливо признается сложившееся

речевое употребление, тогда как "Фундаменто", несмотря на декларируемое следование ему, все больше превращается из "неприкосновенного" в "неиспользуемый" эталон. В предисловии к 9-му изданию "Фундаменто" А. Альбо пишет: "Кто сегодня использует или делает вид, что использует вместо poŝmarko "почтовая марка", kapono "пушка", hospitalo "больница" предписываемые в "Фундаменто" signo de poŝto, rafilego, malsanulejo? - Заменгоф включил hospitalo уже в 1889 г. свой полный русско-эсперантский словарь; от выражения signo de poŝto "почтовый знак" он отказался уже в 1895 г.; kapono было официализировано в 1909 г.: никто не следует и даже физически не может следовать лексикологическим деталям, рекомендуемым в Фундаменто" [28, 18]³. Отсюда требование следовать не букве, а духу "Фундаменто" - требование, достаточно показательное, свидетельствующее о том, что "буква" Фундаменто не находит полного соответствия в реальном коммуникативном использовании эсперанто. А. Альбо подчеркивает, что даже в 1905 г. требования "Фундаменто" не только не выдерживались, но и не могли выдерживаться во всех своих лексикологических деталях [там же].

Таким образом, мы приходим к выводу о потенциальном характере той нормы, которая изложена в "Фундаменто". Это вполне согласуется с проведенным выше различием между проективной и коммуникативной теорией планового языка: раз проективная теория (разновидностью которой является "Фундаменто") формулируется применительно к плановому языку прежде и независимо от его коммуникативной реализации, то такая теория и должна быть потенциальной.

Потенциальность "Фундаменто" наглядно демонстрируется анализом примеров на словообразование, перечисленных в § 42 упражнений. Здесь дано 52 различных слова, произведенных от корня san- "здоровый" (фактически 51 слово, так как sani является формой повелительного наклонения от указанного здесь же глагола sani). Перевод этих слов на национальные языки в самом "Фундаменто" отсутствует, однако мы можем установить, каким образом эти слова осмыслились автором эсперанто, на основе перевода упражнений, приложенного к русскому изданию "Фундаменто" [4]. Это издание вышло с особым предисловием Заменгофа к русскому читателю и перевод упражнений был им, несомненно, отредактирован.

³ Действительно, в существующих словарях эсперанто при необходимости выбора между двумя словами - фундаментальным, но малоупотребительным и нефундаментальным, но широко употребляющимся - обычно предпочитается последнее: так, в словаре Е.А. Бокарева [9] "почтовая марка" переводится poŝmarko, "пушка" - kapono и только для понятия "больница" указано два слова: фундаментальное malsanulejo и нефундаментальное hospitalo.

Просмотрев толковый [19] и переводные [9; 10] словари эсперанто, мы составили список производных от корня *san-*, фактически бытующих в эсперантской речи. Однако он не совпадает с производными, указанными в "Фундаменто". Сравним оба эти списка, распределив производные слова на следующие 5 групп.

1) 15 слов имеются в обоих списках в одинаковом значении: *sano* "здоровье"; *sana* "здоровый"; *sani* "здоровствовать"; *sanigi* "выздороветь"; *sanulo* "здоровяк"; *malsano* "болезнь"; *malsana* "больной"; *malsani* "болеть"; *malsaniga* "болезнетворный"; *malsanigi* "заболеть"; *malsanepa* "недомогающий"; *malsanema* "болезненный"; *resanigi* "возвратить здоровье"; *resaniganto* "выздоровливающий"; *remalsanigo* "рецидив болезни".

2) 10 слов также имеются в обоих списках, но в фактически используемом языке они получили иное значение или вытеснены иным словом, чем то, которое указано в "Фундаменто" (после знака > приводится фактически засвидетельствованное значение или преимущественно употребляемое слово): *sanigi* "вылечивать" > *kuraci*; *saniga* "целебный" > *kuraca*; *sanigebla* "излечимый" > *kuracebla*; *sanigejo* "лечебница" > *kuracejo*; *sanigilo* "лекарство, гигиеническое средство" > "оздоровительное средство" (в значении "лекарство" применяется *kuracilo* и *medikamento*); *saneco* "санитарное состояние" > "состояние здоровья"; *malsaneco* "болезненность" > "состояние болезни"; *malsanulo* "пациент" > "больной" - сущ. (в значении "пациент" используется слово *paciento*); *malsanulino* "пациентка" > "больная"; *malsanulejo* "больница" > *hospitalo*.

3) 12 слов отсутствуют среди "фундаментальных" производных, но по данным словарей фактически засвидетельствованы в языке: *sanig(ad)o* "оздоровление"; *malsaneca* "болезненный, выказывающий болезнь" (например, *malsaneca paleco* "болезненная бледность"); *malsaneto* "недомогание"; *malsanigi* "вызывать болезнь"; *malsanuleja* "больничный" > *hospitala*; *ekmalsani* "заболеть" (= *malsanigi*); *resanigo* "лечение" > *kurac(ad)o*; *resanigilo* "лечебное средство" (слово, применявшееся Заменгофом) > *kuracilo*, *medikamento*; *neresanigebla* "неизлечимый" > *nekuracebla*; *resanigi* "выздоровливать"; *resanigo* "выздоровление"; *resanigejo* "здравница".

4) 12 слов не засвидетельствованы в словарях, но приведены в списке "фундаментальных" производных. Все эти слова, хотя лексикографически и не отмечены, могут встретиться в речи в качестве окказионализмов: *sane* "здорово"; *malsane* "в больном состоянии"; *sanigisto* "врач (целитель)" (в значении "врач" обычно используется *kuracisto*); *sanigista* "врачебный" (обычно *kuracista*); *saniginda* "достоинный излечения"; *malsanado* "болезнь" (как длительный процесс: "боление"); *malsanaro* "группа болезней"; *malsanemeso* "склонность к заболеваниям"; *malsanemulo* "болезненный человек"; *malsanulido* "потомок больных людей"; *nesana* "нездоровый"; *remalsano* "рецидив" (чаще *remalsanigo*).

5) Последнюю группу составляют 14 слов, приведенных в "Фундамент", но отсутствующих как в языке (и, следовательно, в словарях), так и в речи (в виде окказионализмов); некоторые из таких слов без приложенного перевода были бы вообще малопонятны (после знака > указаны реально употребляющиеся слова): *sanilo* "гигиеническое средство"; *sanilaro* "коллекция гигиенических средств"; *sanilujo* "ящик с гигиеническими средствами"; *sanejo* "гигиеническое заведение"; *sanulaĵo* "гигиенический аппарат" (?); *sanilista* "относящийся к гигиенисту"; *sanigilejo* "аптека" (от *sanigilo* "лекарство", см. выше - группа 2) > *apoteko*; *sanigilujo* "аптечный ящик"; *sanigilista* "лекарственный" (следовало бы ожидать иного перевода - "относящийся к фармацевту"); *sanisto* "санитар"; *malsanulisto* "ухаживающий за больными" > *flegisto*; *malsanulista* "относящийся к ухаживаемому" > *flegista*; *malsanero* "болезненное проявление" > *simptomo*; *malsanegaro* "собрание болезненных проявлений" > *simptomaro*.

Произведенный выше анализ ясно показывает, что описание языка, данное в "Фундамент", нельзя отождествлять с самим функционирующим языком. В "Фундамент" есть элементы, совпадающие с элементами реального языка; элементы, не укоренившиеся в качестве постоянных частей языка, но окказионально встречающиеся в речи; наконец, элементы, не имеющие соответствия ни в реальном языке, ни в реальной речи. Поэтому для того, чтобы "Фундамент" действительно могло выполнять роль нормативного руководства, необходима специальная привязка его к функционирующему языку. Именно для согласования "Фундамент" с коммуникативно реализованным языком и возникла особая версия проективной теории эсперанто, которую можно назвать постфундаментальной (ибо она формируется после 1905 г. на базе "Фундамент").

Официальная теория эсперанто обходит стороной вопрос (возможно, даже не осознавая его важности) о том, в каком объеме "Фундамент" коррелирует с реальностями языкового функционирования эсперанто. Между тем адаптация "Фундамент" к этим реальностям приводит к фактическому отказу от принципа безусловной неприкосновенности "Фундамент". Действительно, еще в 1918 г. (через год после смерти Заменгофа) в 5-м издании "Фундамент" были допущены два отступления от канонического текста: фундаментальное *milĵaro* было заменено более употребительным *jarmino*, несогласованное сочетание *mia frato kaj fratino* согласованным *miaj frato kaj fratino* - см. упражнения, § 14 и 36. Эти исправления сохранились и в последующих изданиях "Фундамент" вплоть до 8-го (1931 г.). Гораздо более важный характер имели "Академические поправки" (*Akademijaj korektoj*) к "Фундаменту". В 1906 г. "Языковой комитет" (*Lingva Komitato*) принял решение исправить неверные или сомнительные переводы слов, вошедших во "Всеобщий словарь"; эти поправки были подготовлены к 1914 г., но только в 1922-23 гг. увидели свет [12]. Таким образом, в период между двумя мировыми войнами стала складываться новая вер-

сия проективной теории эсперанто, основанная на "Академических поправках" к "Фундаменту". Для того чтобы составить представление о сути этих поправок, приведем примеры некоторых исправлений в русской части "Всеобщего словаря" [28, 270 и сл.]. Здесь находим примеры сужения значений отдельных слов (aĝ- "век, возраст" → "возраст", arm- "снаряжать, вооружать" → "вооружать"), расширения значений (admir- "дивиться" → "дивиться, изумляться, восхищаться", batal- "бороться" → "бороться, сражаться"⁴, gazet- "газета" → "газета, журнал"), размежевания значений (brak- "рука, объятия" → "рука (от плеча до кисти)", но man- "рука" → "рука (кисть)") и, наконец, видоизменения значений (ferm- "запирать" → "закрывать", firm- "плотный" → "прочный", mister- "тайнство" → "тайна"). В некоторых случаях меняются грамматические характеристики слова (eksplo- "взрывать, взрываться" → "взрываться"), уточняются также значения отдельных аффиксов (-ad- означает продолжительность действия → "означает продолжительность действия или многократный вид"). Всего, таким образом, в русской части "Всеобщего словаря" было произведено более 200 поправок (а в английской - целых 810!). Принимая во внимание ограниченный состав "Всеобщего словаря", внесение этих поправок означало весьма существенную коррекцию фундаментальной теории эсперанто.

В период после второй мировой войны продолжалась дальнейшая разработка постфундаментальной версии проективной теории эсперанто. В 1963 г. вышло 9-е издание "Фундаменту", текст которого был воспроизведен фотоспособом с издания 1905 г. и таким образом вновь обрел свой канонический вид. Однако здесь же помещены все "Академические поправки" 1922-1923 гг., а также новые "Языковые замечания" (Lingvaj rimarkoj), принадлежащие А. Альбо. Наиболее важной отличительной особенностью последних является принятие теории Р. де Соссюра о грамматическом характере корней в эсперанто, т.е. о тяготении их к той или иной части речи (существительным, прилагательным, наречиям или глаголам). Поэтому все корни здесь указываются с соответствующим окончанием части речи, тогда как во "Всеобщем словаре" корни даются без окончаний.

Постфундаментальная версия проективной грамматики является фактически компромиссом между ортодоксальной версией "Фундаменту" и теорией реального функционирования эсперанто.

⁴ Значение "сражаться" в "Первой книге" придавалось корням batal- и milit-, затем второе приобрело смысл "воевать", а первое "бороться", наконец, "Академические поправки" вновь соединяют batal- со значением "сражаться".

5. Однородность/неоднородность проективной теории эсперанто

Выше было показано, что проективная теория эсперанто не оставалась единой на разных стадиях ее развития. Мы пришли к необходимости различать по крайней мере три ее различные версии: префундаментальную (возникшую до 1905 г.), фундаментальную 1905 г. и постфундаментальную (после 1905 г.). Поставим теперь другой вопрос: является ли внутренне однородной каждая из этих версий? В частности, является ли внутренне однородным сам текст "Фундаменто"?

Выше отмечалось, что еще "Первая книга" 1887 г. имеет известные разночтения между своими национальными вариантами; в наибольшей степени отличается от других русский вариант. Была ли эта разнородность преодолена к 1905 г., когда "Фундаменто" возник в своем каноническом виде?

Перечислим еще раз составные части "Фундаменто":

1) "Предисловие" на эсперанто, написанное в 1905 г., 2) "Грамматика" - 5 отдельных текстов на французском, английском, немецком, русском и польском языках, все эти тексты восходят к "Первой книге" 1887 г. (английский вариант - к переводу Гьяхагана 1889 г.), 3) "Собрание упражнений" (Ekzerco), первым изданием вышедшее в 1894 г., и 4) "Всеобщий словарь" (Universala vortaro), впервые опубликованный в 1894 г. Упражнения разделены на 3 даны на эсперанто; после каждого параграфа упражнений следует список слов с переводами на 5 указанных национальных языков. Переводы на те же языки даются и во "Всеобщем словаре".

Анализируя состав "Фундаменто", можно установить наличие двух типов внутренних расхождений между его компонентами: 1) между национальными вариантами "Грамматики", а также между переводами слов в упражнениях и "Всеобщем словаре"; 2) между одновременно возникшими частями "Фундаменто".

Действительно, 5 текстов фундаментальной грамматики не вполне тождественны между собой. В наибольшей степени отличается от остальных французский вариант, что объясняется активным участием в его редактировании Л. де Воффона [28, 12]. Отметим различия в формулировке страдательного залога: в "Первой книге", как мы отмечали выше, страдательный залог рассматривался как форма, образованная на базе страдательного причастия настоящего времени; в фундаментальной грамматике (русский, польский, немецкий и английский варианты) снято указание на время причастия, во французском же тексте, наоборот, добавлено указание на прошедшее время: "Страдательный залог образуется сочетанием глагола *esti* (быть) и страдательного причастия настоящего или прошедшего времени" [28, 54]. Таким образом, с точки зрения французского текста "Фундаменто" такие формы, как *Li estas invitota*, не входят в парадигму страдательного залога.

Такого рода разночтения между национальными текс-

тами "Грамматики" заставили редактора 9-го издания "Фундаменто" А. Альбо составить "Сравнительный текст пятиязычной фундаментальной грамматики" [28, 293-303], чем, впрочем, не решается задача теоретического согласования разновидностей фундаментальной грамматики.

В лексической части "Фундаменто" также имеются разночтения, например, во "Всеобщем словаре" корень *honti* "стыдиться" переведен соответствующими глаголами французского, немецкого, русского и польского языков, тогда как английский перевод дает *shame*, что соответствует либо существительному "стыд" (другая часть речи), либо глаголу "стыдить" (переходный глагол вместо непереходного) [28, 322].

С другой стороны, имеются разночтения и между отдельными частями "Фундаменто", например, между "Собранием упражнений" и "Всеобщим словарем". К упражнениям приложены переводы содержащихся в них слов, причем первоначальная редакция переводов (1894 г.) была переработана во втором издании упражнений (1898 г.). Однако параллельных изменений во "Всеобщем словаре" не последовало [28, 15], поэтому переводы слов в упражнениях и в словаре не всегда совпадают. Например, уже упоминавшееся *honti* переведено в упражнениях *be ashamed* (что соответствует переводам на другие национальные языки). Еще более существенно то, что во "Всеобщем словаре" даются собственно не слова, а только их корни, так что преимущественная связь их с той или иной частью речи не всегда ясна. В упражнениях же слова даны с окончаниями частей речи, что эксплицитно выражает их грамматическую природу (ср. теорию Р. де Соссюра).

6. Фундаментальная грамматика эсперанто

Сравнивая тексты "Грамматики" и "Собрания упражнений", можно убедиться еще в одном обстоятельстве. Обычное представление о том, что фундаментальная грамматика эсперанто сводится к 16 правилам, не верно фактически. В "Ekszercaĝo" под видом упражнений дан ряд грамматических правил, которые восполняют намеренную грамматическую скудость "Первой книги". К ним относятся правила об употреблении местоимений *si* и *vi* (§ 16), об артикле (§ 27), о падежном управлении предлогов (§ 28), о неопределенном предлоге *je* (§ 29), о коррелятивных местоимениях и местоименных наречиях (§ 30) и т.п. Таким образом, число фактически представленных правил фундаментальной грамматики значительно больше 16, однако точное их количество может быть установлено только после составления полного свода фундаментальных правил, с включением сюда всех эксплицитно сформулированных грамматических положений "Фундаменто".

Помимо этих эксплицитных правил в упражнениях содержатся и скрытые (имплицитные) правила, которые даны не в виде тех или иных грамматических формулировок, а в самом языковом материале упражнений. Например, правило, требующее наличия связи при именном сказуемом,

следует из таких примеров, как: *Leono estas besto. Rozo estas floro kaj kolombo estas birdo* (§ 5). Правило свободного порядка слов в предложении явствует из примеров: *La libro estas sur la tablo, kaj la krajono kuŝas sur la fenestro. - Sur la fenestro kuŝas krajono kaj plumo* (§ 6).

Количество эксплицитных правил допускает точный подсчет, имплицитные же правила не могут быть даны закрытым списком, но можно установить их примерный перечень, выводя эти правила из языкового материала, представленного в "Ekzercaro". Только после этого можно будет судить о действительном объеме фундаментальной грамматики эсперанто.

7. Коммуникативная теория эсперанто

Теория эсперанто, изложенная в "Первой книге" и "Фундаменто", имеет, как уже говорилось, проективный характер: язык подается в виде системы предписаний, которым должен следовать говорящий. Как эти предписания реализуются в общении, изучается иной теорией - коммуникативной. Коммуникативная теория эсперанто призвана описать язык в его фактическом употреблении, которое может совпадать, но может и не совпадать с требованиями проективной теории (т.е. "Фундаменто").

Проективная теория эсперанто создавалась Заменгофом на протяжении 1887-1905 гг. - в период, когда эсперанто находился еще в стадии становления. Коммуникативная теория могла возникнуть не ранее, чем язык получил достаточно широкий диапазон использования. Помимо этой объективной предпосылки, для формирования коммуникативной теории был необходим еще и субъективный фактор - готовность принять мысль о том, что функционирующий язык может в том или ином отношении отличаться от исходного проекта.

Толчок к сопоставлению исходного проекта с действующим языком был дан не сторонниками, а критиками эсперанто. В 1907 г. состоялись заседания Комитета "Делегаций для принятия международного вспомогательного языка" [7, 13-14]. Секретарем Комитета был французский логик и интерлингвист Л. Кутюра [13]. Здесь был подвергнут критике ряд форм, представленных в реальном языке (и отраженных словарями), но не объяснимых с точки зрения существовавшей теории эсперанто ("Фундаменто"). Кутюра находит в эсперанто нарушения законов аналогии (например, прилагательному *gaja* "веселый" соответствует существительное *gajeso* "веселье" с суффиксом абстрактного качества -ес-, прилагательному же *ĝoja* "радостный" - существительное *ĝojo* "радость" без суффикса), а также "абсурдные", по его словам, замены суффиксальных производных *fiereso* "гордость", *feliĉeso* "счастье", *sanezo* "здоровье" бессуффиксальными *fiero*, *feliĉo*, *sano*. Последние, по мнению Кутюра, могли бы обозначать человека-носителя данного качества ("гордец", "счастливец", "здоровяк"), но отнюдь не само качество.

Из попытки исправления подобных "нелогичностей" и возник, как известно, проект реформированного эсперанто - идо. Наоборот, противодействие реформам со стороны эсперантистов должно было основываться на рациональном истолковании "нелогичных" форм реально существующего эсперанто, что и привело к появлению его коммуникативной теории.

Элементы такой теории возникли уже в ходе полемики между Л. Кутюра и его оппонентом Э. Буарак на заседаниях Комитета. Э. Буарак показал, что отмеченные Кутюра нарушения аналогии можно объяснить, если допустить наличие в эсперанто нескольких грамматически различных классов корней - субстантивных, адъективных и глагольных. Тогда станет понятным различие между *gaĵo* и *ĝoĵo*: корень *gaĵ-* - адъективный и закономерно сочетается с суффиксом *-es-* при образовании существительных; корень же *ĝoj-* - субстантивный и в форме существительного не требует суффикса *-es-* [см. 14, 18-19].

Теория грамматической спецификации корней была далее развита Р. де Соссюром, с именем которого она преимущественно и ассоциируется. Р. де Соссюр выступает как последовательный антагонист идо - "Антидо", подписывая этим псевдонимом свои многочисленные сочинения. Первоначально в работе 1910 г. [20], а потом и в ряде других исследований Р. де Соссюр подробно обосновал тезис грамматического различия корней и ввел в теорию эсперантского словообразования "принципы необходимости и достаточности" [об этих принципах см. 7, 67]. Эти принципы позволили объяснить также и вторую группу "аномалий", отмеченных Кутюра. В словах *fiereso*, *feliĉeso*, *ŝanĉeso* суффикс *-es-* можно опустить, не изменяя значения слова, так как он обозначает качество и поэтому является избыточным в присутствии адъективных (т.е. тоже качественных по значению) корней *fier-*, *feliĉ-*, *ŝan-*.

Анализ, произведенный Э. Буарак и Р. де Соссюром, явился поворотным пунктом в развитии теории планового языка: становилось очевидным, что в действующем языке заложены особые свойства и принципы, которые невозможно вывести из исходного проекта языка. Это, между прочим, чувствовал Л. Заменгоф, писавший Р. де Соссюру по поводу его книги 1910 г.: "Последнюю работу я прочитал с большим интересом; я нахожу ее замечательной. ... было бы полезно..., чтобы каждый эсперантист, и особенно сочинители, внимательно ее прочитали и постарались следовать тем принципам, которые вы превосходно исследовали и объяснили. Я не сомневаюсь, что наша Академия с большой готовностью официально одобрит ваши предложения". В [17, 382-383] справедливо отмечается (по поводу этих слов Заменгофа), что "исследовать и объяснить" можно лишь что-то реально существующее, следовательно, констатации Р. де Соссюра соответствуют фактическому устройству эсперанто. Заменгоф ошибся лишь в одном - в готовности Академии дать официальную санкцию исследованиям Р. де Соссюра. Правда, в 1911 г. Академия одобрила "принципы необходимости и достаточности", но основополагающая для этих принципов концепция Буа-

рака-Соссюра о грамматической спецификации корней получила академическую санкцию лишь в 1967 г.

Как бы то ни было, исследования Р. де Соссюра заложили основы принципиально новой - коммуникативной - теории эсперанто, изучающей язык в его реальном функционировании. Такая теория стремится не постулировать те или иные особенности планового языка (как это делается в "Фундаменто"), а обнаружить его скрытые законы, тем самым сближаясь с теорией естественных языков.⁵ Грамматика планового языка, исследующая его реальное коммуникативное устройство, могла бы по праву претендовать на эпитет "теоретической", тогда как все прочие грамматические описания, в том числе и "Фундаменто", являлись лишь практическими руководствами к изучению языка.

Мысль о возможности построения теоретической грамматики эсперанто не была выдвинута Р. де Соссюром, хотя она явно вытекала из существа его грамматических исследований. Впервые идея такой грамматики зародилась у двух известных российских интерлингвистов - П.Е. Стояна и В.К. Петрашевича (псевдоним - В. Певич). В протоколах интерлингвистической конференции, прошедшей в 1930 г. в Женеве под эгидой "Ассоциации международного вспомогательного языка", сохранилось следующее знаменательное свидетельство П.Е. Стояна: "В 1909-1910 гг. двое петроградских [петербургских. - С.К.] студентов-эсперантистов предприняли ревизию всей эсперантской грамматики и особенно эсперантского словообразования. После годичной работы была готова рукопись в 100 страниц, озаглавленная: V. Pevič kaj P. Stojan. Teoria Gramatika de Esperanto. В этой работе, написанной только на эсперанто, были нововведения: *finafu* (вм. *finiĝo*), *ovorto* (вм. *substantivo*), *virgino* (вм. *virgolino*) и др. Двое студентов намеревались отдать свою работу в печать, когда неожиданно они познакомились с книгой Антидо, представлявшей в более элегантной форме их идеи. Исполнившись энтузиазма, они оставили свою рукопись и на этом успокоились, листая книгу Антидо (де Соссюра)" [22, перевод с эсперанто].

Важно подчеркнуть, что замысел этой первой (и, к сожалению, утраченной) "Теоретической грамматики эсперанто" возник из того же источника, что и разыскания Р. де Соссюра: его первоосновой явилась полемика эсперанто-идо, сконцентрированная на проблемах словообразования о дискуссиях эсперанто-идо и идо-антидо [см. 6, 75-89]. Таким образом, столкновение эсперанто и идо с неизбежностью приводило к размежеванию двух теоретических подходов к описанию эсперанто - проективного и коммуникативного.

⁵ Ср. слова А.С. Пушкина, сказанные им о грамматике естественных языков, но вполне приложимые и к коммуникативной теории плановых языков (в противоположность проективной теории "Фундаменто"): "Грамматика не предписывает законов языку, но изъясняет и утверждает его обычаи" [8, 116].

Из соединения этих двух подходов родилась эсперантология - отрасль интерлингвистики, занимающаяся изучением эсперанто как потенциальной и как коммуникативно реализованной системы. Однако взаимоотношения обоих подходов на первых порах были далеки от гармонии. Проективная теория, ориентирующаяся на "Фундамент", казалась несовместимой с коммуникативным подходом, который склонен был давать приоритет законам, складывающимся в речевой среде. 60-летняя задержка с официальным санкционированием концепции Э. Буарака-В. де Соссюра о грамматической спецификации корней свидетельствовала о том долгом пути поисков и сомнений, который потребовался Академии, чтобы в конечном счете признать фактическую обоснованность указанной концепции. Конфликт проективного и коммуникативного подходов проявился также и в иной области - при обсуждении проблемы неологизмов.

Первоначальной теорией эсперанто предусматривалось сокращение состава производных слов до определенного минимума (в "Первой книге" - до 900 слов). Благодаря этому, по мнению Заменгофа, "язык делается чрезвычайно легким, и весь труд его изучения сводится к изучению около 900 слов..., из которых по определенным правилам можно образовать все слова, выражения и обороты, необходимые в обыденной жизни" [2, 11]. Правда, потом официальный корнеслов эсперанто был расширен сначала во "Всеобщем словаре", а затем в серии дополнений к нему, с 1909 г. публиковавшихся Академией эсперанто. Вместе с тем в эсперантских словарях и сочинениях на эсперанто постоянно встречалось немалое число неофициальных слов ("неологизмов"). По отношению к этим словам сложились две точки зрения: сторонники одной ("фундаменталисты") требовали от эсперантистов языковой дисциплины и ограничения применяемых слов одними официальными; другие ("неологисты") допускали широкое использование неофициальных слов. Глава "фундаменталистов" Т. Кар (в 1920-1931 гг. президент Академии эсперанто) в одном из своих циркуляров писал: "Академия рекомендует, кроме случаев абсолютной необходимости, использовать только те корни, префиксы и суффиксы, которые имеются во "Всеобщем словаре" и официальных дополнениях к нему" [16]. Однако стихия реального коммуникативного использования эсперанто не могла ограничиться этими рамками. "Полный иллюстрированный словарь эсперанто" 1970 г. [19] лишь на 35 % состоит из официальных слов, а на 65 % - из "неологизмов", бытующих в эсперантской печати. Таким образом, в лексикографии эсперанто в конечном счете одержали верх те тенденции, которые основывались на фактическом употреблении языка в противовес ограничительным требованиям "фундаменталистов". Нет сомнения, что в полемике "фундаменталистов" и "неологистов" отразилось противопоставление проективного и коммуникативного подходов к описанию и нормированию языка.

Некоторые эпизоды этой полемики весьма характерны. На протяжении 65 лет Академия занималась вопросом о суффиксах -i(o) и -uj(o). Суффикс -uj(o) был предпи-

сан "Фундаменто" для образования названий стран - Francujo, Turkujo и т.п., но в реальной речи он очень скоро вступил в конкуренцию с более интернациональным, но неофициальным суффиксом -i(o): Francio, Turkio. Последний получал все большее распространение, но неизменно отвергался Академией - первый раз еще в 1909 г. [см. 18]. Представляет в этом смысле интерес аргументация Т. Кара. В том же циркуляре, в котором он от имени Академии призывал избегать неологизмов⁶, он пишет по поводу -i(o): "Принятие суффикса -i- для названий стран не только явилось бы серьезным изменением в нашем "Фундаменто", но означало бы полное распадение всей системы эсперанто, в которой слово Turkio, например, может иметь лишь значение Turk-io, т.е. "что-то (io) турецкое (tur-ka)", подобно тому как bon-faro "благодеение" значит faro bona" [16]. Как видим, Т. Кар возражает против -i(o), потому что этот суффикс явился бы омонимичным местоимению io "что-то" и тем самым его принятие означало бы допущение самого принципа омонимии, противоречащего "Фундаменто".

Борьба против суффикса -i(o), вопреки всем запретам распространявшегося все шире, завершилась лишь в 1974 г., когда Академия, отменив свои прежние решения, допустила употреблять -i(o) наряду с -uj(o), чтобы победа наиболее удобной формы выявилась в "общем употреблении" [11, 14]. Это постановление Академии имеет характер прецедента, но не в смысле допущения принципа омонимии, как того опасался Т. Кар, а в смысле предпочтения объективной нормы перед субъективной - "общего употребления" перед "Фундаменто".

Таким образом, в результате ряда важных решений, принятых преимущественно во время президентства Г. Вариньена (1963-1979 гг.), - к числу этих решений относятся одобрение концепции грамматического характера корней (1967 г.) и снятие запрета с суффикса -io (1974 г.) - Академия вступила на новый путь, отмечаемый все более последовательной опорой на коммуникативные реальности эсперанто.

К 1970-1980 гг. относится завершающий этап формирования нормативной лексикографии и грамматики эсперанто, также исходящих из его реального функционирования. В 1970 г. был издан "Полный иллюстрированный словарь эсперанто", главным редактором которого был Г. Вариньен [19]. Через 10 лет, в 1980 г., вышла в свет "Полная аналитическая грамматика эсперанто" К. Калочая и Г. Вариньена [17]. После издания этих работ нормативное описание эсперанто действительно приобрело необходимую пол-

⁶ Кроме того, здесь же помещено сообщение об исключении Р. де Соссюра из Академии (1920 г.). Это решение мотивировалось "антиэсперантской" деятельностью Соссюра, стремившегося к реформам эсперанто, но вместе с тем оно выказывало недальновидность тогдашнего руководства Академии, поспешившего освободиться от одного из основателей эсперантологии.

ноту, позволяющую найти удовлетворительный ответ на большинство вопросов практического использования языка.

Норма, на которую ориентируются "Полный иллюстрированный словарь" и "Полная аналитическая грамматика", имеет ступенчатый характер. Ее верхний ярус образует проективная норма "Фундаменто", все остальные ярусы - коммуникативная норма действующего языка. Именно коммуникативная норма является ведущей: не случайно в "Полном иллюстрированном словаре" не зарегистрированы те словообразования "Фундаменто", которые не встречаются в реальной речи (типа *sanilo*, *sanilaro*, *sanejo*, *sanulaĵo*, *sanisto* и др., см. выше).

Коммуникативная норма в свою очередь слагается из нескольких иерархически подчиненных друг другу компонентов: наибольший престиж имеет Заменгофская норма - т.е. та норма, которая отразилась в прозаических и поэтических произведениях Заменгофа, а также в его рекомендациях по вопросам языка [27]. Следующую ступень составляют образцовые произведения других авторов, к числу которых "Полный иллюстрированный словарь" относит классиков эсперантской литературы К. Бейна, А. Грабовского и К. Калочая; кроме того, образцовым считается также перевод Библии, выполненный Лондонским Библейским Обществом.

"Полная аналитическая грамматика" и "Полный иллюстрированный словарь" позволяют представить объем коммуникативно реализованной системы эсперанто по сравнению с "Фундаменто": "Полная грамматика" включает 436 параграфов (против 16 правил фундаментальной "Грамматики"), "Полный словарь" - 15.250 словарных статей (против примерно 1630 единиц фундаментального "Всеобщего словаря").

8. Актуальные задачи теоретического описания эсперанто

Полнота нормативного описания эсперанто, достигнутая к настоящему времени, позволяет вновь вернуться к задаче, сформулированной еще в 1909-1910 гг. П.Е. Стояном и В.К. Петрашевичем, - задаче построения теоретической грамматики (и лексикологии) эсперанто. Назовем некоторые цели, которые, на наш взгляд, должны быть поставлены перед теоретической грамматикой эсперанто.

1) Необходимо четко определить состав фундаментальной грамматики эсперанто, исследовав для этой цели "Екзерсато" и содержащиеся в нем эксплицитные и имплицитные грамматические правила. Соединив эти правила с 16 правилами грамматического раздела "Фундаменто", мы получим сводную фундаментальную грамматику, дающую представление о действительном объеме грамматической теории, заложенной в "Фундаменто".

2) Необходимо установить, в каких пределах варьируется фундаментальная грамматика, представленная, как говорилось выше, в виде различных национальных и диалектных версий.

3) Следует сравнить потенциальную систему "Фундаменто" с коммуникативно реализованным языком, чтобы вы-

яснить, какие грамматические потенции реализовались, какие не реализовались, а какие вообще не могут получить реализации. С другой стороны, нужно выяснить, какими существенными чертами, не предусмотренными в "Фундамент", обладает функционирующий язык.

4) Необходимо выяснить пределы варьирования реального языка, приняв во внимание различия между отдельными разновидностями нормы, а также между нормативным и ненормативным языком.

На этих вопросах автор надеется остановиться подробнее в последующих публикациях.

Л и т е р а т у р а

1. Дуличенко А.Д. Интерлингвистика. - In: *Interlinguistica Tartuensis 1. Актуальные проблемы современной интерлингвистики*. (Ученые записки ТартуГУ. Вып. 613). Тарту, 1982.
2. [Заменгоф Л.Л.] Д-р Эсперанто. Международный язык. Предисловие и полный учебник. *Por Rusoj*. - Варшава, 1887.
3. [Заменгоф Л.Л.] Д-р Эсперанто. Полный словарь эсперантского (международного) языка. Часть русско-эсперантская. *Plena vortaro Rusa-Internacia*. - Варшава, 1889.
4. Заменгоф Л.Л. Основы международного языка эсперанто. Изд. 2-е. - М., 1911.
5. Кузнецов С.Н. О предмете и подразделениях интерлингвистики. - In: *Interlinguistica Tartuensis 1. Актуальные проблемы современной интерлингвистики*. (Ученые записки ТартуГУ. Вып. 613). Тарту, 1982.
6. Кузнецов С.Н. Основы интерлингвистики. - М.: Ун-т Дружбы народов им. П. Лумумбы, 1982.
7. Кузнецов С.Н. Основные понятия и термины интерлингвистики. - М.: Ун-т Дружбы народов им. П. Лумумбы, 1982.
8. Русские писатели о языке. Изд. 2. - Л., 1955.
9. Русско-эсперантский словарь. Под ред. Е.А. Бокарева. - М.: Сов. энциклопедия, 1966.
10. Эсперанто-русский словарь. Сост. Е.А. Бокарев. Изд. 2. - М.: Сов. энциклопедия, 1982.
11. *Aktoj de la Akademio*. II. 1968-1974. - Rotterdam-Paris, [1975].
12. Cart Th. *Korekto de la eraraj tradukoj en Universala Vortaro (kun aprobo de la Lingva Komitato)*. - "Kolekto de la Akademio". Paris-London-Berlin, 1922-1923.
13. Couturat L. *Étude sur la dérivation en Esperanto*. - Coulommiers, 1907. Изд. 2 под назв.: *Étude sur la dérivation dans la langue internationale*. - Paris, 1910.

14. Couturat L., Leau L. Compte rendu des travaux du Comité [de la Délégation pour l'adoption d'une Langue auxiliaire internationale]. (19-24 octobre 1907). - Coulommiers, 1910.
15. Dulitsenko A. Interlingvistika minevikust ja tänapäevast. - In: Keel ja kirjandus, Tallinn, 1982, N 6.
16. "Esperantista Akademio" [Cirkulero de la prezidanto; 1920 ?].
17. Kalocsay K., Waringhien G. Plena analiza gramatiko de Esperanto. 4-a, tralaborita, eld. - Rotterdam, 1980.
18. "Oficiala Gazeto", 25.4.1910, pp. 315, 321, 325, 326.
19. Plena ilustrita vortaro de Esperanto. - Paris: eld. SAT, 1970.
20. [Saussure R. de]. Antido. La construction logique des mots en Espéranto. - Genève, 1910.
21. Stojan P. Bibliografio de Internacia Lingvo. - Genève, 1929.
22. Stojan P. Excerpts from remarks..., written by P. Stojan in Esperanto during the Meeting of Linguistic Research at Geneva. - In: [International Auxiliary Language Association]. Meeting of Linguistic Research. Procès-verbaux. Genève, 1930.
23. [Zamenhof L.L.]. D-ro Esperanto. Dua libro de l'lingvo internacia. - Varsovio, 1888.
24. [Zamenhof L.L.]. D-ro Esperanto. Aldono al la Dua libro de l'lingvo internacia. - Varsovio, 1888.
25. Zamenhof L. Universala vortaro de la lingvo internacia "Esperanto". - Varsovio, 1894.
26. Zamenhof L. Ekzercaro de la lingvo internacia "Esperanto". - Varsovio, 1894.
27. Zamenhof L.L. Lingvaj respondoj. 6-a eld. - Marmande, 1962.
28. Zamenhof L.L. Fundamento de Esperanto. 9-a eld., kun Enkondukoj, Notoj kaj Lingvaj Rimarkoj de D-ro A. Albault. - Marmande, 1963.

LA PRINCIPOJ DE LA TEORIA PRISKRIBO DE PLANLINGVO

Sergej N. Kuznetsov

Oni povas distingi inter du tipoj de planlingvoj: potencialaj (kiuj neniam estis praktikataj en homa komunikado kaj restis projektoj) kaj realaj (realigintaj en komunikado). La lastaj estas plue dividataj en stabilajn/nestabilajn, plenfunkciajn/malplenfunkciajn k.t.p. Esperanto, kvalifikita kiel reala stabila plenfunkcia lingvo, estas modelo, per kiu oni povas demonstri la teorion de planlingvoj ĝenerale.

Esperanto kiel praktikata lingvo naskiĝis surbaze de la primara teorio, skizita en la "Unua Libro" (1887) kaj poste transformiĝinta en la teorion de la "Fundamento" (1905). La primara teorio estas sistemo de postuloj, kiuj nur parte koincidas kun la funkcia lingvo. Tiu lasta havas latentajn ecojn, ne preskribitajn de la "Fundamento". Se oni analizas la funkciantan lingvon, oni povas formi ties sekundaran teorion. La kreintoj de la sekundara teorio de Esperanto estis E. Boirac kaj R. de Saussure, kiuj malkovris en la strukturo de la funkcia lingvo latentajn kvalitojn (kiel ekzemple la gramatikan karakteron de la esperantaj radikoj).

La teoria priskribo de Esperanto devas, per komparo de la primara kaj la sekundara teorioj, montri, kiuj postuloj de la "Fundamento" realiĝis, kiuj ne realiĝis, kaj kiuj entute ne estas realigeblaj en la funkcia lingvo. Krome, oni povas analizi la variadon de la primara teorio (la "Fundamento" enhavas naciajn variantojn kaj diverstempajn partojn, kiuj ne ĉiam kongruas inter si) kaj la variadon de la objektiva normo de Esperanto (reflektatan en la sekundara teorio).

О ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВАХ ЭСПЕРАНТО

М.М. Копыленко

В эсперантологии гораздо чаще, чем в других отраслях современного языкознания, проявляется аксиологический аспект: многочисленные авторы, характеризуя эсперанто в целом или отдельные звенья его системы, неизменно производят оценку (преимущественно позитивную). Оценке подвергается не только коммуникативная, но и эстетическая функция наиболее распространенного из международных искусственных языков. См., например, недавнее суждение главы эсперантского движения в СССР профессора М.И. Исаева: "Богатство фразеологии с динамичной лексико-семантической системой, включающей также и терминологию, обеспечивает возможность использования эсперанто во всех сферах современной человеческой деятельности - науке и художественной литературе, на конференциях и на театральной сцене, в быту и в поэзии" [16, 30; см. также: 4, 139-140, 144-160; 9, 40-41; 40, 292-293; 42, 303-304]. Мы полностью разделяем это мнение. Однако оно неизбежно порождает вопрос о природе выразительных средств, используемых писателями-эсперантистами и переводчиками шедевров мировой литературы на эсперанто, к которому в первую очередь относится мысль о том, что "творческий аспект языка является не второстепенным, вторичным или побочным, а затрагивает основные характеристики лингвистической онтологии и гносеологии" [9, 301].

Современное учение о языке художественной литературы восприняло идею Г.О. Винокура о том, что "поэтическое произведение... содержит в себе не просто язык, но прежде всего - мысли и чувства, выраженные в языке", и что "язык в поэтическом произведении с а м представляет собой известное произведение искусства". Из этой идеи возникает убеждение, что образом литературного произведения является созданный средствами языка субъект повествования, персонаж, иногда выступающий в роли рассказчика, что этой цели служат не только речь героев рассказов, поэм, повестей, романов и под., но и авторская речь. Такая позиция необходима, чтобы не изменить, как это часто бывает, понятие "образ", не отождествлять его с тропом, с олицетворенным изображением предмета и под. [34, 21].

Вместе с тем в лингвистической стилистике распространено понятие экспрессемы как "кванта выразительности" [8, 61; 10, 135]. Экспрессия, с нашей точки зрения, является родовым обозначением для эмоции и оценки, хотя следует признать, что провести четкую грань между двумя

видами экспрессии трудно^х. В.И. Болотов выдвинул и в значительной мере обосновал гипотезу, согласно которой "нарушение нормальных отношений между компонентами текста может быть в определенных условиях источником эмоциональности текста" [6, 4]. Мы склонны трактовать нарушение "нормальных отношений" расширительно, в духе "обманутого ожидания" [2, 69-73] или "эффекта неожиданности" [11, 24]; в понятие эмоциональности, возникающей, согласно П.В. Симонову, при рассогласовании между той информацией, которая необходима для удовлетворения данной потребности, и той, которой субъект обладает" [36, 63-64], мы включаем также "микроэмоцию", т.е. вызываемую указанной закономерностью мгновенную реакцию на какой-либо языковой феномен [22]. Компонентами текста при этом, естественно, следует считать наряду с коммуникативными единицами - сложными синтаксическими целыми и предложениями - также и их составляющие - не коммуникативные, но значимые единицы - слова и морфемы.

Каждый язык располагает своеобразными выразительными средствами, соответствующими своеобразию его строя. Эти средства выявляются в теоретических трудах [20; 13; 1; 2 и мн. др.], в многочисленных пособиях по стилистике [26; 31 и мн. др.]. В упомянутых трудах обычно не говорят о том, какие выразительные средства тому или иному языку неприсущи, но именно с этого представляется необходимым начать характеристику стилистических особенностей эсперанто - дабы сразу же оттенить ограниченные возможности искусственного языка, которому в ряде случаев совершенно недоступны приемы, свободно используемые естественными языками.

Прежде всего отметим ограничения грамматического характера, связанные с категориями одушевленности/неодушевленности, падежа, лица, безличности, с синтаксическими средствами^{хх}.

Далее следует ряд ограничений лексико-семантического характера. Поскольку в эсперанто практически нет омонимии, то не представляется возможным использовать в качестве экспрессем омонимы. Ср. пример, заимствованный у Н.В. Журавель [15, 12]: [Александра Владимировна:] ... Неужели, Ваня, ты не можешь найти Ильюше красивую, молодую инженершу? [Директор:] Сегодня как раз прибыла. Кстати и зовут Любовью. [Карпенко:] Любовью... Да... С любовью подождать придется. (С. Алешин).

См. также отсутствие омонимии другого типа, вызванной одновременной и разнородной в ономастиологичес-

^х Ср. другую точку зрения, согласно которой в сопровождающую понятие коннотацию входят как равноправные эмоциональный, оценочный, экспрессивный и стилистический компоненты значения [38, 33].

^{хх} О том, как используются эти грамматические явления в качестве выразительных средств русским языком и шире - славянскими языками - см. в ряде трудов [19, 139-149; 14, 45-76, 30, 76-85; 41, 858-859 и мн. др.].

ком плане семантической производностью: Застава поднялась в ружье. Тревожная группа (=группа, поднятая по тревоге, а не обьятая тревогой. - М.К.)... немедленно выдвинулась к границе с розыскной собакой (Известия, 26.05.78).

Невозможны также окказионализмы, которые нельзя признать потенциальными словами:

Замечательно
В мороз погремучий

Задавать себе
Вопрос почемуций (Юнна Мориц),

особенно просторечные:

- Где я?
- Шытай, на этом свете!
-
- Шшытай, на курорте крымуешь! (В. Астафьев).

Последний пример дополнительно иллюстрирует фонетическое просторечие, отсутствующее в эсперанто, так же, как отсутствуют лексическое просторечие, архаичная диалектная лексика и фразеология (Ср.: [22, 216-229; 35, 45-59]).

Из изложенного явствует, что на эсперанто затруднительно создание "языкового паспорта" говорящего, т.е. чисто языковой его характеристики без привлечения деталей внеязыкового свойства [32, 215; 38, 120-122]. Эсперанто не располагает средствами сколько-нибудь полного "заполнения граф языкового паспорта" - "незаполненными" останутся по крайней мере шесть граф из указанных И.А. Стерниным девяти: пол, географическое происхождение, возраст, уровень культуры, профессиональная и социальная принадлежность говорящего.

Нельзя не отметить также ряд "нэгэмоциональных" факторов, порождаемых лексическими и грамматическими особенностями эсперанто:

1) Употребление слова, выражающего исключительно денотативный аспект значения без необходимой эмоциональной коннотации, выражаемой соответствующим словом естественного языка, например, sekve 'следовательно' в качестве эквивалента русского стало быть в переводе "Героя нашего времени" М.Ю. Лермонтова (См.: [16, 67-68]):

- Мы давно не виделись, - сказал я.
- Давно, и переменились оба во многом!
- Стало быть, уж ты меня не любишь!..
- Я замужем!.. - сказала она.

- Ni delonge ne intervidiĝis, - diris mi.
- Delonge, kaj ambaŭ ŝanĝiĝis en multo.
- Sekve, vi ne plu amas min...
- Mi estas edziniĝinta! - ŝi diris.

2) Нежелательные терминологические ассоциации, возникающие при восприятии обиходного слова, которое в эсперанто состоит из тех же интернациональных компонентов, что и тождественный ему в концептуальном отношении термин:

Se vi deziras kompreni, kiamaniere ĝi okazis, mi petas vin aŭskulti. Mi rakontos ĉion. De la komenco ĝis la fino "Если вы хотите понять, как это случилось, прошу вас слушать. Я расскажу все. От начала до конца" (В. Esp., 1980, 10, p. 13). Глагол aŭskulti принадлежит к начальному словнику эсперанто. Л. Заменгоф по странной оплошности (или намеренно?) пренебрег его совпадением с медицинским термином, который ему как врачу был без сомнения известен.

3) Тавтология, образуемая однокоренными антонимами:

Satiginte sian malsaton "Утолив свой голод" (В. Esp., 1978, 5, p. 7); sekigi siajn malsekajn vestojn "высушить свою мокрую одежду" (samloke).

Мы имели возможность убедиться в том, что факторы, затрудняющие образование экспресsem на эсперанто, объясняются его искусственным характером в целом и косвенно связанными с этим обстоятельством лексико-грамматическими особенностями. Но есть в эсперанто и иные свойства, не приглушающие, а, наоборот, усиливающие его эстетическую функцию. К ним относится синонимия, словообразование, сочетаемость лексем, порядок слов, не говоря уже о богатейших фонетических ресурсах (звукопись, аллитерация и под.). Не все они могут быть хотя бы бегло описаны в пределах небольшой статьи. Наша цель — привлечь внимание к некоторым наиболее ярким выразительным средствам эсперанто и высказать ряд общих соображений об их отличиях от выразительных средств других языков.

Но кроме различий, есть и общее — обусловленное знаковой природой слова. "Означающее (звучание) и означаемое (функция) постоянно скользят по "наклонной реальности". Оба они нарушают разделяющую их границу: означающее стремится приобрести другие функции, помимо своей собственной, означаемое пытается завладеть и другими средствами выражения, отличными от его означающего... Только благодаря асимметричному дуализму структуры своих знаков языковая система способна развиваться" (С. Карцевский. Об асимметрическом дуализме лингвистического знака. См.: [7, 68-69; см. также: 29, 37; 6, 8-9, 79]). "Способность развиваться" следует понимать в облигаторном смысле: функционирование эсперанто неизбежно сопровождается его эволюцией [12, 92-113].

Неустойчивое равновесие означающего и означаемого в принципе должно вести к возникновению омонимии и синонимии; кодификационная деятельность [17, 39-40] успешно пресекает развитие первой^х, но не может полностью пресечь развитие второй [9, 50; 9, 110-111]. Синонимы

^х Разумеется, если не считать, что "появление нового значения — это появление нового слова" [28, 15]. То, что обычно называют полисемией, не чуждо эсперанто и используется в целях выразительности так же, как в естественных языках.

всегда используются в целях экспрессии, и эсперанто не является исключением. Отметим сравнительно редкий случай, когда в роли синонима лексемы, принадлежащей к "официальному словнику эсперанто", [5, 26], используется окказиональное заимствование. В рассказе Стефана Соколова Nekopata ribelinto (Неизвестный повстанец) для обозначения повстанца используется, кроме регулярных синонимов ribelanto ('восстающий'), ribelinto ('восставший') и ribelulo ('бунтовщик', 'мятежник'), также и komito (болг. комита - историзм итальянского происхождения, которым в период борьбы болгарского народа за освобождение от турецкого ига обозначались бойцы, активные участники движения). Этот синоним употребляет в своей речи единственный из персонажей рассказа - турецкий стражник Мустафа-бей: Не, папо gjaug... *Su vi vidis ie sin kaŝantan komiton?* "Эй, карлик-гяур!... Не видел ли ты где-либо прячущегося комита?" Наряду с презрительным папо в иной ситуации употребляется нейтральный синоним malgrandulo 'человек небольшого роста' (В. Esp., 1978, 5, p. 7-10).

В словарь эсперанто входит немало слов, которые сами по себе являются "квантами выразительности" (например, экспрессивные глаголы *klaŝi* - сплетничать, *kvi-viti* - чиркать, щебетать, *luli* - укачивать, убаюкивать и мн. др.), есть также два специально-экспрессивных (лейоративных) аффикса *fi-* и *-aĉ-*. Однако к числу наиболее эффективных выразительных средств эсперанто относятся не экспрессивные слова и даже не экспрессивные аффиксы, а словообразование в целом, так как оно устраняет супплетивизм естественных языков, усиливает, обнажает мотивированность номинативных единиц. К.А. Долинин связывает мотивированность с экспрессивностью: "... существует множество выражений, в которых большинство носителей языка ощущает определенную связь между означаемым... психологическая мотивированность знака придает ему особое свойство - экспрессивность - ... такое свойство языкового знака, в силу которого он воспринимается деавтоматизированно, непосредственно воздействует на воображение адресата и (или) на его эмоциональную сферу" [13, 119-120]. В эсперанто "деавтоматизированно" воспринимается и "непосредственно воздействует на воображение" множество слов обиходного употребления: *moveti* - шевелить (*movi* - двигать), *trafeti* - зацепить (*trafi* - попасть), *ŝtonego* - утес (*ŝtono* - камень), *rafilego* - пушка (*rafilo* - ружье). См. ряд образований с орудийным суффиксом *-il-*: *hakilo* - топор (*haki* - рубить), *kudrilo* - игла (*kudri* - шить), *pikilo* - жало (*piki* - колоть), *sonorilo* - колокол (*sonori* - звенеть), *viŝilo* - полотенце (*viŝi* - вытирать), *tondilo* - ножницы (*tondi* - стричь), *balailo* - метла (*balai* - мести). Экспрессема создается не только за счет мотиваций как таковой, но и вследствие "приращения смысла", которое характеризует словообразование эсперанто не в меньшей мере, чем словообразование любого естественного языка.

Дополнительные экспрессивные семы (оценочные и эмоциональные) особенно свойственны префиксальным словам. По данным эсперанто-русского словаря [5] экспрессивную сему приобретает 22 слова из 55 с префиксом *antaŭ*-(*antaŭgustumi* - предвкушать удовольствие, *antaŭjuĝo* - предрассудок, предвзятость и др.), 8 слов из 14 с префиксом *kontraŭ*-(*kontraŭnatura* - противоестественный, *kontraŭvola* - принудительный, подневольный и др.), 129 слов из 241 с префиксом *mal*-(*malbeni* - проклинать, *malglori* - опозорить, *malinklina* - чуждый, враждебный и др.), 9 слов из 63 с префиксом *sub*-(*subaĉeti* - подкупить, дать взятку, *subrigardi* - подсматривать, *subaŭskulti* - подслушивать и др.).

Эффекту неожиданности в значительной мере способствует агглютинативный строй, позволяющий одним словом (универбом) выразить то, что в других языках выражается описательно (перифразом) [23]: *esperantistinedzo* - супруг эсперантистки, *esperantistedzino* - супруга эсперантиста. Принадлежность аффиксов к словарю и возникающая ввиду этого свобода грамматических и деривационных операций над ними также порождает ряд любопытных универбов: *boa* - родственный по браку, *geo* - пара существ обоего пола, *ilago* - совокупность орудий. Эмоционально направленной универбации служат и композиты, возможности образования которых практически неограничены: *vangoŝfrapi* - дать пощечину, *blank - barbulo* - седобородый человек (В. Esp., 1978, 5, p. 9), *dolĉvoĉa kantisto* - сладкоголосый певец (В. Esp., 1978, 7, p. 15). См. также вполне уместный универб *salitrunketo* ('маленький ствол изы') в переводе Х. Дрезен из С. Есенина [16, 69]:

Так и хочется руки сомкнуть *La salikotrunketojn en val'*
Над древесными бедрами ив. *Ĉirkaŭpreni mi volus kun am'*

Приведенные выше аффиксальные и сложные слова - реальные образования, которые приобрели форму единиц языка [21, 157]; именно благодаря этому они являются экспрессемами.

Около семидесяти лет тому назад, в период становления эсперантологии как научной дисциплины, было отмечено противоборство двух тенденций - кодификаций, которая в эсперанто сводится к соблюдению межнационального стандарта, к неприятию выделяющегося в потоке речи как непривычное, понятное лишь небольшой части эсперантистов, - и стремления к свободе индивидуального творчества (разумеется, и художественного). Н. Кабанов писал: "...главный и даже единственный признак хорошего эсперантского стиля есть легкая понимаемость для эсперантистов всякой национальности", и вместе с тем "...каждый эсперантист должен по возможности сам составлять всякого рода эсперантские выражения и тем принимать положительное участие в развитии и обогащении литературного эсперантского языка; эта-то необходимость установившихся выражений и полная возможность бесконечного развития эсперантского языка составляют одно из главных его преимуществ над любым из живых языков"

[18, 4; см. также содержательный обзор этой проблемы: 39]. Здесь нельзя не вспомнить великого поэта, мысль которого никогда не устареет: "Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности" [33, 53].

Соразмерность и сообразность формируют "хороший слог" (см. новейшую интерпретацию этого понятия: [17, 39]) главным образом в сфере фразеологии и шире - в сочетаемости лексем. Об этом обычно не пишут в теоретических трудах и пособиях, последняя книга М.И. Исаева составляет в данном случае исключение. Главное внимание М.И. Исаев уделяет пословицам и поговоркам. Он справедливо отмечает, "что пословично-поговорочный фонд эсперанто не уступает ни одному из развитых национальных языков. В этом нет ничего удивительного, так как эсперанто, не страдая обычной для языков "тканевой несовместимостью", легко впитывает из национальных языков их выразительные богатства..." [16, 29]. О роли пословиц и поговорок для овладения эсперанто свидетельствует эпизод из фантастического рассказа Шипмана Бочева "Reveno el la transa mondo" ("Возвращение с того света"). Герой рассказа вернулся с того света, где, как оказалось, говорят на эсперанто. Когда он заявил, что является эсперантистом, его подвергли экзамену:

- Nu, diru esperantlingve ion, kion vi scias!

- Ну-ка, скажи на эсперанто, что знаешь!

Герой тотчас же стал произносить одну пословицу за другой:

- Pli bone pano sen butero ol kuko sen libero
"Лучше хлеб без масла, чем пирог в неволе", Paroli estas bone, sed silenti estas pli bone "Говорить - хорошо, но молчать лучше", Kiu ridas, longe vivas "Кто смеется, живет долго". Esperanto estas... "Эсперанто есть..." Члены приемной комиссии, удовлетворенные паремнологическими познаниями героя, прервали его (В.Есп., 1980, 5, р. 14).

Использование иноязычных паремий (к которым относятся, кроме пословиц и поговорок, также афоризмы, речения анекдотического характера и под.) характерно не только для эсперанто, но и для многих естественных языков. Что же касается собственно фразеологического материала, т.е. непредикативных сочетаний лексем различной степени идиоматичности и устойчивости [24; 25], то наблюдающиеся в ряде генетически различных естественных языков сближения или тождества в данном случае не только (и даже не столько) результат культурно-исторических контактов, сколько "следствие общности логических и образно-ассоциативных процессов мышления разных народов" [37, 113; см. также: 24, 34-36; 25, 115-126]. В искусственном же и притом молодом языке огромное число фразеосочетаний, как легко понять, в той или иной мере повторяет уже существующие, сложившиеся на протяжении веков образцы. Однако из этого не следует, что в эсперанто много сильно-идиоматичных сочетаний лексем, распространенных в большом числе языков Евро-

Европы и Азии, таких как *kiel du akvogutoj* "как две капли воды" [37, 112] или *preni la bovan per la kornoj* "братъ быка за рога", налицествующего в немецком, английском, французском, итальянском, болгарском, латышском и мн. др. языках. См., однако, следующие сопоставления: подливать масла в огонь - идентичные фразеосочетания, кроме немецкого и французского [37, 107], также в болгарском - наливам масло в огъня, в эсперанто же значительно видоизмененное *aldoni bruloleon en la fajron* "добавлять горячее масло в огонь"; кожа да кости, налицествующее в большом числе языков, в эсперанто - *skeleto en haŭto* "скелет в коже"; весьма распространенные правая рука, как кошка с собакой [37, 108-111] отсутствуют в эсперанто. В иных случаях эсперанто повторяет фразеосочетания сравнительно небольших по числу носителей языков, например, болгарского: ни рыба ни мясо, нем. *nicht Fisch, nicht Fleisch*, фр. *ni chair ni poisson*, но болг. ни рак, ни риба, эсп. - так же - *nek kankro, nek fiŝo*; что в лоб, что по лбу, нем. *es ist Jacke wie Nase*, фр. *c'est bonnet blanc et blanc bonnet*, болг. не по врат, а по шия (не по затылку, а по шее), эсп. - весьма близко - *ne kolo sed nuko* (не шея, а затылок); ищи ветра в поле, англ. *go on wild-geese chase*, фр. *autant emport le vent*, болг. гоня вятра, эсп. - так же - *Ĉasi la venton* (преследовать ветер). Следует отметить, что болгарско-эсперантские параллели определены по болгарскому источнику [3]. В других национально-эсперантских словарях картина может быть иной. Однако существо дела при этом не изменится: читая произведение художественной литературы или слушая экспрессивно окрашенную речь, эсперантист неизбежно встретится с новыми для него идиомами, каждая из которых воздействует на его эстетическое чувство как "микроремонция". Это "чужое слово", о роли которого в поэтическом тексте пространно и красочно писал Ю.М. Лотман [27, 106-113]. С "чужим словом" легко встретиться и в сочетаниях с лексемами, несущими коннотативные мотивированные семы [24, 44-45], иначе говоря - с метафоризированными определениями. См. сочетания, извлеченные из журналов, изданных в Болгарии (В. Esp.), Венгрии (Н.в.), Югославии (Н.к.К.), Великобритании (К.п), в которых метафоризация прилагательных имеет локальные особенности: *akra kolero* "острый гнев", *densaj vicoj* "густые ряды", *freŝa tombo* "свежая могила" - сочетание, свойственные русскому, немецкому, литовскому, но отсутствующее во французском и английском - *gaja ondo* "веселая волна", *hela memoro* "светлая память" - налицествует в русском и болгарском, но неприсуще немецкому, английскому, французскому.

Гибкость языка, относительно свободно включающего в своей состав подобные "локализмы", позволяет его но-

^х В скобках - первое соответствие в словаре Е.А. Бокарева.

сителю без труда воспроизводить факты и ситуации любого рода.^х

Среди выразительных средств эсперанто немало тождественных экспрессемам естественных языков, но есть также и такие, которые обусловлены искусственной природой этого средства общения. Наибольший же эмоциональный эффект производит, как нам представляется, "чужое слово" — локализмы, отсутствующие в родных языках эсперантистов. Таким образом, сам интернациональный характер эсперанто является источником его эмоционального воздействия.

Принятые сокращения

- B.Esp. - "Bulgara esperantisto", Sofio.
H.v. - "Hungara vivo", Budapest.
H.k.K. - "Homo kaj kosmo", Zagreb.
K.n. - "Kial ne?", Londono (?).

Л и т е р а т у р а

1. Азнаурова Э.С. Очерки по стилистике слова. - Ташкент: Фан, 1973.
2. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. - Л.: Просвещение, 1981.
3. Атанасов А.Д., Сарафов И., Симеонов А., Симеонов Д. Българско-эсперантски речник. - София, 1961.
4. Бодуэн де Куртенэ И.А. К критике международных искусственных языков; Вспомогательный международный язык. - В кн.: Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию, т. II. М.: АН СССР 1963.

^х Ср. о характерных затруднениях, испытываемых использующими в качестве средства общения диалект: "Он... представить себе не может, что значит для нас, говорящих и пишущих только на диалекте (триестском в начале первой мировой войны. - М.К.) писать по-итальянски. Мы лжем каждым нашим тосканским словом (т.е. говоря на литературном итальянском. - М.К.). Если бы он знал, что мы всегда предпочитаем говорить то, для чего у нас уже заготовлены фразы, и избегаем всего, что вынуждает нас обратиться к словарю! Именно по этому принципу мы и выбираем из нашей жизни достойные эпизоды. Наша жизнь, вне всякого сомнения, выглядела бы совсем иначе, если бы мы рассказали ее на диалекте (Итало Звево. Самопознание Дзено. Л., 1972, с. 407).

5. Бокарев Е.А. Эсперанто-русский словарь. - М.: Сов. энциклопедия, 1974.
6. Болотов В.И. Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности. - Ташкент: Фан, 1981.
7. Вахек Й. Лингвистический словарь пражской школы. - М.: Прогресс, 1964.
8. Григорьев В.П. Введение. - В кн.: Поэт и слово. Опыт словаря. М.: Наука, 1973.
9. Григорьев В.П. Искусственные вспомогательные междunarодные языки как лингвистическая проблема. - В кн.: Проблемы интерлингвистики. Типология и эволюция междunarодных искусственных языков. М.: Наука, 1976.
10. Григорьев В.П. Поэтика слова. - М.: Наука, 1979.
11. Григорьева А.Д. От редактора. - В кн.: Языковые процессы современной русской художественной литературы. Поэзия. М.: Наука, 1977.
12. Дановский Н.Ф. Эволюция эсперанто. - В кн.: Проблемы интерлингвистики. Типология и эволюция междunarодных искусственных языков. М.: Наука, 1976.
13. Долинин К.А. Стилистика французского языка. - Л.: Просвещение, 1969.
14. Еремина Л.И. Слово и контекст. (Стилистическое использование грамматической категории безличности в системе художественного текста). - В кн.: Стилистика художественной литературы. М.: Наука, 1982.
15. Журавель Н.В. Средства речевой экспрессии в русской советской драматургии (в сопоставлении с украинской). Автореф. дис..... канд. филол. наук. Киев, 1982.
16. Исаев М.И. Язык эсперанто. - М.: Наука, 1981.
17. Ицкович В.А. Языковая норма и проблемы кодификации современного русского литературного языка. Автореф.... докт. филол. наук. - М., 1982.
18. Кабанов Н. Полная грамматика эсперантского языка. - М., 1914.
19. Ковалев В.П. Языковые выразительные средства русской художественной прозы. - Киев: Вища школа, 1981.
20. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. - М.: Просвещение, 1977.
21. Копыленко М.М. К сопоставительному изучению сложных слов в восточнославянских языках. - Ученые записки филологического факультета Киргизского гос. ун-та. Вып. 10. Фрунзе, 1963.
22. Копыленко М.М. Устарелые фразеосочетания в романе "Анна Каренина". - В кн.: Лев Толстой. Проблемы языка и стиля. Доклады и сообщения IX и XI Толстовских чтений. Тула, 1971.
23. Копыленко М.М. К построению семантической типологии (универбы и перифразы). - В кн.: Проблемы лексикологии. Минск, 1973.
24. Копыленко М.М., Попова Э.Д. Очерки по общей фразеоло-

- гии. Учебное пособие по спецкурсу для филологов. - Воронеж: ВГУ, 1972.
25. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. Проблемы, методы, опыты. - Воронеж ВГУ, 1978.
 26. Кузнец М.Д., Скребнев Ю.М. Стилистика английского языка. - М.: Учпедгиз, 1960.
 27. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. - Л.: Просвещение, 1972.
 28. Марков В.М. О семантическом способе словообразования в русском языке. - Ижевск, 1981.
 29. Медникова Э.М. Значение слова и методы его описания. - М.: Высшая школа, 1974.
 30. Одинцов В.В. Грамматические формы в художественной прозе. - В кн.: Стилистика художественной литературы. М.: Наука, 1982.
 31. Пелевина Н.Ф. Стилистический анализ художественного текста. - Л.: Просвещение, 1980.
 32. Поливанов Е.Д. О фонетических признаках социально-групповых диалектов и, в частности, русского стандартного языка. - В кн.: Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
 33. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. - М.-Л.: АН СССР, т. 7, 1949.
 34. Рудяков Н.А. Стилистический анализ художественного произведения. - Киев: Вища школа, 1977.
 35. Семенкин К.Г. Речевые характеристики персонажей в "Севастопольских рассказах" Льва Толстого. - В кн.: Язык и стиль произведений Л.Н. Толстого. Тула, 1979.
 36. Симонов П.В. Теория отражения и психофизиология эмоций. - М., 1970.
 37. Солодуб Ю.П. К вопросу о совпадении фразеологических оборотов в различных языках. - Вопросы языкознания, 1982, № 2.
 38. Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. - Воронеж: ВГУ, 1979.
 39. Dulichenko A.D. Interlinguistics in the USSR. - In: Eco-logos, vol. XII, Denver, 1971, N 61.
 40. Häusler F. Baudoin de Courtenays Stellung zum Problem der Welthilfssprachen. - In: Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung, Band 34, Berlin, 1981, Heft 3.
 41. Jakobson R. Языковедческие наблюдения над общими особенностями славянской поэзии. - In: VII Międzynarodowy kongres slawistów. Streszczenia referatów i komunikatów. Warszawa, 1973.
 42. Kühnel H. Die romanischen Wortschatzelemente des Esperanto. - In: Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung, Band 34, Berlin, 1981, Heft 3.

PRI EMFAZAJ RIMEDOJ DE ESPERANTO

M.M. Kopylenko

La artikolo informas pri la emfazaj (karakterizantaj kaj emociaj) iloj de esperanto. Ĉi tiuj iloj havas parte trajtojn, proprajn kaj al naturaj lingvoj, parte ja klarigeblajn nur per artefarita kaj internacia eco de esperantlingvo.

SEMANTIKAJ SENCOJ DE REFLEKSIVAJ VERBOJ EN LA LINGVOJ LITOVA, FRANCA KAJ ESPERANTO

L.J. Skūpas, L.J. Stražnickas

En la menciitaj lingvoj la uzado de refleksivaj verboj havas sufiĉe multe da komunaj kaj ankaŭ da principi diferencaj trajtoj. La formado de tiuj verboj en ili ne tute similas. La Litovaj refleksivaj verboj ĉiam estas faritaj pere de la refleksiveca parteto si, aldonata al la verbo kiel ties finaĵo - prausiasī, gulasī - aŭ metita antaŭ vortradiko - prisišoko, prisivalgē. En la franca lingvo ni havas ekvivalenton pere de pronomo se, metita antaŭ la verbo - se lave, se couche. En Esperanto pronomo sin povas esti aŭ antaŭ la verbo - sin lavas -, aŭ egalraĵe post ĝi - lavas sin. Krome, es-
perantlingve ni povas esprimi la saman sencecon per la verba sufikso -iĝ-, aldonita al la verbo -laviĝi, kliniĝi-ktp., kiu tiel laŭ ekstera formo similas al la litova parteto si kaj ofte koincidas kun ĝi sence.

Kompare kun la lingvoj franca kaj Esperanto, la litova estas tre riĉa je refleksivaj verboj, havantaj multegajn sencojn. Laŭ leksika enhavo de refleksivaj verboj kaj iliaj sintaksaj rilatoj kun aliaj vortoj ni distingas en la litova lingvo dek fundamentajn semantikajn sencojn. Parolante konkrete pri tiuj sencoj ni serĉos ekvivalentojn aŭ esprimeblecojn en la franca kaj Esperanto, por pruvi, ke en ĉiuj lingvoj la tradukisto povas trovi eliron el malfacilaj situacioj. Same, ni volas montri la taŭgecon de Esperanto en la tradukado de semantikaj nuancoj. La semantikaj sencoj de litovaj refleksivaj verboj estas jenaj: 1) rekta; 2) malrekta; 3) reciproka; 4) situaciŝanĝa; 5) de interna stato; 6) de intensa ago; 7) rezulta; 8) kvalita; 9) de spontana ago (sen helpo de aganto); 10) senpersona. Ni analizu ĉiujn menciitajn sencojn laŭvice.

1. La rektan sencecon havas tiuj verboj, kiuj esprimas la revenon de ago al la aganto mem. La aganto estas samtempe la subjekto kaj objekto de la ago. Ofte tiuspecaj verboj indikas, kiamaniere la aganto mem per sia propra ago ŝanĝas sian aspekton (eksteraĵon). Ekz.: Si moteris visada gražiai rengiasī; katė šildosi saulėje. En la francan lingvon la frazojn ni tradukas tiel: Cette femme s'habille toujours bien; Le chat se chauffe au soleil. En Esperanto, volante esprimi refleksivecon, oni povas sukcese uzi ambaŭ ekzistantajn formojn. Ekz.: Tiu-ĉi virino ĉiam bele vestiĝas (vestas sin); La kato varmiĝas (varmigas sin) en suno.

Dezirante pli substreki la rektan agobjekton en la litova lingvo oni uzas ankaŭ la refleksivajn konstrukciojn, t.e. vortajn kombinojn, faritajn pere de akuza-tivo de la nerefleksiva pronomo-save. Ekz.: Kas vakara, ji vargina save nereikalingais darbais. Franclingve la saman stilistikan nuancon ni esprimas per tradicia refleksiva formo: Chaque soir elle se lasse en faisant des choses inutiles, esperantlingve: Ĉiuvespere ŝi lacigas sin per malutilaj laboroj. Komparu: vargintisi-laciĝi; varginti save - lacigi sin. El tiuj ekzemploj ni vidas, ke Esperanto laŭ sia refleksivecesprimado de rekta senco tute alproksimiĝas al la litova lingvo.

2. La refleksivaj verboj, havantaj malrektan semantikan senco, estas tiuj, kiuj indikas agon, faritan de la plenumanto al si mem, por sia utilo. Ekz.: Jonas perkasi knygas. En la franca lingvo tiuokaze oni uzas ankaŭ la refleksivan verbon (sens réfléchi): Jean s'achète des livres. Tamen en Esperanto, dezirante transdoni la saman senco, ni uzas la prepozicion por kaj la pronomon si: Johano aĉetas la librojn por si (por si mem), kaj la verbo havas neniajn trajtojn de refleksiveco, ĝi nur konstatas la agon.

3. La reciproka senco estas karaktera al verboj, kiuj montras kiel du aŭ kelkaj agantoj samtempe agas unu la alian. Tiam ĉiu el la agantoj estas objekto de la ago, farita per alia aganto. Ekz.: Jonas muŝa Petrą, - jie muŝasi, Povilas myli Marytą, - jie mylisi. Franclingve ni diras: Jean bat Pierre -ils se battent; Paul aime Marie -ils s'aiment. Preskaŭ same estas en Esperanto: Johano batas Petron -ili batiĝas; Paŭlo amas Manjon -ili amiĝas. Esperanto tiun-ĉi senco povas esprimi ankaŭ per la prefikso inter. Ekz.: Johano batas Petron -ili interbatas.

La verboj de reciproka senco ofte estas uzataj kune kun substrekaj vortkombinoj: vienas kita; tarp save; tarpusavy ktp. Ekz.: Po susirinkimo žmonės tarpusavy gincytis (lit.); La réunion finie les gens ont commencé à se disputer entre eux (fr.) Post la kunveno la homoj komencis disputi inter si (interdisputi) (E.). Tiaj vortkombinoj plifortigas la senco de reciprokeco kaj ofte estas uzataj kun ordinaraj verboj. Ekz.: Broliai muŝa vienas kita (lit.); Les frères battent l'un l'autre (fr.); La fratoj batas unu la alian (E.).

4. La situaciŝanĝaj refleksivaj verboj montras kiel la aganto per sia ago ŝanĝas situacion aŭ faras iajn mavojn. Ekz.: Ji sédasi, ji vieta (lit.); Elle s'asseoit à sa place (fr.); Ŝi sidiĝas sur lian lokon (E.). Ekzistas ankaŭ verboj, kiuj indikas la moviĝon de la aganto de unu loko al alia, ekz.: Jis artinas pri maneŝ (lit.); Il s'approche de moi (fr.); Li alproksimiĝas al mi (E.), aŭ esprimas la ŝanĝon de la tuta eksteraĵo de la subjekto, aŭ nur la ŝanĝon de apartaj ĝiaj psikaj kaj fiziologiaj aspektoj, ekz.: Jis gillai atsidusta ir nusiciāudi (lit.); Il soupire profondément et éternue (fr.); Li profunde enspiras kaj ternas (E.).

En ĉi-tiu kazo nek france, nek esperantlingve oni uzas refleksivajn verbojn, la saman sencon oni sukcese transdonas per simplaj verboj éternuer - terni; soupirer - enspiri. Plej ofte la situaciŝanĝaj refleksivaj verboj havas la sufikson -iĝ-: kliniĝi, leviĝi ktp. Sed ili ja ankaŭ povas esti anstataŭataj per sin levi, sin klini.

5. La refleksivaj verboj de interna stato esprimas emociojn, travivaĵojn de la subjekto. Ili estas tre abundaj en la litova lingvo, sed en la franca kaj en Esperanto ili estas malmultaj. Tie la senco de interna stato ofte estas transdonata per diversaj vortkombinoj kaj frazeologismoj. Ekz.: la litovajn refleksivajn verbojn jis tyčiojasi; jis juokiasi; jis didziuojasi oni tradukas franclingven tiel: il se moque de; il rit; il est fier kaj esperantlingven per li primokas (mokas iun je sia plezuro); li ridas, li fieras (pri si). Jenaj litovaj refleksivaj verboj, kiuj troviĝas, tyčiojasi, sielojasi (il se gêne, il se moque, il s'afflige - li ĝenas sin, li mokas, li ĉagreniĝas), ne havas nerefleksivajn ekvivalentojn, kiujn ni trovas en la franca lingvo (il se gêne - il gèneqn.) kaj en Esperanto (li ĝenas sin - li ĝenas iun).

6. La refleksivaj verboj de intensa ago markas cel-direktan aktivecon, postulantan ian fortouzon. Ekz.: Jis beldžiassi i, duris (lit.); il frappe à la porte (fr.) li frapas al la pordo. (E.). Tre ofte la senco de menciitaj verboj elstaras nur kun aliaj dependaj vortoj (prepozicioj, genitivo aŭ instrumentalo de deklinacieblaj vortoj), indikantaj la apogan objekton aŭ agilon. Ekz., remtis nugara i tvorą (lit.); s'adosser à la clôture (fr.); apogi sian dorson (apogiĝi dorse) al la barilo (E.); verztis laukan (lit.); se précipiter dehors (fr.); impeti eksteren (E.) ktp. Laŭ cititaj ekzemploj ni povas konstati, ke litovaj kaj francaj ĉisencaj refleksivaj verboj semantike similas, tamen en Esperanto la sama senco estas transdonata ofte per simplaj verboj.

7. La refleksivaj verboj de rezulta senco en la litova lingvo formiĝas per prefiksoj de abundo kombinite kun la refleksiva parteto si. Plej ofte estas uzata la prefikso pri-. Ĉi-verboj markas la rezultojn de la ago de la subjekto, esprimas superfluan de refleksivo, konkretigas ĝin. Ekz.: Petras prisivalgę iki sotes, jie prisišoks iki valiai (lit.). Por diri la samon france oni uzas diversajn vortkombinojn: Pierre a trop mangé, Pierre n'a plus faim, Pierre s'est rassasié; demain ils danseront beaucoup. Tiel en ĉi-tiu kazo la franca lingvo ne uzas refleksivajn verbojn. Esperanto ilin uzas nur parte: Petro ege satiĝis (satmanĝis, plensatiĝis); morgaŭ ili dancos ĝisvole.

8. La kvalitan sencon havantaj refleksivaj verboj markas agan kvalitan emon de la objekto ion fari. Ekz.: Mūsų kaimyno karvė spardosi (lit.); la vache de notre voisin donne des coups de sabots (fr.); la bovino de nia najbaro piedbatemas (E.); mūsų žašinas žnaibosi (lit); notre oie pince (fr.); nia ansero pinĉemas (E.). Ni vi-

das, ke la franca lingvo ne havas tiasencajn verbojn kaj tradukante litovajn frazojn en la francan oni devas uzi nur simplajn verbojn. En Esperanto okazas preskaŭ la sama fenomeno, kvankam kelkfoje oni eblas apliki verbojn kun la sufikso -iĝ-: piedbatiĝas. La kvalitatan senco havantaj verboj diferencas de siaj nereflaksivaj ekvivalentoj per tio, ke ili ne havas rektan objekton.

9. La reflaksivaj verboj de spontana ago eliminis elmontran kontribuon de la agosuferanto. Tiu ago nur koncernas la suferanton aŭ okazas en ties sfero. Ekz.: Mūsu mamos veidas vis labiau raukslējasi (lit.) Le visage de notre mère se ride de plus en plus (fr.); La vizaĝo de nia patrino sulkiĝas pli kaj pli (E.). Tiutipaj verboj en la litova lingvo estas ĉiam uzataj sen dependaj vortoj kaj la spontanatan senco montras la rilato inter subjekto kaj predikato. Ekz.: Pasikeitė darbo žmoniu gyvenimas (lit.); La vie des ouvriers a changé (fr.); La vivo de laboristoj ŝanĝiĝis (E.). Malofte la spontaneco estas substreka per pronomoj pats, pati au adverbo savaime. Ekz.: Daina savaime dainuojasi (lit.); La chanson se chante elle-même (fr.); La kanto mem kantiĝas (E.).

10. En la litova lingvo ekzistas ankaŭ reflaksivaj verboj kun senpersona senco. Ekz.: Siandiena man gerai dirbasi. En la franca kaj esperanta lingvoj tiun semantikan nuancon oni povas transdoni per aliaj frazkonstrukcioj. Ekz.: Aujourd'hui je travaille bien; aujourd'hui mon travail avance bien (fr.); Hodiaŭ mi bone laboras (E.) ktp.

La diriton oni povas prezenti en la sekva resuma tabelo:

Semantikaj sencoj litovaj reflaksivaj verboj	Litovaj ekzemploj	Francaj tradukekvivalentoj	Esperantaj tradukekvivalentoj
1	2	3	4
1. Rekta	ji rengiasis	elle s'habilles	Ŝi vestas sin (vestiĝas)
2. Malrekta	jis perkasi	il s'achète	li aĉetas por si
3. Reciproka	jie muŝasi	ils se battent	ili batiĝas (interbatas)
4. Situaciŝanĝa	ji sėdasi	elle s'assoit	Ŝi sidiĝas
5. Interna ago	jis juokias	il rit	li ridas
6. De intensa ago	jis beldziasi	il frappe	li frapas

	1	2	3	4
7. Rezulta	jis prisivalgē	il s'est rassasié	li satmanĝis (plensatiĝis)	
8. Kvalita	karvė spardosi	la vache donne des coups de sabots	la bovino piedbatemas (piedbatiĝas)	
9. Spontana	veidas raukšlėjasi	le visage se ride	la vizaĝo sulkiĝas	
10. Senpersona	man gerai dirbasi	mon travail se fait bien	mia laboro bone plenumiĝas (antaŭenmarŝas)	

La prezentita kompara analizo estas de supraĵa. Ĝi tamen permesas konkludi, ke la semantika riĉeco de la litova lingvo ne estas obstaklo por transdoni diversajn verbosencojn en la francan kaj en Esperanton. Ofte refleksiveco similas kaj havas la samajn ekvivalentojn en ĉiuj tri lingvoj. Esperanto laŭ ĝia semantika esprimivo estas pli proksima al la franca ol al la litova. Ĝi plene transdonas ĉiujn ideojn, esprimatajn per aliaj lingvoj, kaj estas taŭga ilo de internacia komunikado.

L i t e r a t u r o

1. La internacia lingvo - sciencaj aspektoj. Red. D. Blanke. - Berlin: Kulturligo de GDR..., 1979.
2. Gilbert W. Planlingvaj problemoj. - Kopenhago, 1977.
3. Kalocsay K., Waringhien G. Plena analiza gramatiko de Esperanto. - Rotterdam: UEA, 1980.
4. Paulauskiene A. Gramatinės lietuvių kalbos veiksmazodžio kategorijos. - Vilnius, 1979.
5. Steinberg N. Grammaire française. - Leningrad, 1962.
6. Wells J.C. Lingvistikaj aspektoj de Esperanto. - Rotterdam: UEA, 1978.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ВОЗВРАТНОГО ГЛАГОЛА В ЛИТОВСКОМ, ФРАНЦУЗСКОМ И ЭСПЕРАНТО ЯЗЫКАХ

Лауринас-Альгимантас Ю. Скупас,
Лаймюс Ю. Стражницкас

В статье приводится десять семантических функций возвратного глагола в литовском языке, показывается, каким образом эти функции передаются на французский и эсперанто, делается вывод, что возвратный глагол литовского языка семантически более богат, чем во французском или в эсперанто. Однако любой смысловой оттенок возвратного глагола в литовском языке успешно переводится на французский и эсперанто возвратным или простым глаголом или словосочетанием.

LIVA POEZIO EN ESPERANTO

P. Ariste

La malgranda liva popolo loĝas pli kompakte en kelkaj marbordaj vilaĝoj de la Kurlanda duoninsulo kaj dise en diversaj urboj de Latvia SSR. Sian gepatran lingvon nuntempe scipovas paroli nur iom pli multe ol cent homoj. La liva lingvo estas parenca al la estona kaj la finna. Ne ĉiam livoj estis tiom malmultnombraj. Kvankam ili neniam okupis tre vastan teritorion, en la komenco de la 13-a jarcento al ili tamen apartenis la okcidenta parto de la nuna Latvia SSR. Ili estis famaj maristoj kaj navigistoj, kiuj malhelpis eĉ danojn kaj svedojn, penintaj submeti al si la popolojn loĝintajn oriente de la Balta maro. En la komenco de la 13-a jarcento pli bone armitaj nordgermanoj komencis batali kontraŭ la livoj kaj aliaj popoloj de Baltiko kristanigi ilin. La germanoj sukcesis konkeri, kristanigi kaj sklavigi ilin post longdaŭra milito. Aliaj militoj, epidemioj kaj plagoj dum la sekvintaj jarcentoj detruis la livan landon kaj ekstermis la loĝantaron. La latvaj teritorioj malpli multe suferis pro detruoj de la konkerintoj. Ĉar kelkaj livaj distriktoj entute dezertiĝis, la konkerintoj transloĝigis tien latvojn. Estiĝis miksitaj distriktoj, kie la livoj iom post iom latviĝis. De tie la latvigado disvastiĝis ankaŭ aliloken. La liva lingvo tamen ne malaperis senprokraste. En la jaro 1525 oni eldonis eĉ livlingvan luteranan katekismon. Dum la sekvintaj jarcentoj ĝi estis parolata ankoraŭ en diversaj lokoj en la distrikto Vidzeme en Norda Latvio. Ĉe la rivero la liva lingvo malaperis dum la 19-a jarcento. Ĝia lasta hejmlando estis 12 vilaĝoj sur la kabo de la Kurlanda duoninsulo. Pro malmulteco de la livoj ilia lingvo ne estis instruata en lernejo nek uzata oficiale. La oficiala lingvo en la liva distrikto estis la latva kaj la plejparto de la livoj scipovis paroli ankaŭ latve. Malgraŭ tio en la pasinta jarcento tamen ekestis liva literaturo. La fondinto de la liva literaturo estis akademiano Ferdinand Johann Wiedemann. En la jaro 1861-a li eldonis livan gramatikon. En ĝia aldono troviĝas sur 200 paĝoj livaj tekstoj, konsistantaj el popolkantoj, rakontoj, proverboj, enigmoj, kelkaj tradukaĵoj el la biblio kaj tradukitaj religiaj kantoj. F.J. Wiedemann volis havigi al la livoj ankaŭ pure livajn librojn. Per helpo de du livaj instruistoj li tradukis la evangelion de S. Mateo en ambaŭ livajn dialektojn. La tradukoj aperis en la jaro 1863-a. Ĉiu livo volis havi ilin kaj la eldono baldaŭ elĉerpiĝis. Oni

devis havigi novan eldonon. Longtempe tiu ĉi evangelio estis la sola livlingva libro. La unua mondmilito estis fatala por la lastaj livoj. Iliaj hejmoj estis ruinigitaj kaj la popolo disigita. Loĝante inter fremdlingvaj popoloj multaj el pli junaj livoj ekforĝesis sian gepatran lingvon. Spite al ĉiuj malagrablaĵoj ĉe la alia hejmlando revenintaj livoj ekestis ia nacia revekiĝo. Instigon al tio donis interalie la Granda Oktobra socialisma revolucio. La livoj povis konstati, kiel eĉ tute malgrandaj popoloj ekhavis eblecon evoluigi sian kulturon kaj uzi sian lingvon en lernejoj kaj en literaturaj verkoj. La livoj volis ankoraŭ en la 11-a horo trovi rimedon kontraŭ la perdiĝo de sia "nacieco". Ili atingis la rajton instrui la livan lingvon en unuagradaj lernejoj en la livaj vilaĝoj. Per helpo de estonaj kaj finnaj sciencistoj kelkaj kleraj livoj revivigis la livlingvan literaturon. Estis fiksitaj ortografio, gramatikaj normoj kaj leksiko de la literaturlingvo. Inter la du mondmilitoj aperis proksimume 20 livlingvaj libroj: legolibroj, kalendaroj, beletraj kaj religiaj verkoj. La plej inda el la beletraĵoj estis la versaro de la poeto Karli (Korli) Stalte. Dum la jaroj 1931-39 aperis la ĉiumonata revuo "Livli" ("La livo"). Krom tio estis publikigitaj kelkaj statutoj de livaj organizaĵoj, programoj, flugfolioj kaj kantfolioj. Estis organizita eĉ liva koruso. Por korusanoj estis eldonitaj livaj notaroj. La koruso koncertis ne nur en Latvio, sed ankaŭ en Estonio kaj Finnlando. La dua mondmilito estis por la livoj denove fatala, ĝi estis katastrofa. Germanaj trupoj okupis la livan teritorion kaj intencis konstrui tie iajn fortifikaĵojn. Pro tio la tuta loĝantaro estis forpelita el siaj hejmoj. La livoj transloĝiĝis al diversaj latvaj distriktoj, kie multaj el ili pereis pro militaj operacioj. Kelkaj familioj elmigris al Svedio aŭ aliaj okcidenteŭropaj landoj. Kiam la Soveta armeo elpelis la germanojn el Kurlando, restoj de la liva popolo povis reveni en vilaĝojn. Ili estis plejparte mezaĝaj kaj maljunaj homoj. Inter ili estis nur iuj gejunuloj kaj kelkaj infanoj, kiuj ankoraŭ scipovis paroli live. En fremda ĉirkaŭaĵo ili deĉutimis uzi ĝin. Pro tio oni ne plu povis restaŭrigi la instruadon de la liva lingvo en la lernejoj, kie ĝi antaŭe estis instruata. La liva konscio tamen ne malaperis. Ĝi ekzistas ankaŭ nuntempe malgraŭ la fakto, ke nur malmultaj personoj parolas live, kiuj nomas sin livoj. Ekzistas ensembloj, kiuj kantas livajn kantojn kaj prezentas livajn popoltradiciojn. Estas aperintaj kelkaj libretoj pri nuntempa aŭ iama liva poezio. Livaj esperantistoj verkis eĉ malgrandan livan-esperantan vortaron, kiu, bedaŭrinde, estas ĝis nun nur tajpe multobligita en tute limigita eldonkvanto.

La poeto Karli Stalte (9. VIII. 1870 - 12. I. 1947) estis aktiva liva publika aganto. En la 1922-a jaro li organizis la menciitan livan koruson. Li estis unu en la fondintoj de Liva Societo (1923-1940), batalis por

instruado de la liva lingvo, estis redaktoro de la ĉiunmonata revuo "Līvli", eldonis religian versaron (1939), tradukis parton de Nova Testamento (1937) ktp. Lia plej alloga kaj grava verko estas la poemaro "Līvo lolōd" ("Livaj kantoj", 1924). Li estis bona poeto, kiu konis la vivon de livaj kamparanoj kaj fiŝkaptistoj. Li sciopovis kredinde kaj versimile transdoni en versformo la medion, kie ili agis, penis kaj revis pri pli bona estonteco. Jam antaŭ "Livaj kantoj" K. Stalte publikigis siajn poeziaĵojn. En la jaro 1922-a aperis en Tartu la dua liva legolibro "Toi līvōd lugdōbrontōz". En ĝi troviĝas kvin poeziaĵoj de K. Stalte. Kun tiuj ĉi poeziaĵoj konatiĝis la esperanta poetino Hilda Dresen.

La estona esperantistino Hilda Dresen (11. V. 1896 - 5. II. 1981) scipovis multajn lingvojn. Esperanton ŝi eklernis jam en la jaro 1913-a. Dum multaj jaroj ŝi laboris en Tallinn kiel telegrafa oficistino. Sian liberran tempon ŝi dediĉis al literaturaj studoj. Kiam en la jaro 1919-a en Tallinn estis fondita la esperanta societo "Espero", ŝi kaj ŝia fratino Helmi Dresen estis tie la plej aktivaj membroj. Hilda Dresen estis aktiva membro ankaŭ en Universala Esperanto-Asocio, kiu elektis ŝin honora membro en la jaro 1975-a. Ŝi estis meritoplena tradukistino de la estona poezio. Dum ŝia vivo ŝi sukcesis traduki kaj publikigi pli ol 400 estonajn poeziaĵojn de proksimume 70 poetoj. La plej multsignifaj el ili estas la poeziaroj kaj poemaroj de Marie Under, Johannes Barbarus, Juhan Liiv kaj Ĉapitroj de la estona nacia eposo "Kalevipoeg", verkita de Friedrich Kreutzwald. Ŝi tradukis ankaŭ estonajn prozaĵojn.

La liva kaj estona lingvo estas sufiĉe similaj. Scipovante krom la estona ankaŭ la finnan lingvon, kiu same estas parenca al la liva, Hilda Dresen povis kompreni sencon de la poezio de K. Stalte. Ĝi ravis ŝin kaj ŝi intencis traduki kelkion en Esperanton. En Literatura Muzeo "Fr.R. Kreutzwald" en Tartu troviĝas riĉa fonduso de Hilda Dresen entenantaj manuskriptojn kaj korespondaĵojn. Ĝi estas nur parte prilaborita. En la fonduso estas interalie grandformata kajero el la jaro 1922-a, kiu enhavas diversajn tradukaĵojn. La 6-a kaj 7-a tradukaĵoj estas du poeziaĵoj de K. Stalte, nome "La patrino" kaj "La kanto de vivoj". Hilda Dresen havis amikajn rilatojn kun la redakta komitato de "Literatura Mondo", kie laboris konataj esperantaj poetoj, kiel J. Baghy, P. de Kalocsay kaj aliaj. La redakcio petis Hilda Dresen publikigi ion en la revuo. La tradukistino sendis interalie "La patrinon" de K. Stalte. Ĉar la redaktoro deziris publikigi ankaŭ ion ĝeneralan pri la liva literaturo, Hilda Dresen persvadis min fari tion. Ŝi sciis, ke mi okupis min pri vivoj. Mi do verkis mallongan konvenan enkondukon al la kanto "Pri la liva literaturo", subskribitan per P. Berg, Ĉar tia estis mia familia nomo ĝis la jaro 1927-a [2, 18]. La antaŭ pli ol 60 jaroj aperinta traduko de la menciata liva poeziaĵo ne estas plu akirebla por larĝaj rondoj, kiuj

interesiĝas pri esperantlingva poezio. Pro tio la aŭtoro de tiu ĉi artikolo aperigas ĝin denove kum la livlingva originalo kaj kelkaj komentoj.

Jema

Mis nei saggöld jema sĭn mernaigö lāb,
mis nei saggöld jema pids randö sāl kāb?
Ta merrö id vāntlöb, mis vodlöb kil ta,
mikšperast kil vieröböd kindöld tām ka?

Tām puoga lekš merrö, ta aigas āb uo,
sa jelsö eñtš poigö kil nādö ād sō!
Ne munt tultö aigö, ne kitist tām nei:
"Sin puoga, kul jema, sĭn mer puojö ei".

Kil jema jūr jelsö tām puoga āb tul.
Ta vodlöb, ku lainöd un övad un tui,
ne aigö tām tuokstö, sĭz kälmad pāl söks
ta vidö eñtš poigö, sĭn mattö tām toks.

Sĭz ama knaš kälma eñtš puogan ta tieks;
se kuož ama armöks tām ĭlma pāl ieks.
Ta kälmad pāl istaks un mötlö ta toks
ku puoga um tovviz, - kui sĭn ta ka söks.

La patrino

Ho kial iradas, patrino al mar',
ho kial allogas patrinon ondar'?
Ĉu ĭun atendas sopire patrin'
verŝante nun larmojn amaraĵn sen fin'?

Sur maron veturis ja fil' ŝia for...
"Al vi ne revenos pli via trezor',
(revenis aliaj kaj diris al ŝi)
La filon, patrin', ne atendu plu vi."

La filon de ŝi jam forrabis la mort'...
Kaj ŝi, ke la ondoj lin rulu al bord',
atendas, por tombon pretigi al fil':
ripozon li trovas sur fund' en trankvil'.

Plej bele ŝi farus ĝin por la filet'
kaj tie ŝi sidus en plena kviet',
ŝi pensus ke estas la fil'en ĉiel'...
Revidi lin tie, - jen jam ŝia cel'.

Hilda Dresen estis konscia kaj zorga tradukistino. Ŝi volis ne nur transdoni ĝuste tradukitan tekston, sed ankaŭ uzi en traduko kiel eble la plej espe-

rantecan lingvon. Ŝi kelkfoje refaris siajn tradukaĵojn. Tion pruvas ankaŭ "La patrino". En la teksto troviĝanta en Literatura Muzeo la lastaj versoj estas jenaj:

La filon de ŝi jam forrabis la mort'.
Atendas ŝi, ke la ondegoj al bord'
Lin rulu, ŝi tombon pretigus al li,
Ripozon li trovus sur fundo de ĝi.

La tombon plej belan ŝi farus al fil',
Kaj tie ŝi sidus en plena trankvil'.
Ŝi pensus, ke estas la fil' en ĉiel,
Revidi lin tie, jen - ŝia nun cel'.

La originala teksto estas skribita per inko. La aliaj goj kaj plibonigoj estas faritaj per krajono.

En la jaro 1929-a aperis en Helsinko livaj kantoj "Līvōkiel lōlōd", kun melodioj, eldonitaj de Karli (Korli) Stalte. La kanto "Jema" havas melodion de la komponisto J. Maier [3, 15]. Por la kanto "Randalist loul" la fama estona komponistino Miina Härma (Hermann) kreis specialan melodion. Ĝi estis kantata jam en marto en la jaro 1925-a, kiam la liva koruso koncertis en Tartu kaj Tallinn [4, 3]. La esperanta traduko de tiu ĉi poeziaĵo de K. Stalte aperas nun ĉi-sube kun la liva originalo.

Randalist loul.

Rāndakēl', min jemakēl',
piva minnōn um sin ēl'
Kis vōib rāndakiēldō unnō
unub ka eētš jema sōnnō.

Randakiēldō rōkandist
vanad līvōd, rāndalist,
rāndakielsō lōlōd lōlist
rāndakielsō Jumalt polist.

Randakiēldō rōkandōm
sieperast un armastōm,
volmō selfist, kui mād izad -
līvōd neiku kivid vizad!

La kanto de livoj.

Liva lingvo, estas vi
Sankta, kara tre por mi!
Tiu, kiu vin forgesos,
Vivi laŭ instruo ĉesos.

Livan lingvon uzis liv'
Dum antaŭa sia viv';
Live sonis kantoj liaj,
Live liaj preĝoj piaj.

Livan lingvon uzu ni,
Kara estu por ni ĝi!
Kiel patroj niaj estu,
Fortaj, kiel ŝtono restu!

La interpretitaj livaj kantoj atestas, ke pere de Esperanto jam antaŭ multaj jaroj oni povis konatiĝi eĉ kun literaturo de tute malgrandaj popoloj.

L i t e r a t u r o

1. Ojalo J. Hilda Dresen. - Keel ja kirjandus, Tallinn, 1981, N. 4, p. 255.
2. Literatura Mondo, Budapest, 1923, N. 1, p. 18.
3. Līvõkīel lōlōd. Kubbōkuorrōn Stalte Kōrli. Ūlžōandōn Līvōd Īt, Helsingis, 1929, p. 15.
4. Hōimūhtud Tartus ja Tallinnas mārtsikuus 1925. Lii-vi laulude tōlge, Tartu, 1925, p. 3.

ПЕРЕВОДЫ ЛИВСКОЙ ПОЭЗИИ НА ЭСПЕРАНТО

Пауль Аристэ

В настоящее время ливский язык, один из финно-угорских языков, служит средством общения маленького количества людей. Ливы живут в некоторых деревнях на мысу Курземского полуострова и в целом ряде городов Латвийской ССР. Когда в XIII веке ливы были завоеваны немецкими рыцарями, они постепенно ассимилировались с более многочисленными латышами. В нашем столетии обе мировые войны стали катастрофическими для ливского народа. Во время этих войн ливы были выселены из своих деревень. В эвакуации многие из них погибли. Молодые забыли свой язык. Поэтому число людей, говорящих на ливском языке, заметно сократилось.

Первая ливская книга, Евангелие от Матфея, вышла в 1863 году. Между двумя мировыми войнами ливы смогли организовать преподавание родного языка в начальных школах. На ливском языке были изданы ряд книг и ежемесячный журнал. Из беллетристических произведений лучшим следует считать сборник стихов поэта К.Сталте.

Заслуженная переводчица эстонской поэзии на эсперанто поэтесса Хилда Дрезен перевела на эсперанто также два стихотворения К. Сталте. Одно из них было опубликовано в 1923 году в журнале "Literatura Mondo". Литературное наследство Хилды Дрезен находится в Литературном музее им. Фр.Р. Крейцвальда в Тарту. В настоящей статье из ее фонда приведены в первоначальной редакции переводы обоих стихов ("Мать и "Песня ливов") с ливскими оригиналами и примечаниями.

КОНЦЕПЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО И ВСЕОБЩЕГО ЯЗЫКА Э.К. ДРЕЗЕНА

(Фрагмент истории довоенной отечественной
интерлингвистики)

А.Д. Дуличенко

Содержание: 1. Общие замечания. 2. Поиски путей создания международного языка и метод исключения. 3. Вопросы сознательного регулирования языка. 4. Структурные типы искусственных языков в оценке Э.К. Дрезена. 5. Эсперанто: структурные особенности, отношение к другим искусственным языкам и языкам национальным, социальная обусловленность, перспективы. 6. Требования к международному языку. 7. Теория международного и всеобщего языка. 8. Космоглоттика. 9. Общелингвистические аспекты космоглоттических идей Э.К. Дрезена.

1

Оживление интерлингвистических исследований в последние годы — показатель растущего интереса науки и общественности к вопросу о путях и средствах международного общения. В интерлингвистике еще много неразработанных вопросов. Предстоит задача более четкого определения круга проблем науки о международном языке, выработка опирающихся на диалектико-материалистические основы критериев и оценки понятий "международный язык" и "всеобщий язык" и др. Основные вопросы интерлингвистики, однако, возникли не сразу и не сейчас. Многие из того, что привлекает внимание современных интерлингвистов, ставилось как проблема давно. А потому страницы прошлого не должны забываться: в них и заблуждения первых поисков, и ростки новой мысли, и решения, актуальность которых сохраняется до наших дней. Все это очень показательно для теоретических работ по вопросам международного языка довоенного времени, когда в стране создавались социальные основы новой жизни, а в науке интенсивно велись поиски основ марксистского языкознания. Самой значительной фигурой в движении за международный язык в 20-30-е гг. был Эрнест Карлович Дрезен. Его интерлингвистическая деятельность до сих пор не оценена — а это этап, без которого невозможно представить себе довоенную отечественную интерлингвистику. Э. Сवादост в монографии "Как возникнет всеобщий язык?"

коснулся воззрений Дрезена на проблему международного и всеобщего языка, однако всего лишь двумя-тремя цитатами из его же работ, что, конечно, недостаточно, хотя и показательно: идеи Дрезена вызывают и сейчас к себе определенный интерес [62, 134]. Их всесторонняя оценка с позиций современного лингвистического мышления и современного уровня развития интерлингвистики становится просто необходимой.

К сожалению, у нас мало данных о личности Дрезена. Родом он был из Латвии. В 20-30-е гг. активно участвовал в строительстве новой жизни. Имел техническое образование. По его собственному признанию, в детстве он говорил по-латышски и по-немецки, а с семилетнего возраста стал изучать русский язык; на русском же языке он получил и высшее образование. С шестнадцатилетнего возраста, т.е. с 1911 г., овладел языком эсперанто, "изучал одновременно французский, английский и некоторые другие европейские языки" [18, 78-79]. В 1921 г. на третьем Всероссийском съезде эсперантистов было принято решение о создании Союза эсперантистов советских республик (СЭСР). В состав первого ЦК СЭСР вошел и Дрезен, возглавивший затем эсперанто-движение в стране.

Организационно-практическая деятельность по развитию пролетарского эсперантского движения в СССР и на международной арене ставила перед Дрезеном задачи теоретического характера, к решению которых он приступил фактически с самого начала своей деятельности в СЭСР. При этом он пытается теоретически осмыслить не только такой лингвистический и социально-культурный феномен, как эсперанто. Его интересует более широкий фон - история идеи всеобщего языка от момента ее зарождения до начала XX в. Отсюда мост к общетеоретическим обобщениям, которые выражались в поисках места вопроса о международном языке в социально-культурном строительстве и в языкознании 20-30-х гг., в разработке концепции международного и всеобщего языка. В значительной мере общетеоретические интересы Дрезена были также отражением его профессиональных занятий: инженер-техник по образованию, он работал главным образом в области рационализации и стандартизации научно-технической терминологии. Последняя, как известно, является продуктом сознательного словотворчества и языкотворчества в целом, а этого было уже достаточно, чтобы связать свои профессиональные интересы с практическими и теоретическими аспектами движения за международный язык. Так появляются многочисленные статьи и заметки Дрезена в периодических изданиях 20-30-х гг., среди которых: "Международный язык" - орган ЦК СЭСР, посвященный вопросам международного языка, его теории, распространению и практическому применению, "Известия ЦК СЭСР", "La Nova eroko", "НОТ и хозяйство", "Социалистическая реконструкция и наука", "Фронт науки и техники"; в различных зарубежных журналах и бюллетенях, посвященных проблематике международного вспомогательного языка и вопросам стандартизации научно-техниче-

ского языка. Интерлингвистические работы Дрезена печатаются в сборниках, среди которых следовало бы назвать: "На путях к международному языку" (1926), "Новые проблемы языкознания" (1933) - подготовлен интернациональной пролетарской эсперанто-лингвистической комиссией, и др. Сборник "На путях к международному языку" вышел под общей редакцией Дрезена. Дрезен был редактором "Начального учебника международного вспомогательного языка эсперанто для курсов и самообразования" (1927) - в 1930 г. он вышел вторым изданием под названием "Самоучитель международного вспомогательного языка". С самого начала 20-х гг. появляются и первые интерлингвистические книги Дрезена. В 1922 г. он опубликовал в двух частях краткий "Очерк истории идеи международного языка" (Ч. 1: Период до 1880 г. и развала волапюка; ч. 2: период с 1880 г. до наших дней) [27] (а позднее появилась и серия статей под общим названием "Из истории международного языка": [9; см. также: 39; 24]). В 1925 г. в научно-популярной библиотеке "Человек и Вселенная" Дрезен выпускает небольшую монографию "В поисках всеобщего языка" [3]. Выход этой книги подстегнул ее автора к более углубленной работе над историей идеи всеобщего языка от начала ее возникновения, и как результат его многолетних занятий в 1928 г. Главнаука Наркомпроса РСФСР публикует достаточно полный труд Дрезена по истории интерлингвистики "За всеобщим языком (Три века исканий)" [5]. К этой книге сочувственное предисловие поместил академик Н.Я. Марр, указывавший, что "история всеобщего языка и в прошлом и ныне представляет актуальный интерес, а настоящий труд [т.е. "За всеобщим языком"], является прекрасным вкладом в нее. Насколько нам известно, - продолжал он, - с ее появлением пополнился пробел, ощутимый не в одной русской литературе" [5, 9]. Монография "За всеобщим языком" была новым словом в интерлингвистике. Собранный в ней богатейший материал (не без отдельных промахов, конечно) не повторял изданной до того знаменитой "Истории всеобщего языка" (1903) французских интерлингвистов Л. Кутюра и Л. Ло [65]. Последняя была задумана и осуществлена, как описание трех структурно-генетических типов международного искусственного языка - априорного, смешанного и апостериорного. При этом Кутюра и Ло ориентировались на наиболее разработанные проекты международного и всеобщего языка. Дрезен же дал хронологическую историю международного языка, обращая внимание практически на все оказавшиеся ему доступными проекты. Прослеживая развитие истории идеи международного языка в различные периоды и в разных странах, Дрезен выявил основные тенденции в эволюции интерлингвистической идеи, подчеркивая при этом, что весь ход ее был направлен ко все большему признанию принципа апостериорности, учитывающего языковой опыт человечества. Книга "За всеобщим языком" получила большой резонанс, особенно в рядах движения за международный язык, и в 1928-1930 гг. в эсперантском переводе она печаталась на страницах журнала "La Nova

ероко". Перевод оказался доступным международному читателю, и Дрезен получил дополнительный материал по истории международного языка от своих многочисленных читателей. В 1931 г. в Лейпциге книга "За всеобщим языком" выходит на эсперанто под названием "История всемирного языка", а в 1934 г. и в переводе на японский язык; в 1967 г. она появляется в Японии третьим эсперантским изданием [48]. Судьба этой книги Дрезена, как видим, весьма завидная. Лучшего признания заслуг Дрезена представить трудно.

Дрезену принадлежит также целый ряд монографий, в которых вопросы истории международного языка переплетаются с практическим и теоретическим аспектами проблемы. В 1922 г. он выпустил небольшую монографию "Проблема международного языка (опыт материалистического обоснования вопроса)" [33], за которой в 1929 г. последовали "Основы языкознания, теории и истории международного языка" (выпущены также в трех частях: "Язык и искусственное в языке", "Развитие идеи международного языка" и "Распространение, использование и пути дальнейшего оформления международного языка") [25] и эсперантское издание "Пути формирования и распространения международного языка" (1929) [49]. Этой же проблематике посвящена и небольшая книжка Дрезена, изданная в 1932 г. параллельно на русском и эсперанто, "Проблема международного языка на текущем этапе его развития" [32]. Специально вопросам международного вспомогательного языка эсперанто Дрезен посвятил "Очерки теории эсперанто" - они вышли в 1931 г. параллельно на русском и эсперанто языках под грифом Историко-лингвистического института РСФСР [28]. В том же году в Лейпциге выходит эсперантское издание книги Дрезена "Аналитическая история эсперанто" [47]. Мы уже отметили, что Дрезен тесно связывал свои профессиональные занятия с организационной и научной работой в области международного языка. Практически во всех его основных работах в области рационализации и стандартизации научно-технической терминологии заметен интерлингвистический подход, в т.ч. в книге "Стандартизация научно-технических понятий, обозначений и терминов" 1934 г. (второе, исправленное и дополненное, издание вышло в том же году, третье под несколько иным названием - в 1936 г.: "Научно-технические термины и обозначения и их стандартизация" [40]) и особенно в вышедшей в 1936 г. монографии "Интернационализация научно-технической терминологии. История, современное положение и перспективы" [10] - в эсперантском переводе книга вышла в 1935 г. [52].

Уже этот краткий обзор показывает, сколь широкой и разносторонней была интерлингвистическая деятельность Дрезена и каким должно было быть влияние его работ на интерлингвистическое движение 20-30-х гг. Сейчас, знакомясь с трудами Дрезена, особенно с теми, в которых трактуются общетеоретические аспекты международного языка, нетрудно обнаружить слабость отдельных установок, не всегда глубокий и четкий анализ языковых вопросов. Объяс-

нить это можно и временем, когда марксистское языкознание еще только искало свои пути, и личными качествами Дрезена, который не был профессиональным языковедом и для которого лингвистика была, как он сам признавался, его другой "вроде специальностью" [18, 79]. Тем важнее представляется необходимость осветить с современных (интер)лингвистических позиций те идеи, которые разрабатывал Дрезен.

2

Известно, что в разные периоды истории человеческого общества предлагались различные пути решения языкового барьера. Дрезен в ряде своих работ рассматривает многие из них, применяя, как он сам называет его, "метод исключения" [33, 13]. Метод исключения в науке не нов. Он использовался (и используется) в решении ряда проблем. Так, ищут "прародину" того или иного этноса, постепенно исключая отдельные ареалы и приближаясь к "белому пятну" - возможной исходной территории. Этот метод в XIX в. и в XX в. применяли, например, слависты для определения первичных мест обитания славян. Дрезен аналогично рассматривает предлагавшиеся пути создания международного языка, выискивая в них слабые места и подводя читателя к единственному, как ему представлялось, возможному пути, - пути создания международного искусственного языка. Так, на вопрос, пригоден ли современный естественный язык в роли международного, он отвечает отрицательно. Дрезен считает, что препятствием для этого становятся сразу несколько факторов, из которых наиболее существенными ему представляются:

1) национальной ущемленности: "Введение одного из существующих языков в качестве мирового вспомогательного языка создало бы отдельной нации ряд привилегий";
2) социально-экономический: политическое и проч. влияние и экономические выгоды насаждения "своего" языка;

3) психологический и культурный: "Естественный язык содержит в себе ту историческую накипь, которая встретила на пути его развития. Чтобы усвоить такой язык, необходимо пропитаться бытом и обстановкой, его породивших, традицией, живущей в его народе";

4) чисто лингвистические, из которых выделяются:
а) фактор усложненности грамматической системы естественного языка как результат его длительного исторического ("стихийного") развития и б) фактор "языковой дифференциации", который все более проявлялся бы по мере распространения естественного языка в качестве международного, так как носители такого естественного языка за пределами своей территории "потеряли бы родную почву и подверглись воздействию местного быта и местного языка" - и как результат этого возникла бы

диалектная дифференциация, которая в конечном счете привела бы к распаду языка, претендующего на роль международного [33, 13-14; то же см. также: 25-1, 38-39; 5, 24-25].

Попытки возродить латынь в качестве международного средства общения XX в. Дрезен также не принимает. Он признает, что латинский язык является фактически нейтральным, однако для XX в. он представляет собою своеобразный лингвистический анахронизм, поскольку в нем "нет выражений для современных понятий: носового платка, телеграфа, паровоза и всего того, что является сущностью нашей современной цивилизации. Вместо фразы: 'вынь из кармана носовой платок и вытри брюки' по-латыни можно сказать только 'вынь да вытри'". Кроме того, Дрезен считает латинский слишком усложненным языком, "соответствующим общему укладу жизни древнего Рима". Этот язык будет казаться "нелепым в наше время машин, хронометров и точно рассчитанных действий". "Необходима слишком решительная и коренная ломка структуры окаменелого языка, чтобы вернуть его к жизни". Последнее, по Дрезену, может принести лишь сомнительные результаты [соответственно: 33, 14; 25-1, 39; 5, 25-26; см. также: 52, с. 4 и далее]. Таковы же шансы на "оживление" у древнегреческого и у санскрита.

Однако возможности латыни как средства международной коммуникации до сих пор, видимо, еще не исчерпаны. В XX в. латынь остается официальным языком католической церкви и Ватикана, который, кстати, не только печатает книги, документы, периодику на этом языке, но и ведет радиопередачи. Латынь широко применяется в области медицины и вообще в деле создания научно-технической терминологии. Примечательно, что интерес к латыни сохраняется в отдельных регионах Европы и сейчас. Достаточно указать на существование в некоторых странах так наз. "латинских клубов", курсов изучения латинского языка. Известны попытки создания разножанровых текстов и выпуска периодических изданий по-латински (напр., в Зап. Германии). В 1966 г. была создана Академия латинской культуры, регулярно созываются конгрессы латинистов и конгрессы "живой латыни" в частности (см., например: [59, 92-94]).

Отвергает Дрезен и "проекты соглашений о нескольких естественных международных языках", которые он называет "компромиссным решением". К сожалению, Дрезен не дает здесь четкой аргументации, ограничиваясь лишь констатацией того, что "языковое соглашение о равноценном признании международности нескольких главных языков будет всегда встречать противодействие прочих малых и средних народов" [25-1, 39-40]. Между тем развитие мировой языковой ситуации включает в себя как объективный факт выделение в тот или иной исторический период отдельных языков наиболее крупных народов, функций которых, в силу социально-политических, культурных, научных и проч. причин, приобретают международный и мировой характер. Так, до ХУШ в. ни один европейский язык практически не был международным в масштабе всего мира. Французский язык

с XVIII в. становится языком торговли и дипломатии и "набирает скорость" в XIX в., что связано с общим развитием французской культуры и науки этого периода; с конца XIX в. его роль в международных сношениях ослабевает. Международное значение немецкого языка, особенно в науке, возросло в последнюю треть XIX в. и достигло кульминации перед первой мировой войной. Роль английского как языка торговых сношений, прессы и науки стала возрастать лишь после первой и особенно второй мировых войн. Если, наконец, в прошлом в Западной Европе существовало негласное мнение, выраженное по-латыни как "Rossica non leguntur", т.е. "написанное по-русски не читается", то ситуация резко меняется после Октябрьской революции, когда русский язык становится языком межнационального общения народов Союза, международным языком - поскольку используется среди социалистических стран, мировым - поскольку его статус закреплён в качестве рабочего языка ООН.

В свете проведенных "исключений" Дрезен приводит нас к "единственно возможной для нужд текущего международного обихода попытке сконструировать новый вспомогательный язык", так как, считает он, "языки развиваются не только путем эволюций, но и путем революций - сознательного, продуманного и согласованного языкового творчества" [5, 26; см. также: 33, 14].

3

Этот вывод неизбежно подводит Дрезена к проблеме искусственного (или сознательного) регулирования языка, так как важно было показать, что сознательное языковое творчество пронизывает естественные языки, что сознательное создание новой языковой системы - это лишь "революционный скачок", истоки которого заложены в языковой действительности. Для этого Дрезен обращается прежде всего к "языку письменному, книжному, литературному", который еще младограмматики определяли, как совершенно искусственное образование, а потому его изучению не придавали должного внимания. Дрезен указывает на сознательный характер создания "общеславянского литературного языка" (= старославянского) в IX в. Кириллом и Мефодием, обращается к истории немецкого и венгерского литературных языков. В книге "Проблема международного языка (опыт материалистического обоснования вопроса)" он выделяет два типа регуляторов языка - естественные и искусственные. К первым Дрезен относит языковую традицию ("Постоянство обозначений и преемственность соответствия имеющихся языковых форм с заключающимся в них смыслом"), деление (или дифференциацию) - когда язык распадается в силу прежде всего нелингвистических причин на диалекты, наконец, ассимиляцию ("объединение языков"). Об ассимиляции как естественном регуляторе языка Дрезен пишет схематично и остается не-

ясным, так ли уж негативно это объединяющее, интегрирующее явление, когда речь о нем идет как о сознательном, исторически фиксируемом языковом развитии? [33, 5-6]. В целом Дрезен характеризует естественные регуляторы языка, как тормозящие складыванию общих форм. Другое дело искусственные регуляторы. Среди них он выделяет письменность (она считается "началом вмешательства в естественный ход развития языка") и "правила грамматики" [33, 6-7], несколько позже и алфавит [11, 326; 25-1, 21]. К сожалению, Дрезен избегает рассмотрения вопроса о том, почему, например, "правила грамматики" являются искусственными регуляторами и каково регулирующее влияние на язык алфавита? Как бы то ни было, но, по Дрезену, эти три регулятора показывают возможности "организованного воздействия на литературные языки в сторону их развития, в частности же - в сторону их интернационализации". В связи с интернационализацией (в книге "Проблема международного языка" она называется также "ассимиляцией"!) Дрезен ставит две задачи: с одной стороны, устранить и по возможности ослабить тормозящие интернационализацию влияния 1) языковой традиции, 2) обособленных алфавитов и 3) грамматики, с другой - "провести в отношении всех литературных языков в мировом масштабе: а) упрощение правописания; б) унификацию шрифтов на международной основе латинского алфавита; в) интернационализацию и сближение терминологии различных наук и научных дисциплин; г) введение единых обозначений (номенклатур) мер, стандартов разного рода и т.д." [11, 326; см. также: 33, 15; 25-1, 34]. Как видим, противопоставленные ранее регуляторы (естественные ↔ искусственные) теперь объединяются (см. пункты 1, 2, 3), поскольку в них заложены тормозящие складыванию общих языковых форм свойства. Надо думать, что Дрезен сам ощущал некоторую натяжку в выдвинутом в монографии "Проблема международного языка" принципе деления регуляторов на естественные и искусственные и в последующих своих работах такого разграничения практически не проводил [см., например: 11, 266-268, 323-328; 25-1, 21]. Более того, выделенные Дрезеном языковые регуляторы не в состоянии, оказывается, "выправить язык". Не помогает здесь отдельное рассмотрение, с одной стороны, литературного языка, с другой - народного, к которому призывает автор, поскольку "природный (!) язык, т.е. народный, невозможно сломать, разрушить и реформировать, не преобразовав среду, обстановку и производственные отношения", а "провести доподлинную и фундаментальную рационализацию любого естественного (литературного) языка - не возможно, так как подобный рационализированный (литературный) язык потерял бы связь с народом - носителем основных форм данного естественного языка". И далее: "Современная наука о языке оказывается в состоянии лишь теоретически решать вопросы о более совершенных формах построения языков..." [11, 325; 25-1, 30-31; см. также: 12, 28-32].

Противоречие теоретических построений Дрезена очевидно и объяснимо прежде всего радикальностью подхода

к языку как системе: Дрезен говорит о "выправлении", "ломке" языка вместо того, чтобы проследить, как эта система испытывает на себе воздействие носителей, общества в целом. Отсутствие конкретного материала (если не иметь в виду краткой справки о работе Панини над описанием и выработкой норм санскрита) - показателя регулирования языка также отражается на уровне теоретических высказываний Дрезена. Однако при всем этом существенным представляется то, что Дрезен пытается нащупать те пружины языкового механизма, которые могут быть приведены в действие сознательно, т.е. человеком. В этом отношении показательными являются научно-технические термины, которые тысячами и десятками тысяч создаются и внедряются в практику буквально на наших глазах. С интерлингвистических позиций Дрезен много и плодотворно пишет о рационализации и стандартизации терминологии, особенно о путях ее интернационализации [см. его статьи: 21, 92-98; 30, 71-76; 5а, 84-87; 6, 107-111; книги: 40 и последующие издания; 52; 10; см. также: 19, 231-238 и 41, 3-17].

Итак, сознательно регулируемые тенденции в естественном языке имеются, хотя в целом они не могут перестроить, "выправить" язык, формировавшийся в течение многих тысячелетий. А потому Дрезен считает необходимым "сконструировать язык более совершенный и более соответствующий принципам 'экономии мышления, труда и времени'", полагая, что в этом - основная задача "современной филологии и современных ученых-лингвистов" [38, 83].

4

Конструирование языковых систем с целью сделать их вспомогательными средствами общения между различными народами имеет почтенную историю. В монографии "За всеобщим языком" Дрезен дает не только хронологическое и содержательное описание всех оказавшихся ему известными проектов международного (и всеобщего) языка, но и критически оценивает каждый структурный тип таких лингвопроектов.

Проекты "общечеловеческого философского языка", появившиеся с XVII в. и связанные с именами Ф. Бэкона и Р. Декарта, а затем Г. Лейбница и др., ставили целью свести все человеческие понятия и представления к небольшому числу основных "мысле-понятий" и "мыслекорней". Дрезен выделяет из них "логически-конструктивные" и "классификационные", считая их основным недостатком "отвлеченность и умозрительность" и то, что "элементы подобных языков не имеют никакой базы в современном быту", т.е. не связаны с реальной языковой практикой человечества [5, 45]. Он солидаризируется с М. Михаэлем (ис), представившим в Прусскую академию диссертацию (1759), в которой утверждается, что "исчерпывающей и бесспорной систематизации понятий, выража-

емых словами, достигнуть невозможно". При этом диссертант ссыался на понятия брака и воспитания детей у разных (моно- и полигамических) народов, которые могут иметь резкие отличительные особенности [5, 63]. Эмпирический подход, проявленный Дрезеном в отношении проектов философского языка, не дает возможности осознать теоретическую важность (в конечном счете и для интерлингвистики) логического анализа языковой и предметной действительности. Правда, Дрезен допускает возможности логического подхода, однако лишь когда говорит об известной системе десятичной классификации Международного библиографического института [5, 129-130]. Между тем идеи философского языка (даже в том виде, в каком они были высказаны в XVII в.) оказали заметное влияние на развитие символической логики, а также на создание универсальных машинных языков и кодов. Аналогично отношение Дрезена к пазиграфиям, которые он классифицирует на цифровые, эмпирические и философские. Дрезен вспоминает слова Лейбница о том, что "исключительно письменный, не разговорный язык - это язык без души", и заключает, что язык, который предназначается для международного использования, также как и существующие национальные языки, должен применяться равно как в письменном, так и в устном общении. Любой, в т.ч. и международный язык, таким образом, должен иметь две формы выражения, без которых невозможно полноценное общение [5, 49].

Шагом вперед по сравнению с проанализированными ранее типами лингвопроектов Дрезен считает априорные системы, поскольку они обладают двумя (письменной и устной) формами выражения. Однако в целом Дрезен не видит перспективы для практического использования лингвопроектов, оторванных от языкового опыта человечества. Рассматривая особенности лингвопроекта сольресоль, разработавшегося в 1817-1866 гг. французом Ж. Скюдrom, Дрезен заключает, что у этой априорной системы "был огромный недостаток - она была не легче, а труднее любого из национальных языков. Она была чужда им по духу и построению. Ее надо было изучать совершенно заново. Совершенно необоснованно было утверждение, что изучить сольресоль возможно без особого труда в течение не более как трех месяцев. Возможности его применения были ограничены уже вследствие наличия только 7 слогов - нот в этом языке. При практике его использования возникала путаница и неразбериха" [5, 91]. В этом высказывании выражено отношение Дрезена в целом ко всему априорному направлению в лингвопроектировании.

Дрезен не мог не оценить как определенный успех в лингвопроектировании появление смешанных (или так наз. "микст") систем. Образцом такой системы был волапюк (1879) Й.М. Шлейера, который появился в период, когда контакты между государствами резко активизировались и когда общественность в разных странах более сосредоточенно следила за поисками межъязыковых средств общения. По крайней мере, волапюк показался именно тем языком, который мог разрешить проблему контактов между разно-

язычными народами. Движение за распространение этого языка получает некоторое развитие в различных странах прежде всего Европы, однако вскоре же обнаруживаются существенные недостатки его структуры, которые и становятся одной из главных причин распада волапюкской волны. "Скоропалатно сработанная искусственная и тяжеловесная грамматика", писал Дрезен, с ее хотя и "правильными", логичными формами, но зачастую излишними (глаголы спрягаются, например, не только по лицам и временам, но и по залогам, видам и т. д.), не имела четких аналогов в естественных языках, а до неузнаваемости измененные слова европейских языков затрудняли изучение языка и заставляли искать более практические языковые системы.

Таковыми могли быть, по Дрезену, только апостериорные системы, связанные основными своими чертами с языковой действительностью, с языковым опытом мира. Проблемы апостериорных идей Дрезен видит уже в XVII в. у последователя Декарта - Б. Лами, который очерчивал схему единого мирового языка, близкую особенностям естественных языков, и склонялся к тому, чтобы такой язык строился по подобию грамматического строя турецких языков (последние поразили его стройностью) [5, 58-59]. Однако тенденция к апостериорному лингвопроектированию ("построению языка по образцу и подобию языков естественных") оформилась лишь к середине XIX в. Дрезен считает этот этап лингвопроектирования наиболее совершенным и, можно сказать, конечным. При этом Дрезену представляется наибольшим достижением такой апостериорный тип, который был намечен в 1855 г. французским философом Ш. Ренувье: "Всемирный язык должен быть философским по своей программе, эмпирическим по своему словарю, т.е. его программа должна основываться на логическом анализе мысли, а его словарь должен заимствоваться из живых языков" [5, 102]. Именно на этих принципах был создан в 1887 г. Л. Заменгофом язык эсперанто, получивший затем большое распространение и являющийся сейчас наиболее широко принятым международным искусственным языком.

Однако прежде чем рассмотреть эсперанто в оценке Дрезена, следовало бы сказать несколько слов об одном типе лингвопроектов, характеризующихся наивысшей степенью апостериорности. Речь идет о так наз. усовершенствованных и упрощенных проектах национальных (естественных) языков, богатый материал которых приводится в книге "За всеобщим языком". Дрезен высказывается по поводу таких проектов определенно, считая эту работу коверканьем, "порчей существующих языков". Эти эксперименты не могут рассчитывать на успех. В этой связи интересна его полемика с А.П. Андреевым, который в статье "Наша речь как объект рационализации", опубликованный в 1926 г. в тбилисском журнале "НОТ и хозяйство" (№ 6-7), предлагал реформировать литературный русский язык, с тем чтобы он стал "общесоюзным языком". Предположим, пишет Дрезен, будут составлены декреты и распоряжения о преобразованиях (упрощениях) русского

литературного языка. "Допустим, - продолжает он, - что мы упростим в возможной степени правописание, уничтожим все неправильности склонений и спряжений, уточним словопроизводство и приступим к 'пурификации' языка, т.е. к замене иностранных терминов - русскими и т.д. Что же получится при этом? Ведь подобный реформированный русский язык все равно будет чужд языку народа. Да и к тому же какого народа?..." [38, 82]. Дрезен признавал, однако, полезность экспериментов над усовершенствованием или упрощением лишь постольку, поскольку эта работа способствовала развитию методов лингводидактики. Так, критикуя проект упрощенного английского языка К. Огдена бэйсик инглиш и его претензии на мировое распространение, он писал: "как ступень к овладению английским языком - это любопытный этап и полезный опыт" [1, 10]. И в этом мысль Дрезена созвучна современным попыткам выработать аналоги бэйсик инглиша на материале других, в т.ч. и русского, языков (см., например: [53, 21]).

5

Как мы уже отметили, наиболее удачное воплощение принципа апостериорности Дрезен видел в эсперанто. Значительная часть его работ как раз и посвящена различным аспектам теории, истории и практики этого международного вспомогательного языка. Комплексно рассматривая интерлингвистическую концепцию Дрезена, важно было бы проанализировать его оценку структурных особенностей и возможностей эсперанто, отношение этого языка к национальным языкам и лингвопроектам, находившим некоторую практическую реализацию одновременно с эсперанто, а также оценку функциональных перспектив эсперанто - "грядущего эсперанто", как выразился сам Дрезен в одном из заголовков своих статей.

Одно из структурных преимуществ эсперанто Дрезен видит, как уже было сказано, в соединении логической грамматики с интернациональным корнесловом: грамматическое оформление носит не характерный для европейских языков агглютинативный тип, а словарь отражает в сущности интернациональный европейский фонд. Об этом Дрезен пишет в своих "Очерках теории эсперанто" следующим образом: "Эсперанто, будучи по словарю и по происхождению своему языком западноевропейским и романским, в то же время по структуре своей похож на языки неевропейские. При сохранении гомогенности... словаря ему удалось приспособить этот словарь к структурным традициям неевропейских языков. Таким образом, эсперанто является в известном смысле языком действительно международным, междужыково построенным" [28, 62]. Надо сказать, что взгляд на эсперанто как на язык агглютинативный по грамматическому строю и интернационально-европейский по словарю принимается и современными интерлингвистами и эсперантологами, в частности [см., например, одну из последних теоретических работ: 69, 27-29]. Собственно, по

этой причине эсперанто трактуется как апостериорный язык автономного типа, в отличие от апостериорных языков натуралистического типа - в этих и словарь, и грамматика максимально приближены к естественным (прежде всего традиционным европейским) языкам.

В качестве внутривидовых черт, которые удовлетворяют обязательным требованиям международного средства общения, Дрезен считает то, что этот язык

"1) в высшей степени богат, всеобъемлющ и включает в себя элементы, не только дающие выражение всех возможных мысле-понятий, но и гарантирующие возможность дальнейшего развития и обогащения;

2) строго логичен, без идиотизмов, омонимов и местных выражений, свойственных естественным языкам;

3) легок для изучения, т.е. одновременно с соблюдением условия первого обладает:

а) простой грамматикой, без исключений и несообразностей, свойственных естественным языкам, и

б) основным словарем, возможно достаточным и понятным, сконструированным так, чтобы в соответствии с имеющимися примерами в естественных языках из данного основного словаря посредством ряда суффиксов и префиксов могли бы быть составлены всевозможные необходимые словообразования и словопроизводства" [5, 191; ранее см. то же самое в приложении "Принципы построения искусственного международного вспомогательного языка 'Эсперанто'" в книге: 33, 18-19].

Чтобы проиллюстрировать словообразовательные возможности эсперанто, Дрезен обращается к факту языка сомаи, в котором для обозначения верблюда, основного объекта хозяйственной жизни народа, используется большое число слов, при этом такие слова не могут быть переданы ни по-английски, ни по-французски. В эсперанто же Дрезен находит "средства, чтобы выразить все эти понятия, вплоть до таких утонченных, как, например: *kamelidviro*, *kamelidineto*, *fruktigokamelo*, *buĉokamelino*, *kamelareto* и т.д." [28, 36].

Надо сказать, что, несмотря на отдельные, чисто субъективные (пристрастные) высказывания об эсперанто, Дрезен в целом стремился к объективной его оценке. Считая эсперанто практическим воплощением идеи международного языка, он в то же время говорил о том, что "это не значит, что в нем нет никаких дефектов и что в нем нельзя провести те или другие усовершенствования" [5, 231]. Показателем развития, совершенствования эсперанто Дрезен считал те эволюционные процессы, которые были в нем заметны после трех-четырех десятков лет функционирования: "С ростом числа эсперантистов, - пишет он, - при постоянном увеличении числа идей, долженствующих быть выраженными посредством элементов эсперанто, - появляются новые языковые элементы, новые комбинации элементов, новые идеи, связанные с этими элементами" [28, 18]. В выделенных нами фразах заключена верная характеристика диалектики языкового развития: не только количественный рост элементов, но и новые (грамматика и словообразование) отношения, которые возникают в результате комбинации элементов, а, главное, новые теоретические решения, которые будут вытекать из

этих фактов языковой эволюции. Такое предвидение неминуемо заставляло Дрезена бросить ретроспективный взгляд на эсперанто: раз есть эволюция, значит должна будет появиться и историческая грамматика языка, зная которую можно будет прогнозировать дальнейшую эволюцию. Вот как интересно об этом пишет сам Дрезен: "Не имея пока возможности говорить о какой-либо исторической грамматике эсперанто, мы уже теперь можем предвидеть, что в будущем подобный раздел грамматики появится и, вероятно, будет иметь большое значение, так как он будет стремиться предвидеть дальнейшие изменения и модификации в языке и его грамматике" [28, 18]. Дрезен метко уловил фундаментальный принцип диалектики языка: если есть практическое применение - будет и эволюция, если появляются элементы развития - появится и история языка, а фон последней может создать условия для предвидения дальнейших эволюционных процессов. Последующая практика показала, что реально функционирующий эсперанто действительно не может быть точной копией того проекта, который заложен был в "Основе" (лучше - "Основах") Заменгофа. И не случайно, что как "Полный иллюстрированный словарь эсперанто" (1970), так и "Полная аналитическая грамматика эсперанто" (1980) К. Калочая и Г. Вайриньена фактически отражают нормы реально функционирующего эсперанто [68; 67; специально см. также: 57, 92-113]. Эти нормы включают в себя отдельные, появившиеся в процессе функционирования языка графико-орфографические, лексические и особенно словообразовательные элементы. (Попытки воссоздать праэсперанто, вызванные представлением о том, что современный международный искусственный язык должен иметь свою предысторию, являются эфемерными и не заслуживают большого внимания, срав., например, проект 1969 г. Arcaicam Esperantom, или Arkaika Esperanto, бельгийца М. Гальвелика).

Сам Дрезен рассматривает эволюционные процессы эсперанто на различных уровнях. Один из разделов его "Очерков" называется "Эсперантская семантика в будущем" (с. 72-74; см. также об этом: [51, 137-139]). В нем Дрезен указывает, что языковая практика часто противоречит идеалу "одно слово - одно понятие": "Появляются синонимы, появляется разрыв между словоформой и смыслом, логически и словарно ей присвоенным". В качестве примеров такого разрыва он приводит случаи параллельного типа *virhundo* и *hundviro* "собака (самец)", т.е. с одним и тем же значением, *centjaro* и *jarcento* "век, столетие". "Длительное речевое употребление, - продолжает Дрезен, - вынесет решение о том, какая форма окажется соответствующей общим принципам эсперанто". Дрезен соглашается с мнением известного русского интерлингвиста П.Е. Стояна о том, что в эсперанто непрерывно происходят такие типы изменений: "а) выходят из употребления некоторые первоначальные корни; б) появляются новые корни; в) исчезают первоначальные составные слова; г) появляются новые составные слова; д) исчезают некоторые обороты речи; е) появляются новые выражения; ж) исчезает первоначальная орфография собственных имен; з) появляется

новое правописание собственных имен". Всякая попытка помешать эволюции эсперанто "отняла бы у языка удивительную жизнеспособность, способность приспосабливаться к жизненным потребностям и к жизненным условиям" [28, 78]. При этом Дрезен эволюцию эсперанто связывал с социальным фактором: он считал, что развитие этого международного вспомогательного языка возможно и плодотворно лишь при участии широких масс, при все значительнее расширяющихся сферах применения языка [34, 59-60; 15, 177-179; см. также 47]. Дрезен видит две тенденции к эволюции, которые одновременно действуют в эсперанто: с одной стороны, это стремление языковых форм быть "наиболее международными", с другой - стремление к "как можно более логическим, грамматически правильным формам, даже если это иногда противоречит тенденции интернациональности" [28, 81]. Дрезен считает необходимым организованное воздействие на эволюцию эсперанто, для чего, вслед за П.Е. Стояном, ставит вопрос о том, чтобы этой проблемой специально занимался лингвистический комитет [28, 82-83; 33, 16; 15, 177-179]. Вопрос этот тревожил многих деятелей движения за международный язык. В 1928 г. Е.А. Бокарев в статье "Международный язык и наука о языке" подчеркивал опасность того, что "рост эсперантского словаря идет совершенно стихийно. Массами вводятся новые корни, эсперантский словарь изобилует многими корнями для обозначения одного и того же понятия, не связанными с какими-либо особыми оттенками в значении, или связанными с оттенками, различие которых не оправдывается практически. Эсперантская синонимика не разработана. В то же время можно указать на отсутствие в эсперантском словаре многих необходимых корней ... Теория 'естественной эволюции' противоречит самой идее искусственного международного языка. Эсперантист не может не поддерживать необходимость сознательного и планового воздействия на развитие языка" [55, 135]. К "организованному плановому воздействию на эсперанто" вновь и вновь призывал и Дрезен в ряде своих последующих работ [см., например: 34, 59 и др.].

В "Очерках" Дрезена имеется очень интересное изображение об общих путях эволюции международного (искусственного в том числе) языка: пока такой язык развивается в среде национальных (естественных) языков, он будет "подвергаться влиянию тенденций интернационализации", т.е. влияние живых языков будет сопровождать его эволюцию; когда же международный язык станет реальностью (отдаленное будущее) и своеобразным вторым языком - в нем "возьмет верх вторая тенденция, тенденция пуризма" [28, 82]. Этот эволюционный прогноз заслуживает специального теоретического осмысления.

Говоря об интернационализации как одной из магистральных эволюционных тенденций, нельзя не сказать о том, что Дрезен связывал ее и с судьбой других лингвопроектов. В своих "Основах языкознания, теории и истории международного языка" он писал: "Подтверждение

того, что все могущие появиться в будущем проекты будут отличаться от эсперанто не более чем на 15 % и даже меньше, - мы должны видеть в непрерывно продолжающемся процессе интернационализации всех форм всех существующих языков. Этот же процесс все большей интернационализации свершается и в языке эсперанто. Поэтому вероятнее всего, что отличия в будущих проектах и в эсперанто будут все уменьшаться, а не возрастать" [25-Ш, 44]. Но даже если какой-то лингвопроект, продолжает Дрезен, интенсивно пропагандировался бы, то, не проходя обычными путями "нормальной и постепенной эволюции, обусловленной сущностью языка", такой язык распался бы "на отдельные диалекты". Дрезен не поясняет, почему это случилось бы с любым реализованным в функционировании лингвопроектом и почему этого не произошло с эсперанто. По крайней мере, из его многочисленных работ вырисовывается двойное отношение к другим проектам международного искусственного языка. Оно отрицательно, когда речь идет о системах, конкурирующих с эсперанто и тем самым тормозящих, по его мнению, развитию общей идеи международного языка и практического движения за международный язык [см., например: 5, 237 и далее; 22, 27-29; 17, 374] - потому-то Дрезен и против попыток реформы эсперанто, поскольку сейчас, когда для эсперанто доказал свою жизненную силу, существенно для движения за международный язык пользоваться именно им, наиболее успешным и распространенным языком, а не "исправлять" его дефекты [5, 231]. С другой стороны, Дрезен как теоретик понимает важность привлечения материала других лингвопроектов как "дела коллективного конструирования будущих форм международного языка" ("*la afero de la kolektiva kreado de l'estontaj formoj de la lingvo internacia*") [49, 26]. Он ценит "объективную роль других проектов международного языка при дальнейшем коллективном творчестве над развитием эсперанто" [25-Ш, 37-39].

Уже в своих первых интерлингвистических работах Дрезен выдвинул и в дальнейшем развивал тезис о том, что международный вспомогательный язык не должен "создавать конкуренции" национальным языкам [33, 3]: "Возможность создания вспомогательного языка отнюдь не означает, что этот новый язык смог бы вытеснить существующие национальные природные языки. Эти языки останутся существовать, будут жить и развиваться вплоть до тех пор, пока не исчезнут последние грани и отличия между отдельными народами, материальными, экономическими формами и условиями их существования" [25-Ш, 22]. Это мнение, опирающееся на известные высказывания классиков марксизма-ленинизма, звучит современно. Дрезен в ряде работ заявил об ускорении дела оформления и распространения международного языка, в чем можно видеть поспешность, ибо вопрос, каковым является международный язык, не может решаться в спешке. Дрезен, однако, понимал важность языкового строительства в СССР в 20-30-е гг., когда многие народы впервые получали письменность и формировали свои литературные языки: "Про-

летарские эсперантисты, - считал он, - должны сделать тот вывод, что они ни в коем случае не могут противиться дальнейшему развитию и росту национальных языков и что эти развитие и рост, стремясь дать языкам и культурам внутреннее пролетарское социалистическое содержание, есть дело прогрессивное" [20, 15].

Что касается применения эсперанто в науке, то Дрезен проявлял в этом вопросе осторожность. Сорок лет практического использования, имевшего свои подъемы и спады, еще не могли привести к полифункциональности языка, тем более эффективному применению эсперанто в такой сложной и тонкой области, как наука. Первые научные и научно-технические словари, правда, уже появились и в 20-30-е гг., однако сами по себе эти лексикографические списки не могли быть функциональны - требовалось определенное время для того, чтобы они были внедрены в практику и закреплены в ней. Эту ситуацию Дрезен хорошо понимал, потому еще в конце 20-х гг. считал, что "эсперанто - это своеобразное техническое приспособление к современным, все шире разветвляющимся формам международного общения" [38, 83]. В начале 30-х гг. он развивает мысль об эсперанто как своеобразном коде. Показывая признаки стремительного развития эсперанто в области словообразования, Дрезен признает, что, "несмотря на эти темпы 'языкового роста', ... еще не для всех отраслей человеческого быта и знания эсперанто может квалифицироваться, как полноценное 'реальное сознание'... Имеется еще целый ряд специальных отраслей науки и техники, для которых форм эсперанто еще недостаточно и для которых эсперанто может служить пока что более или менее удовлетворительно только как код" [18, 79-80]. Предложение о применении эсперанто в качестве международного научно-технического терминологического кода, своеобразной "международной условной нормы для международных научно-технических словарей" не означало, конечно, что этот язык "должен и может игнорироваться при искании путей интернационального технического языка. Структура эсперанто и его терминологическая система - это нечто такое, что должно быть и может быть принято в качестве обязательной основы построения определенного орудия международного технического общения" [26, 149; особенно книга "Стандартизация научно-технических понятий, обозначений и терминов": 40; см. также 29, 318-322; 52, 69-73; 41, 3-17 и то же 19, 231-238]. Актуальность использования международного вспомогательного языка в науке и технике, особенно в области терминопроизводства, осознавалась, как видим, достаточно четко, поскольку рост терминов шел стремительными темпами: с 1900 по 1930 гг., например, число терминов, связанных с электротехникой, возросло до 40 тыс., а число наименований химических соединений только с 1900 по 1925 гг. возросло с 70 тыс. до 250 тыс.

Идея применения эсперанто в науке и технике развивалась и развивается именно с работ Дрезена и австрийского техника и интерлингвиста Е. Вюстера, чья книга "Международная стандартизация языка в технике" была

переведена под общей редакцией Дрезена и издана в 1935 г. на русском языке [56]. С тех пор попытки перевести эсперанто из некоего терминологического кода в действительный язык науки (по крайней мере, в отдельных ее областях) имеют определенный успех, о чем свидетельствует: 1) наличие многочисленных научно-технических словарей, 2) терминологических обществ и комиссий, 3) научно-технических изданий, в т.ч. и периодических, на эсперанто, 4) помещение эсперантских резюме к статьям в различных научных сборниках и журналах, 5) включение эсперанто в качестве одного из рабочих языков на некоторых международных конгрессах (один из свежих примеров - IX конгресс Международной ассоциации кибернетиков, проходивший в Намюре в 1980 г.) и др.

Зато уже в 20-30-е гг. роль эсперанто в области социально-политической и публицистической заметно возрасла. Дрезен стимулировал работу в области переводов на эсперанто и распространения за рубежом различных документов советской власти, произведений классиков марксизма-ленинизма. В эсперанто Дрезен видел одно из действительных средств к укреплению международной солидарности трудящихся: "Эта хладнокровная трактовка проблемы есть собственная теория пролетарских эсперантистов", - писал он в 1931 г. [20, 17]. Деятельность СЭСР, которым руководил Дрезен, как и содержание журнала "Международный язык" и др., были направлены именно на развитие пролетарского эсперанто-движения внутри страны и в международном масштабе (см. работы Дрезена в этом направлении: [37, 209-216; 42, 155-158; 2, 103-109; 50, 2-4; 20, 14-17; 31, 121-123; 43, 187-189; 2, 103-109; 36, 181-182; 5, 232-233, 234-240; 45, 5-16; 23, 117-119 и др.]). Мы преднамеренно не говорим здесь об этом подробно, поскольку этот вопрос требует специального и широкого, в контексте других социальных и культурных движений 20-30-х гг., рассмотрения. Это благодатная тема, тема "революционного эсперантизма" [25-Ш, 11-14], которая ждет своих исследователей - не только интерлингвистов, но также историков, социологов.

Примечательно, что идеи Дрезена относительно эсперанто нашли отражение (и в значительной мере - поддержку) в "Тезисах о международном языке", разработанных в 1932 г. бригадой языкового строительства и принятых пленумом Московского научно-исследовательского института языка (НИЯЗ), а вслед за ним и как руководство к действию - ЦК СЭСР и Лингвистической комиссии СЭСР. Сейчас, знакомясь с "Тезисами", но без труда можно заметить, что они были далеко не во всем безупречны и в известной степени имели на себе налет тех идей, которые остались приметой 20-30-х гг. Достаточно в этом плане сослаться на марровскую трактовку языка как надстройки, которая нашла отражение в "Тезисах" в качестве одного из основополагающих начал. Однако "Тезисы" содержали и такие пункты, которые оказали положительное воздействие на эсперанто-движение в целом и в разработку теоретических проблем международного языка, в частности. "Тезисы" поддерживали деятельность СЭСР, отме-

чая, что "эсперанто следует использовать для усиления и укрепления международной связи революционного пролетариата, тем более что эсперантское движение успешно развивается именно в этом направлении" [64, 100], и в то же время подчеркивали (что, собственно, делал и Дрезен), что в настоящий момент все силы должны быть направлены на достижение "расцвета национальных языков, национальных по форме, социалистических по содержанию" [64, 101]. "Тезисы" наметили дальнейшие пути разработки вопросов международного вспомогательного языка, которые в значительной мере созвучны тем идеям, которые развивал Дрезен. В соответствии с "Тезисами" необходимы:

а) пересмотр эсперантской лексики с точки зрения соответствия ее пролетарской идеологии;

б) разработка вопроса об использовании эсперанто лицами, не говорящими на европейских языках;

в) разработка вопроса об использовании эсперанто как первой ступени изучения иностранных языков;

г) использование опыта терминологической работы в СССР для создания эсперантской терминологии и наоборот;

д) разработка научной грамматики эсперанто;

е) изучение опыта вспомогательных международных языков, конкурирующих с эсперанто" [64, 102].

Все эти проблемы действительно стояли на повестке дня и внимание к ним со стороны эсперантистов и языковедов способствовало большему успеху движения за международный вспомогательный язык в 20-30-е гг.

Как теоретика международного языка Дрезена занимал вопрос о том, каковы должны быть принципиальные (лингвистические и прикладные) требования к такому языку. В монографии "За всеобщим языком" он уделяет особое место анализу положений, которые в 1887 г. Американское философское общество приняло как основополагающие для международного (всеобщего) языка. В соответствии с теоретическими установками этого общества такой язык должен быть: 1) построен на материале европейских языков (английского, французского, немецкого, испанского, итальянского, русского); 2) иметь фонетический принцип правописания, при этом звуки должны быть "для всех народов равно удобопроизносимыми"; 3) число гласных ограничено пятью "основными" - а, е, i, о, u; 4) алфавит на латинской основе; 5) основной словарь должен включать 1 тыс. слов, общих указанным языкам, а обогащение словаря должно "направляться особыми международными комитетами, играющими роль академии совершенствования языка"; 6) по грамматике - простой и сходный по своей простоте с наипростейшей естественной грамматикой - английского языка [5, 157].

Дрезен считал достойными внимания эти требования, хотя и не соглашался с отдельными пунктами, например, первым, реализация которого привела бы фактически к "Избранному международному языку", европейски изолированному, против чего возражали в среде сторонников движения за международный язык. Потому, формулируя свои требования к международному языку, он обходит стороной те конкретные рекомендации, которые носили бы "европоцентристский" характер. В монографии "Проблема международного языка" Дрезен выдвинул три требования, в соответствии с которыми международный язык должен быть:

"а) доступным различным народам (следовательно, элементарно сконструированным при участии всех существенных данных традиций и интернационализации);

б) демократичным по построению, без исключений и простым, отвечающим необходимости;

в) выражающим оттенки национальной речи, т.е. приспособленным для переводов" [33, 15].

В дальнейшем в пункт б) было внесено уточнение: международный язык должен быть "б) рациональным, уподобляться точному механизму передачи речи, демократичным по построению, без исключений и простым, отвечающим необходимости" [25-1, 37; см. также: 49, 9-12]. Нетрудно заметить, что отдельные требования носят абстрактный, а порою просто неясный характер. Практически эти же требования отражены и в приложении № 1 к монографии "Проблема международного языка", где они получили название "Принципы построения искусственного международного вспомогательного языка 'эсперанто'" (см. раздел 5 настоящей работы). Дрезен, таким образом, формулировал свои требования к международному вспомогательному языку, ориентируясь на эсперанто. Собственно, из самой сути этого языка и особенностей его функционирования вытекают, по Дрезену, те принципы, которые удовлетворяют требованиям международного средства общения. Практика реально функционирующего международного вспомогательного языка стала той основой, на которой строил свою систему принципов международной языковой средства общения Дрезен. Приходится только сожалеть, что ряд моментов в ней носит отвлеченный характер; к тому же не показано, будут ли воздействовать на реализацию этих принципов эволюционные процессы, которые сопровождают функционирование любого языка, в т.ч. и функционирующего международного искусственного. Требования Дрезена носят общий характер, а потому не видно, какие грамматические и лексико-словообразовательные принципы в наибольшей степени соответствуют представлению об истинно международном языке.

Весь ход предыдущего повествования подвел нас к сердцевине интерлингвистической концепции Дрезена, связанной с определением сущности международного и всеоб-

шего (всемирного) языка и взаимоотношений между этими двумя категориями. В работах Дрезена эти две интерлингвистические категории находят известное разграничение, однако приходится признать, что нужной четкости во взгляде на всеобщий язык Дрезен не проявил. Потому эта часть его концепции носит противоречивый характер, что отметил в свое время Э. Сवादост [62, 134]. Было бы, однако, недостаточным остановиться только на противоречии интерлингвистической концепции Дрезена, как это сделал Э. Сवादост. Важно комплексно рассмотреть вопрос и выявить основные черты интерлингвистического кредо Дрезена.

О том, насколько сложен для Дрезена (и для интерлингвистики 20-30-х гг. в целом) вопрос о международном языке как насущной потребности дня и как возможной эволюции мировой языковой ситуации в далеком будущем, говорят особенности используемой в этом плане терминологии. Когда Дрезен имеет в виду языковое будущее человечества, он употребляет такие термины: всемирное единоеязычие, грядущие формы общечеловеческого языка, будущий всеобщий язык человечества, единый и единственный общемировой язык, язык будущего и т.д. В то же время для обозначения реально функционирующего международно-го средства общения он использует, помимо терминов международный язык, международный вспомогательный язык, международный искусственный язык, также и такие нечеткие определения, как: единый международный язык, единый интернациональный язык, и особенно всеобщий вспомогательный язык, международный всеобщий язык, вспомогательный международный всеобщий язык, всеобщий интернациональный язык, а также вспомогательный, "второй для всех" (или просто "второй язык"), второй вспомогательный язык и др. Нечеткость здесь проявляется в таких компонентах терминов, как "единый", "всеобщий", которые используются и когда речь идет о едином общечеловеческом языке будущего, и когда имеется в виду современное средство международного общения, т.е. международный язык или международный вспомогательный язык. Правда, в работах Дрезена разграничение рассматриваемых категорий находит и иное терминологическое обозначение. Так, в "Основах языкознания, теории и истории международного языка" он помещает небольшой раздел под названием "'Всемирный и международный язык'" [25-Ш, 22-23; то же и в: 49, 5-7], однако в целом пользуется этим терминологическим разграничением неохотно. Поскольку мы не знаем конкретных форм будущего языка человечества, то пока логичнее использовать термин всеобщий язык вместо всемирный язык, тем более что и главная книга Дрезена названа "За всеобщим языком" (так же назвал и свою монографию наш современник Э. Сवादост: "Как возникнет всеобщий язык?").

Несмотря на отмеченную терминологическую нечеткость, все же можно составить представление о том, как Дрезен разграничивал и понимал категории международный язык и всеобщий язык: четче - первую и несколько противоречиво - вторую.

Международный язык, по Дрезену, это категория, обладающая рядом признаков, отдельные из которых отличают ее от категории всеобщий язык. В качестве характеризующих международный язык черт выступают следующие:

1) Хронологический аспект: международный язык - это категория нынешнего дня (тепр. ближайшей перспективы), это потребность времени, в то время как всеобщий язык относится к отдаленной перспективе. Уже в книге "Проблема международного языка" (1922) Дрезен писал: "И если мы, быть может, не можем и не должны говорить о единственном мировом языке - то о языке всеобщем вспомогательном, втором для каждого говорить и имеем право и должны" [33, 10]. К этому толкают не только давно появляющиеся проекты международных искусственных языков и особенно реально функционирующий эсперанто, но и наблюдающийся в XX в. активный процесс интернационализации как в области социально-политической и экономической, так и в области языковой.

2) Вспомогательный характер: "Может идти речь о создании только языка вспомогательного (исключительно литературного), предназначенного исключительно для интернациональных сношений. Подобный вспомогательный язык должен был бы явиться своеобразным организационным приспособлением к существующим, непрерывно усиливающимся сношениям между отдельными странами и народами" [11, 327]. В отличие от всеобщего языка, таким образом, международный язык должен разумно использоваться как вспомогательное средство общения между разноязычными народами [18, 22-26; 32].

3) Конкретность/определенность сфер использования: прежде всего как одно из эффективных средств укрепления пролетарской солидарности трудящихся всего мира; как своеобразный терминологический код и в конечном счете язык в области науки и техники; в личных и государственных контактах между странами и народами и т.д. Говорить о формах применения всеобщего языка представляется делом преждевременным.

4) Применение в живой языковой среде, т.е. наряду с естественными (национальными) языками, при этом если функционирование живого языка носит всеобъемлющий характер в рамках народа-носителя, то международный язык используется как дополнительное, вспомогательное средство в особых случаях. Всеобщий язык, надо полагать, будет в ситуации языковой конкуренции, а затем и языковой изоляции.

5) Генетически - это сознательно, искусственно созданный язык апостериорного типа: его логическая грамматика может отражать особенности широкого круга языков мира, в то время как словарь должен базироваться на международно-европейском, интернациональном, фонде (срав. эсперанто). Один из разделов его книги "Основы языкознания, теории и истории международного языка" назван им знаменательно: "Апостериорный метод, как единственно могущий содействовать построению международного языка" [25-III, 25-27]. Генетическую струк-

туру всеобщего языка Дрезен представляет себе нечетко (об этом см. ниже).

Указанные признаки имплицитно присутствуют во всех рассуждениях Дрезена, когда он говорит о международном языке. В свете сказанного становится ясным, что анализируемая интерлингвистическая категория должна, по Дрезену, именоваться терминологически точнее, как международный вспомогательный искусственный язык. Примечательно, что в международном языке Дрезен видел объединяющий и в то же время созидательный фактор [14, 8].

Всеобщий язык - категория более сложная и не во всем ясная. Разработка первой категории потребовала, конечно, определенных высказываний и о второй категории, но очертания последней настолько нечетки, что это естественным образом вызывает колебания в оценках и представлениях.

Следует указать на один важный момент: Дрезен подчеркивал необходимость учета социального фактора в разработке проблем всеобщего языка. Он критиковал идеалистические представления буржуазных эсперантистов, части идеологов движения, которые "восторженно пророчествуют новый мир всеобщей любви и равенства, грядущего вместе со всеобщим языком. Подобная утопическая, лишенная экономических обоснований идеология и подобный подход к вопросу со стороны большинства приверженцев эсперанто явились до сих пор основной причиной фактического неприятия идеи международного языка среди руководящих кругов международного и российского революционного движения" [33, 4; срав. также его критику идеалистических воззрений Заменгофа 8, 9-19; 7, 133-146]. Всеобщий язык, как и международный, может быть выведен из социально-экономических предпосылок, пишет он в другом месте: "Принимая во внимание зависимость языка от определенных бытовых условий и трудовой обстановки, мы должны сразу же прийти к выводу, что если таковой интернациональный язык и возможно создать, то ни в коем случае не в качестве единого и единственного общемирового языка, для существования которого достаточных предпосылок еще не имеется" [11, 327]. Потому Дрезен не принимал левацких настроений некоторой части эсперантистов и теоретиков международного языка, которые в языковом строительстве 20-30-х гг. видели прежде всего проблему решения международного языка, а не движение за создание и развитие национальных литературных языков, а в качестве основной задачи лингвистики ставили, как это делал Э. Спиридович, "построение языка будущего" [63]. "...борьба за международный язык и его использование, мечта о будущем общем языке человечества не должны подменять собою текущую задачу борьбы за установление подлинного равенства между всеми народами и языками" [44, 229; см. также: 13, 78-80]. Непонимание насущных потребностей дня могло только повредить делу. Вопрос о всеобщем языке является "вопросом отдаленного будущего и вряд ли может представляться для нас актуально интересным" [25-Ш, 23].

Все же кое-какие штрихи существа оформления всеобщего языка Дрезен дал. И в них-то как раз и заключаются противоречия, о которых было упомянуто ранее. С одной стороны, Дрезен писал, что "трудно предвидеть те пути, по которым пройдет языковое строительство в ту грядущую отдаленную от нас эпоху, когда методы хозяйства и производства будут едиными на всем земном шаре" [25-Ш, 22; 34, 1-11]. Сейчас ясно только, что "путь к будущему языку лежит через развитие национальных языков при социализме" [44, 22]. С другой стороны, он допускал, опираясь, вероятно, на известные сталинские высказывания об образовании всемирного языка, что "намечающаяся интернационализация языков ведет к возможному их в будущем слиянию" [25-1, 21] - последнее на основе слияния естественных (национальных) языков. В то же время Дрезен допускал и возможность участия эсперанто в "установлении будущего единогоязыкового человечества", т.е. в конечном счете путь искусственного формирования всеобщего языка. Эта роль эсперанто представлялась Дрезену по-разному. То ему казалось, что эсперанто "в определенной мере будет способствовать оформлению той базы, на которой вырастет общепринятый международный т.е. всеобщий язык" [20, 16] - и к этому можно отнестись со вниманием, если иметь в виду, что функционирование эсперанто в течение почти века представляет собой определенный интерлингвистический опыт. Однако Дрезен высказывал также и мысль о том, что эсперанто может перерасти из международного вспомогательного в универсальный, всеобщий язык [20, 14-17; особенно глава эсперантского издания книги "История всемирного языка", с. 227-230]. При всем этом Дрезен допускал третий путь, который "защищается эсперантистами, - это постепенное выковывание форм языка на базе существующих национальных языков, чей опыт, чье содержание и чьи формы в организационно-плановом порядке впитываются, перерабатываются и приспосабливаются к международным формам и потребностям общения в существующем и международно используемом вспомогательном языке - эсперанто" [4, 248]. В такого рода колебаниях и проявилась нечеткость и противоречивость представлений Дрезена о всеобщем языке. Может быть, и не удивительно: ведь это вопрос отдаленного будущего, в отношении которого можно лишь высказать самые общие прогнозы. Важной представляется другая сторона интерлингвистической концепции Дрезена: деление проблемы общего языка на международный вспомогательный язык и на всеобщий язык - и объективно оправдано, и перспективно как в прикладном, так и теоретическом плане. Такое понимание вопроса принято и в современной интерлингвистике [см., например: 54, 65 и далее; 58, 26-34]. В этом отношении особое место занимает лишь концепция всеобщего языка Э. Сवादоста, который полагал, что "всемирный, или всеобщий, общечеловеческий, язык может быть вторым (вспомогательным, побочным) языком всех народов мира, может быть их первым (основным) языком и, наконец, единственным (единым)"; в соответствии с этим,

продолжает Сवादост, "языковые общности грядущего человечества суть общности первой (начальной), второй (переходной) и третьей (завершающей) степеней [ступеней?]. И проблему перехода населения земного шара к одноязычью можно ставить как проблему одного планомерно развивающегося языка, функции которого постепенно расширяются - от функции вспомогательного к функциям единого ...". [62, 134]. Это понимание проблемы носит чисто теоретический характер и фактически игнорирует тот (пусть скромный) опыт реального функционирования международного вспомогательного языка, который уже имеется.

8

Круг проблем, затронутых в интерлингвистической концепции Дрезена, как видим, достаточно широк. По сути, в его работах тому или иному освещению подвергались все основные вопросы, входящие в компетенцию науки о международном языке - интерлингвистики. Однако сам Дрезен специального обоснования новой лингвистической дисциплины, со своим материалом и своими принципами анализа, фактически не дал. Изучение работ Дрезена показывает, что он был лишь на подступах к этому: он видел контуры новой дисциплины, однако еще не знал, как быть с языкознанием, в контексте которого он рассматривал вопросы международного вспомогательного языка и языка всеобщего. Этим объясняется терминологическая (неустойчивость, проявленная Дрезеном при обозначении науки о международном языке (однажды мы об этом уже писали, см. статью "Интерлингвистика" в первом выпуске "Interlinguistica Tartuensis", 1982, с. 75-76). Помимо общего названия наука о международном языке (в эсперантском издании: *internacilingva scienco*), он первоначально употреблял также термин прикладное языкознание. Специальной дифференциации Дрезен здесь не давал, однако из контекста явствует, что в задачи прикладного языкознания входит постановка и решение проблемы международного и всеобщего языка. Последний мыслился как сконструированный, сознательное, искусственное творение, которое удовлетворяло бы "экономии мышления, труда и времени" [38, 83; 11, 326; 25-1, 33]. Если перевести все это на язык современной интерлингвистики, то под прикладным языкознанием Дрезен в конечном счете видел так наз. плановую лингвистику. Правда, в дальнейшем в сферу прикладного языкознания Дрезен стал включать и вопросы создания и унификации научно-технической терминологии, расширяя тем самым круг проблем этой науки (см., например, эсперантскую книгу [52, 50-51]).

Собственно, такое же содержание Дрезен вкладывал и в другой термин - космоглоттика (или космоглотика), хотя употреблял его редко. Более или менее общее представление об этом он дал в своей книге "За всеобщим языком". В восьмой главе, посвященной движению за международный язык в 1893-1925 гг., Дрезен выделяет небольшой, буквально в несколько строк, раздел "Наука о всеобщем искусственном языке - космоглоттика" (в эс-

перантском издании: "La Kosmoglotiko - scienco pri universala artefarita lingvo") [5, 181; 48, 206]. В соответствии с пониманием Дрезена, "космоглоттика" занята изучением строения всеобщих всемирных языков, упрощением их составных частей, форм и их взаимоотношений" (там же). Эту же, по сути, задачу он видит и у членов дореволюционного российского (петроградского) общества "Космоглотт" (в него входили И.А. Бодуэн де Куртенэ, сам Дрезен и др.), которых называет не космоглоттистами, а - интерлингвистами! (там же). Это еще одно свидетельство того, что Дрезен, по крайней мере, в конце 20-х гг. - начале 30-х гг. [46, 77-80], хотя и признавал автономность науки о международном языке, все же не ощущал потребности в специальном ее обосновании, в определении круга ее проблем и главное - ее места в системе лингвистических дисциплин. Специально эти вопросы стали рассматриваться в отечественной интерлингвистике лишь после войны (см., например, книгу Э. Свядоста "Как возникнет всеобщий язык?", московский сборник "Проблемы интерлингвистики" и тартуский выпуск серийного издания "Interlinguistica Tartuensis" [62; 61; 66]).

Космоглоттические разработки Дрезена в значительной мере отразили в себе состояние отечественной лингвистики 20-30-х гг., находившейся в сложных условиях социальной перестройки жизни. Основное внимание в этот период было направлено на создание методологических основ советского языкознания. Между тем определить принципы марксистского языкознания и воспользоваться ими в практике языкового анализа было непросто. Старое сравнительно-историческое языкознание, несомненно внесшее большой вклад в исследование генетических проблем прежде всего индоевропейских языков, сковывало лингвогеографические рамки, а узость и специфическая направленность его методики не отвечали задачам, стоявшим перед новым советским языкознанием. По этой причине в 20-30-е гг. сравнительно-историческое языкознание объявлялось "буржуазным", что вело зачастую к отрицанию всего того, что было сделано в языкознании до начала XX в., и требовало, соответственно, поисков новых путей, отвечающих духу новой эпохи. Формировавшиеся в это время направления, каждое на свой лад, ставили задачу применить марксистскую методологию к языкознанию. С одной стороны, продолжала работу группа видных языковедов, сохранявших связи с традициями старого языкознания, плодотворно использовавших сравнительно-историческую методику исследования и сделавших определенный вклад в разработку диалектико-материалистических принципов науки о языке (Л.В. Щерба, В.А. Богородицкий, Е.Д. Поливанов и др.). Этому направлению противостояло "новое учение о языке" Н.Я. Марра, порвавшее всякие связи со

старым языкознанием и заявившее о себе как о единственно марксистском направлении. Оно обратилось к изучению бесписьменных языков и к созданию на их основе литературных языков, однако в методологическом плане это учение может быть охарактеризовано как вульгарно-материалистическое. Между этими направлениями имелось ряд других объединений и просто отдельных языковедов, которые к осмыслению нового языкознания шли своим путем.

Не будучи профессиональным лингвистом, Дрезен, естественно, поддавался тем или иным лингвистическим доктринам, хотя при всем этом (что объективности ради следует подчеркнуть) он искал и собственные пути подхода и объяснения языкового материала. Дрезен принимал ошибочный тезис Марра о языке как идеологической надстройке, возникающей на базе производства и производственных отношений [11, 325], и пытался даже перенести его в область международного языка (см., например, раздел его "Основ языкознания, теории и истории международного языка", который называется "Международный язык как надстройка над экономическими и производственными отношениями" [25-Ш, 23]). Поскольку идеологическая надстройка носит классовый характер, то и язык, следовательно, надо квалифицировать как классовое явление. Однако эту ступень развития тезиса Марра Дрезен (с известными, правда, колебаниями) не принимал, совершенно справедливо упрекая А.П. Андреева (см. раздел 4 настоящей работы) в прямолинейности, в механической "сортировке" языка на "буржуазный" (=литературный) и "народный" (=пролетарский?): "Выходцы из народа, — пишет он, — ... приобщаясь к культурным достижениям прошлого (несомненно буржуазного), усваивают, используют и могут использовать только этот 'буржуазный язык'..." [38, 82]. Дрезен осознавал социальную обусловленность языка и считал важным учет социального аспекта при решении вопросов международного и всеобщего языка — об этом мы уже говорили ранее. Однако влияние на него вульгарно-социологических представлений "нового учения о языке", а также работ Р.О. Шор (ее книги "Язык и общество", 1926) все же наблюдалось, особенно в работах 20-х гг., когда Дрезен склонен был прямолинейно переносить методы социальной революции в революцию языковую" [11, 323], что приводило к схематизму отдельных построений. В силу этого он преувеличивал значение международного языка в деле "ускорения момента сближения трудящихся всех стран" [33, 16], в то же время пытаясь форсировать вопрос о языковом будущем человечества. В частности, выступая 17 декабря 1930 г. в Коммунистической академии, Дрезен поддержал группу "Языковедный фронт" в ее критике яфетической теории (за идеалистичность и механистичность последней). Он отметил, что яфетидология занимается в основном изучением устных языков и созданием письменности, однако, как ему казалось, в ущерб другой проблеме: "Современное языкознание, — говорил он, — должно наметить

пути сближения, подхода к тому будущему языку, который явится языком бесклассового общества" [16, 283]. В дальнейшем он преодолел этот взгляд, считая, что форсирование проблемы языка будущего не отвечает социально-политическим и чисто научным требованиям времени (см. подписанное им совместно с другими членами группы "Языковедный фронт" обращение: [60, 177-178]). Но Дрезен остался на позиции, считая, что "языковедная наука должна перестать игнорировать факт коллективного творчества новых форм международного языка" [16, 284].

Дрезен видел в языковом строительстве благодатный материал для интерлингвистических идей, полагая в то же время, что и при создании новых литературных языков опыт лингвопроектирования мог бы иметь определенное значение. Мы показали, что международный язык у Дрезена — это категория вспомогательная, находящая применение в определенных сферах и ни в коем случае не конкурирующая с национальными языками. Рассуждая о международном языке, Дрезен проецировал его прежде всего в международный план. Он был против лозунга "сплошной эсперантизации" СССР, который выдвигали отдельные буржуазные деятели эсперанто-движения за рубежом. Вместе с тем Дрезен не ощутил в полную меру потребности Союза в едином средстве общения. Чисто "международный план, простор" уводил его от этого. Он считал русский язык великим языком, но не сумел увидеть те социально-политические и экономические причины, которые выдвигали этот язык на роль межнационального средства общения в стране 130 языков и народов. Впрочем, в 20-е и в начале 30-х гг. этого не замечали многие.

В космоглобалистической концепции Дрезена отразились все трудности роста как отечественного языкознания 20-30-х гг. в целом, так и науки о международном языке, в частности. При всем этом концепция Дрезена представляет собой яркую и вместе с тем поучительную страницу в истории довоенной отечественной интерлингвистики. Заслуги Дрезена состоят прежде всего в том, что он разграничил и обосновал две формы существования языка как средства международного общения — международный язык и всеобщий язык, показал социальную и экономическую обусловленность этих категорий, установил эволюционный характер международного вспомогательного искусственно-го языка и тем самым подошел к фундаментальным принципам языковой диалектики: реальное функционирование международного искусственного языка порождает эволюционные процессы его грамматического строя, накопление и изучение элементов которых дает возможность дальнейшего языкового прогнозирования.

Л и т е р а т у р а

а) цитируемые работы Э.К. Дрезена

1. Бейсик инглиш (Basic English). - Международный язык, М., 1934, кн. 1.
2. В борьбе за СЭСР. Заметки по истории советского эсперанто-движения. - Международный язык, М., 1932, кн. 4.
3. В поисках всеобщего языка. С предисловием В.И. Невского. - М.-Л.: "Земля и фабрика", 1925.
4. Диалектика развития языка и противники эсперанто. - Международный язык, М., 1931, кн. 6; то же в кн.: Новые проблемы языкознания. Сборник статей. М.: ЦК СЭСР, 1933, с. 26-34.
5. За всеобщим языком, (Три века исканий). С предисловием акад. Н.Я. Марра. - М.-Л.: Гос. изд-во, 1928.
- 5а. За очищение и уточнение научно-технического языка. - Фронт науки и техники, М., 1935, № 1.
6. За точный и четкий научно-технический язык. - Фронт науки и техники, М., 1936, № 6.
7. Заменгоф - инициатор и теоретик движения за международный язык. - Международный язык, М., 1929, № 3.
8. Заменгоф как философ и моралист. - Международный язык, М., 1929, № 1.
9. Из истории международного языка. - Международный язык, М., 1925, № 5 (31), декабрь; № 6 (32), декабрь; 1926, № 10 (36), февраль; № 12 (38), март; № 16 (42), май; № 19 (45) июнь.
10. Интернационализация научно-технической терминологии. История, современное положение и перспективы. - М.-Л.: Стандартгиз, 1936.
11. Искусственное регулирование развития языка. - Известия ЦК СЭСР, М., 1928, № 9-10, сентябрь - октябрь; № 11-12, ноябрь - декабрь.
12. К вопросу о рационализации языка. - НОТ и хозяйство Тбилиси, 1926, № 8-9.
13. [Дрезен Э.] Эден. Маркс и Энгельс о языкознании. - Международный язык, М., 1933, № 3, март.
14. Международный язык. - Москва-Кремль: Тип. Клуба им. Я.М. Свердлова при ВЦИК Советов, 1922.
15. Мировая кузница М[еждународного] я[зыка]. О работе и перспективах интернациональной лингвистической комиссии. - Международный язык, М., 1932, кн. 6.
16. [Дрезен Э.] На рельсы нового языкознания. (Стенографическая запись). - Международный язык, М., 1930, кн. 6.
17. Д[резен Э.]? Не угодно ли еще раз? - Международный язык, М., 1929, № 6, ноябрь - декабрь.
18. Новый этап в истории нашего языка. - Международный язык, М., 1932, кн. 3; то же см.: Новые пробле-

- мы языкознания. Сборник статей. М.: ЦК СЭСР, 1933, с. 22-26.
19. Нормализация технического языка при капитализме и социализме. (Вместо рецензии на кн. - E. Wüster. Internationale Sprachnormung in der Technik, besonders in Elektrotechnik. - Интернациональное нормирование языка в технике и особо в электротехнике). - Международный язык, М., 1932, кн. 7-8; кн. 11-12.
 20. О грядущем эсперанто. Язык национальный, международный и всеобщий. - Международный язык, М., 1931, кн. 1.
 21. О международном нормировании научно-технических терминов и обозначений. - Социалистическая реконструкция и наука, М., 1934, вып. 2.
 22. Об идо, окцидентале и пропавших десяти коленах. - Международный язык, М., 1929, № 1.
 23. Организация международной связи и международный язык. - В кн.: На путях к международному языку. Сборник статей. М.-Л.: Гос. изд-во, 1926.
 24. Основные этапы развития идеи международного языка. - В кн.: На путях к международному языку. Сборник статей. М.-Л.: Гос. изд-во, 1926.
 25. Основы языкознания, теории и истории международного языка. Пособие для кружков и кружководов. Ч. I. Язык и искусственное в языке. Ч. II. Развитие идеи международного языка. Ч. Ш. Распространение, использование и пути дальнейшего оформления международного языка. - М.: изд. ЦК СЭСР, 1929. Работа издана в одной книге в том же году; изд. 3-ье, перераб.: М.: ЦК СЭСР, 1932.
 26. [Ответ на анкету "Международного языка": "Над чем вы теперь работаете?"] - Международный язык, М., 1934, кн. 6.
 27. Очерк истории идеи международного языка. Ч. 1-2. - М.: ЦК СЭСР, 1922. Ч. I. (Период до 1880 г. и развала волапюка). Ч. 2. (Период с 1880 г. до наших дней).
 28. Очерки теории эсперанто. - М.: ЦК СЭСР, 1931. Название и текст параллельно на русском и эсперанто языках.
 29. Перспективы интернационализации научно-технической терминологии. (К докладу, принятому Международной конференцией по стандартизации 21 августа 1934 г.). - Международный язык, М., 1934, кн. 11-12.
 30. Перспективы в области интернационального нормирования научно-технических терминов и обозначений. - Международный язык, М., 1934, кн. 2-3.
 31. Победный путь. Десять лет Союза эсперантистов советских республик. 1921-1931. - Международный язык, М., 1931, кн. 3.
 32. Проблема международного языка на текущем этапе его развития. - М.: ЦК СЭСР, 1932. Текст параллельно на русском и эсперанто.

33. Проблема международного языка (опыт материалистического обоснования вопроса). - М.: ЦК СЭСР, 1922.
34. Пути обогащения эсперанто. - Международный язык, М., 1933, кн. 2, февраль.
35. Пути оформления и распространения международного языка. - Известия ЦК СЭСР, М., 1928, № 1-2.
36. Почему мы не форсируем эспердвигение. О перспективах эсперанто во второй пятилетке. - Международный язык, М., 1932, кн. 6.
37. Рабочее эсперанто-движение. - Международный язык, М., 1930, кн. 4-5.
38. Рационализация орудия связи и взаимопонимания языка. - Известия ЦК СЭСР, М., 1926-1927, № 3-4, декабрь - январь.
39. Российские попытки создания международных искусственных языков. (Заметки на блокноте). - Известия ЦК СЭСР, М., 1926-1927, № 8, № 9-12.
40. Стандартизация научно-технических понятий, обозначений и терминов. - М.-Л.: "Стандартизация и рационализация", 1934. Изд. 2-ое, испр. и дополн. - М.-Л.: "Стандартизация и рационализация", 1934; изд. 3-ье, перераб., под названием: Научно-технические термины и обозначения и их стандартизация. - М.: Стандартгиз, 1936.
41. Стандартизация научно-технического языка при капитализме и социализме. - В кн.: Е. Вюстер. Международная стандартизация языка в технике. Перев. с немец. Под ред. Э.К. Дрезена и др. Л.-М.: Стандартгиз, 1935.
42. Союз эсперантистов советских республик и его положение в рядах советской общественности. - Международный язык, М., 1930, кн. 2-3.
43. Три этапа в истории эсперанто. - Международный язык, М., 1931, кн. 4.
44. Учение Ленина в практике движения за международный язык. - Международный язык, М., 1933, кн. 1, январь.
45. Язык - орудие связи. Его развитие. - В кн.: На путях к международному языку. Сборник статей. М.-Л.: Гос. изд-во, 1926.
46. Языки контр-революции. Реакционные теории в современной космоглоитике. - Международный язык, М., 1931, кн. 2; то же в кн.: Новые проблемы языкознания. М.: ЦК СЭСР, 1933, с. 44-49.
47. Analiza historio de Esperanto-movado. - Leipzig, 1931.
48. Historio de la mondolingvo. - Leipzig, 1931; 3-а елд.: Oosaka: Pirato, 1967; на японском языке: Sekaigo no rekishi. - Tokio, 1934.
49. La vojoj de formiĝo kaj disvastiĝo de la lingvo internacia. Studo de E. Drezen. - Leipzig, 1929.
50. La vojoj de la movado mondlingva en Sovetlando. - In: Международный язык, М., 1926, № 15 (41), май.

51. Pri la libero de neologismoj en esperanto. - In: *Международный язык*, М., 1931, кн. 3.
52. Pri problemo de internaciigo de science-teknika terminaro. Historio, nuna stato kaj perspektivoj. - Moskvo, 1935.

6) работы других авторов

53. Ахманова О.С. Естественные языки и проблема создания вспомогательного языка науки в эпоху научно-технической революции. - В кн.: *Научно-техническая революция и функционирование языков мира*. М., 1974.
54. Ахманова О.С., Бокарев Е.А. Международный вспомогательный язык как лингвистическая проблема. - *Вопросы языкознания*, М., 1956, № 6.
55. Бокарев Е. Международный язык и наука о языке. - *Известия ЦК СЭСР*, М., 1928, № 5-6, март - апрель.
56. Вюстер Е. Международная стандартизация языка в технике. Перев. с немец. Под ред. Э.К. Дрезена и др. - Л.-М.: Стандартгиз, 1935.
57. Дановский Н.Ф. Эволюция эсперанто. - В кн.: *Проблемы интерлингвистики. Типология и эволюция международных искусственных языков*. М.: Наука, 1976.
58. Исаев М.И. Проблема искусственного языка международного общения. - В кн.: *Проблемы интерлингвистики. Типология и эволюция международных искусственных языков*. М.: Наука, 1976.
59. Нахов И.М. Здесь говорили по-латыни (Пятый международный конгресс латинской культуры в Трире). - *Вестник Московского ун-та. Серия 9. Филология*, 1982, № 2.
60. Обращение группы "Языковедный фронт". - *Международный язык*, М., 1930, № 4-5.
61. Проблемы интерлингвистики. Типология и эволюция международных искусственных языков. М.: Наука, 1976.
62. Сवादост Э. Как возникнет всеобщий язык? - М.: Наука, 1968.
63. Спиридович Э. Очерки теории международного вспомогательного языка. - *Международный язык*, М., 1930, № 1; № 2-3; № 4-5; № 6.
64. Тезисы о международном языке. Разработаны бригадой языкового строительства и приняты пленумом НИЯЗ. - *Международный язык*, М., 1932, № 4.
65. Couturat L., Leau L. Histoire de la langue universelle. - Paris, 1903.
66. Interlinguistica Tartuensia I. Актуальные проблемы современной интерлингвистики. Сборник в честь семидесятилетия акад. П.А.Аристэ. (Ученые записки Тартугу. Вып. 613). Тарту, 1982.
67. Kalocsay K., Waringhien G. Plena analiza gramatiko de Esperanto. Eld. 4-a. - Rotterdam: UEA, 1980.

68. Plena ilustrita vortaro. - Paris:eld. SAT, 1970.
 69. Wells J.C. Lingvistikaj aspektoj de Esperanto. - Rot-
 terdam: UEA - Centro de esploro kaj dokumen-
 tado, 1978.

LA KONCEPTO DE LA INTERNACIA KAJ TUTMONDA

LINGVO ĈE E.K. DREZEN

(Unu fragmento el historio de la antaŭmilita
 soveta interlingvistiko)

Aleksandr D. Duliĉenko

Ernest K. Drezen estas eminenta soveta interling-
 visto. Li estas konata kiel aŭtoro de multnombraj ar-
 tikoloj kaj libroj pri la internacilingva problemo (in-
 ter ili estas ampleksa monografio "За всеобщим языком",
 tradukita en Esperanton sub titolo "Historio de la mon-
 dolingvo"). En la artikolo estas pritraktitaj: proble-
 mo de la internacia lingvo ĝenerale, arta reguligo de
 la lingvoevoluo, strukturaj tipoj de la artefaritaj ling-
 voj; Esperanto, ĝia struktura specifikeco, rilato al
 aliaj lingvoprojektoj kaj lingvoj naciaj, ĝia socia kon-
 diĉeco kaj perspektivoj; postuloj por lingvo internacia;
 koncepto de la internacia kaj tutmonda lingvo; la kos-
 moglotiko; ĝenerallingvistikaj aspektoj de la kosmo-
 glotikaj ideoj de Drezen.

А В Т О Р Ы

ВТОРОГО ВЫПУСКА СЕРИИ "INTERLINGUISTICA TARTUENSIS"

- Аристэ, Пауль Александрович (1905), доктор филологических наук, профессор кафедры финно-угорских языков Тартуского государственного университета, академик АН Эстонской ССР: специалист в области финно-угроведения, общего языкознания и интерлингвистики.
- Дуличенко, Александр Дмитриевич (1941), доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Тартуского государственного университета: славянская филология, общее языкознание и интерлингвистика.
- Копыленко, Моисей Михайлович (1920), доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом Института языкознания АН Казахской ССР (г. Алма-Ата): социальная лингвистика, интерлингвистика, общая и русская фразеология.
- Корнилов, Владимир Анатольевич (1937), кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета: социальная лингвистика и интерлингвистика, синтаксис, словообразование.
- Кузнецов, Сергей Николаевич (1945), кандидат филологических наук, доцент, научный сотрудник Института языкознания АН СССР (г. Москва): общее языкознание и интерлингвистика, германистика.
- Лихтгейм, Артур Михайлович (1930), Москва: занимается вопросами интерлингвистики.
- Скупас, Лауринас-Альгимантас Юозович (1937), кандидат филологических наук, доцент Вильнюсского государственного университета: фонетика и грамматика французского языка, интерлингвистика.
- Стражницкас, Лаймюс Юозович (1959), преподаватель французского языка (г. Вильнюс): занимается вопросами интерлингвистики.

С о д е р ж а н и е

Дуличенко А.Д. О некоторых направлениях лингвотворчества в современной интерлингвистике	3
Корнилов В.А. Апостериорные языки и типология языко-творчества	21
Лихтгейм А.М. Языковые универсалии как основа построения планового языка (II)	33
Кузнецов С.Н. Принципы теоретического описания планового языка	42
Копыленко М.М. О выразительных средствах эсперанто...	65
Skūpas L.J., Stražnickas L.J. Semantikaj sencoj de refleksivaj verboj en la lingvoj litova, franca kaj Esperanto	77
Ariste P. Liva poezio en Esperanto	83
Дуличенко А.Д. Концепция международного и всеобщего языка Э.К. Дрезена. (Фрагмент истории довоенной отечественной интерлингвистики)	89
Авторы второго выпуска серии "Interlinguistica Tartuensis"	122

E n h a v o

Duličenko A.D. Pri kelkaj ĉefaj tendencoj de lingvoprojektado en la moderna interlingvistiko....	3
Kornilov V.A. Aposterioraj lingvoj kaj tipologio de lingvokreado	21
Lihtgejm A.M. La lingvaj universaloj kiel bazo por la konstruado de plana lingvo (II)	33
Kuznetsov S.N. La principoj de la teoria priskribo de planlingvo	42
Kopylenko M.M. Pri emfazaj rimedoj de Esperanto	65
Skūpas L.J., Stražnickas L.J. Semantikaj sencoj de refleksivaj verboj en la lingvoj litova, franca kaj Esperanto	77
Ariste P. Liva poezio en Esperanto	83
Duličenko A.D. La koncepto de la internacia kaj tutmonda lingvo ĉe E.K. Dizen. (Unu fragmento el historio de la antaŭmilita soveta interlingvistiko)	89
La aŭtoroj de 2-a volumo de la scienca serio "Interlinguistica Tartuensis"	122

Ученые записки Тартуского государственного университета.
Выпуск 644.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ЯЗЫКА
Interlinguistica Tartuensis II.

На разных языках.

Резюме на разных языках.

Тартуский государственный университет.

ЭССР, 202400, г. Тарту, ул. Юликооли, 18.

Ответственный редактор А. Дуличенко.

Подписано к печати 26.05.1983.

МВ 04999.

Формат 60х90/16.

Бумага писчая.

Машинопись. Ротапринт.

Учетно-издательских листов 8,97.

Печатных листов 7,75.

Тираж 750.

Заказ 554.

Цена 1 руб. 40 коп.

Типография ТТУ, ЭССР, 202400, г. Тарту, ул. Пялсона, 14.